Минский Мужик

ЧТО Я ВИДЕЛ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ?

ИЗ МОИХ ЛИЧНЫХ НАБЛЮДЕНИЙ

(С картой и иллюстрациями)

ЧИКАГО — 1935

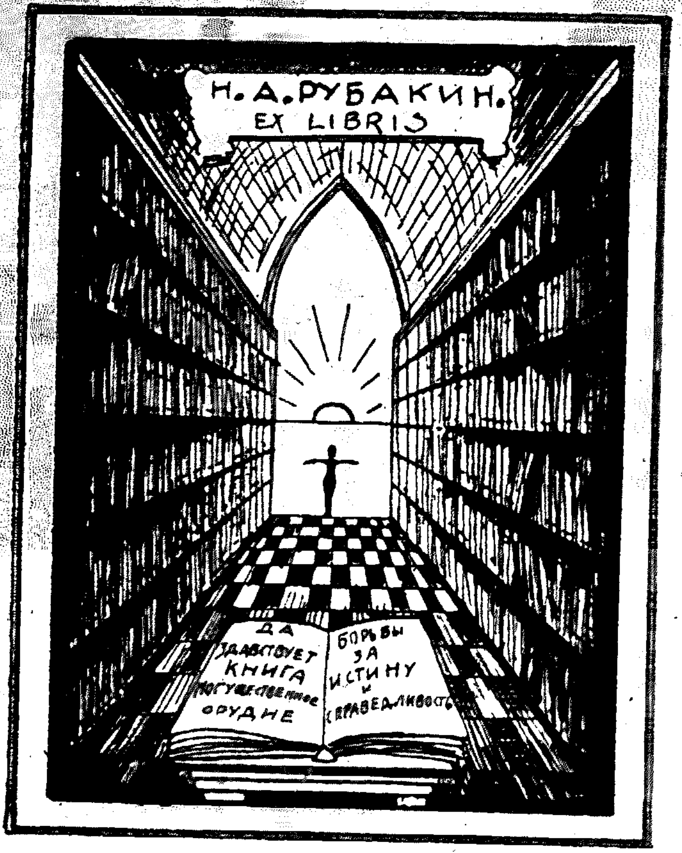
Дорогому учителю
и другу трудя-
щихся Николаю
Алекс. Рубакину
от автора
Сев. Америка
8/9/35

Минский Мужик

ЧТО Я ВИДЕЛ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ?

ИЗ МОИХ ЛИЧНЫХ НАБЛЮДЕНИЙ

ЧИКАГО — 1935

ПОРАБОЩЕННЫМ, ЗАКОВАННЫМ В ЦЕПИ БОЛЬШЕВИЦКОЙ ДИКТАТУРЫ, НАРОДАМ СССР ПОСВЯЩАЮ ЭТУ КНИГУ.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Летом прошлого года мне удалось осуществить мое давнишнее желание — побывать на родине, которую я покинул в 1913 году, когда мне было только 18 лет отроду. Хотелось посмотреть на новую, в муках революции рождающуюся, Россию. Депрессия в Америке испугала меня, и в тайниках души я даже мечтал о том, чтобы навсегда остаться в своей родной стране.

Увы! моя заветная мечта не осуществилась: столкнувшись с суровой и страшной советской действительностью, я понял, что жить в России нельзя. Надо было, возвращаться в буржуазную Америку. Во время пребывания в СССР, я внимательно присматривался к советской жизни. Как крестьянский сын и американский рабочий, я имел возможность вступить в близкое общение с советскими рабочими и крестьянами. В моей родной деревне, в Минской губернии, собственными глазами, на практике, я увидел страшные последствия коллективизации.

Вернувшись в Америку, я написал серию статей о том, что я видел в СССР, напечатанных в чикагской газете «Рассвет». Эти статьи, по понятным причинам подписанные псевдонимом, обратили на себя внима-

ние читающей публики. Американские большевики подняли крик — правда глаза колет.

Завязавшаяся вокруг моих статей полемика только усилила интерес к ним со стороны читателей, которые сами-же подняли вопрос об издании их отдельной книгой не только на русском, но и английском языке. Мне оставалось пойти навстречу пожеланиям моих многочисленных неизвестных друзей. Печатавшиеся в газете «Рассвет», с сентября 1934 года до конца марта 1935 года, статьи я пересмотрел, исправил и подкрепил многие мои заявления цифровыми данными, взятыми из советских источников. Кроме того, я написал специально для книги новые главы о молодежи, пятилетке, красной армии и другие.

Считаю своим долгом поблагодарить издательство газеты «Рассвет», всех читателей и друзей за оказанное мне внимание, моральную и материальную поддержку. Я буду вполне вознагражден тем, если моя книга прольет некоторый свет на мрачную советскую действительность, и предупредит трудящихся от увлечения пагубным и обманчивым большевизмом, приводящим к новой кабале и рабству, а не к свободе и уничтожению порабощения человека человеком.

МИНСКИЙ МУЖИК.

1. ПО ПУТИ В СССР.

ПРИНЦИПИАЛЬНАЯ КОММУНИСТКА

В летний жаркий день—5-го июля—на большом пароходе «Беренгария», я покинул многошумный Нью Иорк. Через пять с половиной дней я уже был в Шербуле (Франция), а оттуда попал в Лондон.

Туристов, направлявшихся в Ленинград, задержали в английской столице на два дня. Советский пароход, который должен был забрать нас в Лондоне, по пути из Ленинграда потерпел аварию, а другой придет через неделю. Нам предстояло — ожидать неделю или отправиться через скандинавские страны в Финляндию, а оттуда в Ленинград.

Хотя стол и квартира были обеспечены в гостинице Иислей, но мы решили уехать, а не ожидать. В этой гостинице находилось много туристов, и ежедневно прибывали новые из Америки и Канады. Были и возвращающиеся из России.

— Вы — русский? — спрашивает меня в приемной девица лет 25, небольшого роста, худенькая, с усталым лицом.

— Да. А вы—моя соотечественниица?

— Ах, как я рада, что встретила русского, —со вздохом говорит она.

Усталая и измученная в дороге, девушка едет в Ленинград и ждет уже неделю советского парохода.

— Я принципиально отказываюсь ехать в Ленинград другим путем и требую, чтобы компания послала меня туда только на советском пароходе, идущем в Ленинград. Ах, как я люблю щи и другие русские блюда.

Девушка приехала из Монтреала и спешит, как ярая коммунистка, поскорее попасть туда, где, по ее словам, нет капиталистического гнета и эксплоатации.

— Родилась я в Канаде, но, как коммунистка, отказалась от канадского гражданства семь месяцев назад и приняла советское гражданство,—об'ясняет мне наивная девушка.

Я посоветовал ей не ожидать советского парохода, а присоединиться к нашей группе, и вместе ехать в Ленинград. Один из туристов, прибывших из России и ожидавший парохода в Канаду, тоже рекомендовал ей ехать с нами. Он намекает на то, что в Сов. России нет того, что многие иностранцы ожидают там увидать. Девушка, однако, не соглашается с нашими доводами и остается ожидать советского парохода. Меня удивили ее упорство и фанатизм.

В ЛОНДОНЕ

В столице Великобритании — около 7 миллионов душ населения. Дома — небольшие, с двойными окнами, приспособленными к более холодному климату. Улицы такие-же, как в Америке, но трамваи, автомо-

били, автобусы и пешеходы придерживаются левой стороны, и приезжего человека это несколько смущает.

В Лондоне нет американской спешки: расхаживают англичане по тротуарам и переходят через улицу не торопясь. Румяна и белила как будто-бы в меньшем употреблении у англичанок, чем в Америке, в одежде простота, скромность и отсутствие шика и крикливости.

Собвев и трамваев в Лондоне меньше, чем в Нью-Иорке, но зато больше двухэтажных автобусов, которые взимают за проезд от 7до до 8 сентов. Трамваи — двухвагонные и во многих местах—двухэтажные. Движутся так же быстро, как подземные поезда в Нью-Иорке.

На улицах — множество автомобилей фордовского типа. Газолин дорог. В большом употреблении велосипеды. Улицы чистые. На Оксфорд и Холес улицах, в западной части города, возводится несколько больших гостиниц и жилых домов в 10--25 этажей, своей архитектурой превосходящих нью-иоркские небоскребы.

Английская столица изобилует садами и парками. Самый большой из них — Гайд парк, расположенный в центре столицы, утопает в зелени. В парке тысячи скамеек и укрытия от дождя. Отведено специальное место для устройства митингов под открытым небом для всех партий, течений и лиц. Здесь свобода слова ничем не стеснена, и наказывают только тех, кто пытается сорвать митинг противника. Даже английские большевики ведут себя прилично и очень редко устраивают скандалы.

Всякий желающий высказаться взбирается на ящик,

собирает публику, пропагандирует или проповедует что либо. Публика переходит от одного оратора к другому. Одновременно ораторствовали: проповедник, два почтенных буржуа, гитлеровец и антигитлеровец. Всю «правду» можно было узнать сразу...

В богатом Лондоне — множество безработных, попрошаек и проституток. Подкармливает их город, некоторых безработных сплавляют на фармы, где им приходится работать почти даром, за стол и квартиру. Безработные волнуются, протестуют, но «рабочий» премьер Макдональд больше всего безпокоится о славе и величии британской империи, чем о полуголодных людях.

В ДАНИИ

После 23-часовой езды на пароходе, наша компания туристов очутилась в Дании. Это — крошечное королевство, в 35 тысяч кв. верст, с населением в 6,000,000 душ. Датчане — преимущественно земледельцы, скотоводы и рыболовы. Датское государство возникло еще в восьмом веке. Страной управляют конституционный король и парламент, в котором теперь преобладают социалисты.

Неучаствовавшая в войне Дания, чувствует себя немного лучше, чем Англия. Мировая депрессия коснулась и ее, но число безработных невелико—15,000 человек. Их кормит государство. Семейные безработные получают столько пищевых продуктов, обуви и одежды, что никакой нужды не чувствуют, и ничего не имеют против того, чтобы безработица продолжалась бесконечно.

Закон о страховании от безработицы проведен по настоянию социалистов. Коммунисты очень недовольны такой работой «социал-предателей».

— Если-бы не социалисты в парламенте, — заявила мне, ехавшая в СССР, датчанка-коммунистка,— то у нас в Дании давно уже произошла-бы социальная революция. Социалисты, кормящие безработных, и анархисты, критикующие советское правительство, расстраивают все наши революционные планы.

— По вашему нужно, чтобы безработные голодали?

— Сытые на революцию не пойдут.

— Неужели датские анархисты против революции?

— Нет, они за революцию, но в своей печати и на митингах доказывают, что рабочим не следует вступать на большевицкий путь, который приводит не к освобождению, а к новому закабалению и рабству.

— Какой-же революции анархисты хотят?

— Анархо-синдикалистической, без диктатуры пролетариата.

— Что это означает на практике?

— Переход всех фабрик и заводов в руки профессиональных союзов и всей земли в руки самих земледельцев.

— Разве это было-бы плохо для трудящихся?

— Может быть и не плохо, но мы, большевики, против этого: мы верим в диктатуру пролетариата.

— А известно-ли вам, что дала диктатура пролетариата в России рабочему и крестьянину?

— Дала им все, что нужно.

Я ехал в СССР, и, во избежание недоразумений, не хотел возражать этой фанатичной коммунистке.

Из эрсбургского порта мы направились в Копенгаген — столицу Дании. Город большой и оживленный. Множество трамваев, автомобилей, а больше всего — велосипедов. На велосипедах все — мужчины, женщины и дети.

В ШВЕЦИИ.

Из Копенгагена, переплыв через небольшой пролив, мы прибыли в шведский город Малбо, а отсюда в Стокгольм, после восьмичасовой езды по железной дороге.

Шведское королевство занимает восточную часть скандинавского полуострова, граничащего с Норвегией и Финляндией. Территория — 390 тысяч кв. миль. Население — шесть с половиной миллионов душ. Производство знаменитого сыра и спичек, лесопромышленность, рыболовство и в последние два десятка лет — производство бумаги и машин для писчебумажных фабрик являются главными отраслями шведской промышленности.

Во время войны нейтральная Швеция расширила производство и разбогатела. Продукция всех товаров в 1913 году составляла 2,163,000,000 крон, а в 1920 году—6,990,000,000 крон (американский доллар равен четырем шведским кронам). Промышленный кризис чувствуется и здесь: в стране 130,000 безработных, большинство которых пользуется казенной помощью.

Свыше 700 лет Стокгольм является столичным городом, представляющим большой интерес для туристов. Население — более 600 тысяч душ. Город рас-

положен «среди мостов», 13-ти островов и девяти зигзагообразных рек. Стокгольм — несомненно один из старейших и красивейших городов в Европе. Гостиницы расположены у рек и мостов. Летом — ночи светлые, небо прозрачное и ясное. Архитектура зданий — старинная, прочная, изящная и привлекательная. Улицы гладкие, ровные и чистые. По улицам быстро носятся двухвагонные трамваи, много автобусов и велисипедов. Хорошо одетая публика, чрезвычайно скромные женщины, не красящиеся и не пудрящиеся. В городе много прекрасных парков, зелени, цветов. Красивый королевский дворец и старинная церковь Ридалгаам, построенная в 1277 году. В ней хранятся мумии знатных покойников, гробницы, знамена, отнятые шведами у разных народов, и другие реликвии.

По соседству расположены: здание городского управления, библиотека, медицинский факультет. Имеется большой исторический музей, построенный в 1764 году. В нем хранится обстановка королевского театра, построенного в 1722 году — сцена, царские ложи и кресла придворных сановников. Там-же—бывший Зимний дворец короля, превращенный теперь в музей. В нем много художественных картин, биллиардная королей, спальня, столовая, художественно разукрашенные стены и потолки. Рядом — большое искусственное озеро, напротив дворца — широкий и длинный сад, придающий живописнейший вид дворцу. Вокруг — небольшие горы, покрытые лесом.

Недалеко от дворца, за городом, среди гор и холмов, разбросаны десятки тысяч небольших миниатюрных домиков, построенных в период последней депрес-

сии. Это — кооперативные городские жилища для среднего рабочего в две, три и больше комнат со всеми удобствами, с небольшим огородом и садом. Стоимость такого домика — 300-800 дол. Первоначальный взнос — 75 дол., а остальная сумма погашается в рассрочку на 20 лет. В каждом доме — электричество, газ, вода, радио. Инициатива кооперативного домостроительства в Швеции принадлежит социалистам, составляющим в парламенте большинство.

Шведские большевики ведут бешеную пропаганду против такого кооперативного домостроительства. Во всяком улучшении материального положения рабочего большевики видят помеху своим планам об установлении диктатуры над пролетариатом. Шведские профсоюзы, как и датские, испанские и французские, находятся под сильным влиянием анархо-синдикалистов. Шведы лучше осведомлены о положении дел в СССР, чем американские рабочие. Они неоднократно посылали своих лидеров в СССР, многие рабочие сами побывали там и узнали правду о большевизме, благодаря чему ленинизм не прививается в скандинавских странах.

В ФИНЛЯНДИИ

Из Стокгольма в Финляндию нужно ехать небольшим речным пароходом через Ботнический залив. Оставили мы Стокгольм в 8 часов вечера и приехали в финляндский порт Або в 9 часов утра.

Ботнический залив, отделяющий Швецию от Финляндии, — широкий, зигзагообразный и мелкий. Быс-

трое передвижение сопряжено с большим риском. Капитану речного судна приходится быть очень осторожным, так как можно наскочить на мелкое место со скалой и вдребезги разбить пароход.

Ботнический залив широкий, со множеством небольших островков из голого большого камня, мелким лесом и кустарником. Ехать по этому заливу одно удовольствие. Глядишь на дикие, крутые берега и чувствуешь дыхание матери-природы.

Из Або в Гельсингфорс — столицу Финляндии — плетемся поездом. Европейские поезда особенно не спешат. Финляндия — страна озер и островов. Земля — малопригодная для землепашества. Земледельца она плохо кормит. Но трудолюбие, обилие рек и выход в море дают стране возможность не только жить, но развиваться и процветать.

В Финляндии два языка — финский и шведский. Каждый житель должен изучать оба эти языка. Финны пробовали вытеснить шведский язык, но так как здесь коренных шведов очень много, пожалуй, даже больше, чем самих финнов, то шведы отстояли свой язык и он введен во всех низших и высших государственных учреждениях.

Гельсингфорс выглядит довольно чисто. Во время войны и революции много пострадал, но в последние годы окреп: старые дома починены, построено и строится несколько крупных государственных зданий, очищены и восстановлены разрушенные улицы. Движение поддерживается трамваями, автобусами, такси и старыми русскими извозчиками с небольшими экипажами и худенькими лошадками.

В центре города имеются две церкви, из которых

большая «национализирована» финнами, другая — оставлена для православных.

Вечером в городе наблюдается большое оживление: по рекам движутся во всех направлениях моторные лодки, окрашенные в белый цвет, переполненные людьми. Звуки музыки доносятся со всех сторон. Небо голубое, ясное, прозрачное.

Магазины в городе переполнены с‘естными товарами, одеждой и обувью. Промышленный кризис коснулся и этой крошечной страны: около 30,000 безработных, которых подкармливает либеральное правительство.

ПО ПУТИ В ЛЕНИНГРАД

По мере приближения советского поезда к границе, на душе становилось все тяжелее, вероятно, от сознания, что должен скоро вступить в страну, где свобода считается «буржуазным предрассудком», и где человек обязан беспрекословно повиноваться главарям большевицкой партии.

Поезд пришел и остановился. Четверо рабочих, одетых в длинные рубашки, тощие и унылые, выбрасывали почту из первого вагона. Два кондуктора, оба пожилые, вышли из вагонов «проветриться».

Вагоны запылены и давно видели окраску. Паровоз небольшой, грязный, выглядел как телега крестьянина в дождливую погоду. Машинист и его помощник, лет по 25, были чисто выбриты, но лица усталые и малокровные.

Сознание говорит, что приходится лезть в грязь, откуда вряд-ли удастся выйти сухим. Но другого вы-

хода нет. Назад не воротишься. Нужно двигаться вперед и меньше думать о том, что ждет впереди.

С такою мыслью я взял свои два ручные чемодана и пошел в советский поезд. Так идет вол на убой на чикагских скотобойнях.

Мы скоро двинулись в путь черепашьим шагом. Переезжаем узкий мостик, на котором стоят по обе стороны два красноармейца с наганами по бокам. По сторонам мостика — узкий, но глубокий ров с водой — финско-советская граница.

В 50-ти шагах от границы поезд остановился. К нам подошли три человека: представитель туристского бюро в Ленинграде и два члена ГПУ, вооруженные наганами, в военной форме. Последние забрали наши паспорта, а первый взял имена всех туристов.

Через полчаса явилось еще трое — два мужчины и женщина, начавшие подсчитывать и записывать — сколько кто имеет денег, чеков, золотых колец и карманных часов. На все выдавали квитанции. Кто имел одни часы или одно кольцо — не писали. Кто имел больше — записывали.

— Зачем вы все эо описываете, товарищ?—спросила одна коммунистка из туристов.

— Для того, чтобы не спекулировали вещами, — пояснил чекист. Все записанные вещи вы должны иметь при себе, при от‘езде из СССР.

Было очень жарко. Вещи мы внесли в небольшое деревянное здание, похожее на хлев. Чекисты тщательно осмотрели багаж. Особенно интересовались книгами и бумагами. На книги и фотографические аппараты выдали особые расписки. У женщин отбирали «лишние» платья, обещая вернуть их потом.

Мы выходили из вагонов и осматривали местность. Недалеко от поезда две женщины босые, исхудалые, с усталыми лицами, пилили толстые бревна на дрова. Возле них вертелись четыре малыша босиком. На противоположной стороне — неоконченное кирпичное здание.

Строят по-советски: стены возведены, но крыши нет. Так и оставили: другие, мол, придут и достроят. Это — будущее вокзальное здание на ст. Белоостров. Когда его закончат — Аллах ведает...

МЫ В ПОЕЗДЕ

Я смотрю в окно вагона. Вижу — стоит возле стрелки комсомолка, лет 17, с красными и пухленькими щеками, держащая несколько флагов в руке. С нею такого-же возраста комсомолец с наганом сбоку. Сзади медленно шел полусгорбленный, лет 55, небритый кондуктор в тяжелых сапогах, держа в руке кожаную сумку, служащую для хранения железно-дорожных билетов.

— Сколько раз я вам говорила—поторопитесь, пускайте поезд, а вы все расхаживаете. Уже на 18 минут опоздали. Говорю-же, поторопитесь, — повелительно кричала комсомолка в красной шапочке, чистых туфлях и коротеньких белых чулках.

— А што, я виноват? Я давно гатов, но машинист задерживает, — отвечает усталый кондуктор.

Оказывается, что советские поезда часто опаздывают, несмотря на то, что на каждом поезде специально приставленные два комсомольца должны следить за тем, чтобы опозданий не было.

Советский паровоз небольшой, отапливается дровами и ползет черепашьим шагом. В Америке на велосипеде ездят быстрее. Едем полчаса, минуем сотни небольших домиков, разбросанных по обеим сторонам пути. Нет ни одного покрашенного. Большинство — деревянные. Стены и крыши запущены, протекают. Новых домов очень мало. Строительство советское, значит, идет слабо.

В вагоне все места заняты. День жаркий. Не все окна удается открыть. По мере приближения к Ленинграду, на левой стороне, среди редкого леса и небольших полян, замечается все больше и больше праздного народа, отдыхающего в тени и под палящим солнцем. Многие одеты в купальные костюмы и принимают солнечные ванны. Большинство — молодежь, женщины и дети.

Я смотрю вдаль и не замечаю, что в пяти шагах от поезда, под кустиком, расположились молодой комсомолец и комсомолка, одетая в красное платье. Они обнявшись, целуются взапой.

— Ну и свиньи же, что делают, — говорит почтенных лет еврейка, стоящая рядом со мной.

— Любовь — не картошка, — отвечает сосед.

— Ай, ай, какое распуство! — говорит другая.

— А вы в молодости не делали этого? — с иронией замечает кто-то.

— Они—днем и открыто, боже упаси!

— Скажите, что забыли уже и—все.

— В первый раз в жизни вижу такое безобразие, — говорит неугомонная еврейка.

— Смотри, как все неприглядно: люди усталые, небритые, тощие, бедно одетые, дома запущены, —

говорит другая еврейка, слегка толкая меня. Ничего подобного нигде не видала.

— Как здесь женщины убого одеты, все босиком, — шепчет мне на ухо моя спутница - еврейка, покинувшая Россию 32 года назад.

Мы прибыли на Финляндский вокзал. Поезд остановился. Берем вещи и выходим. Нас встречают «ребята» из Интуристского бюро, одетые с иголочки, наводящие «порядок» среди туристов.

Вокзал — старый, стены и дугообразный потолок выглядят черными, закоптелыми. Пол — грязный. По перрону ходят взад и вперед красноармейцы с наганами, милиционеры в белых шляпах. Замученная и нищая советская публика останавливается поглазеть на нас, заграничных туристов, в новых костюмах и нарядных платьях с большими и малыми чемоданами, набитыми вещами.

Толпа любопытных все растет и десятки красноармейцев и милиционеров оттесняют ее от нас, стараясь не допустить соприкосновения нас, людей буржуазного мира, с советской обтрепанной, грязной и заморенной публикой.

Не хотелось верить, что мы находимся в Ленинграде, « единственной в мире социалистической стране», где нет капитализма, но зато господствуют наган, нужда и нищета.

2. ЛЕНИНГРАД.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ГОСТИНИЦА

С Финляндского вокзала нас, туристов 3-го класса, везут в больших автобусах в гостиницу «Европа», которая находится недалеко от вокзала и Октябрьского проспекта 25, б. Невского. Туристов же второго и первого классов повезли в гостиницу «Астория».

Ленинград — большой город, расположенный на 12 островах, вдоль реки Невы. Население в 1934 году—2,776,400 душ. Небольшие кирпичные, с толстыми стенами, дома с просторными дворами. Широкие и чистые улицы вымощены булыжником, и езда по ним—одно мучение. Асфальтовых мостовых очень мало. Некоторые выложены деревянными кубиками, политыми смолой.

В течение 17 лет большевики в Ленинграде построили всего 17 больших зданий — 4 дома культуры, Дом первой пятилетки, Дом политкатржан, Стадион и другие. Прибавилось за то же время 8 новых памятников: Ленину у Финляндского вокзала, Декабристам, Жертвам 9-го января, Володарскому, Плеханову, Лассалю и др.

Изрядно изношенные автобусы быстро мчатся один за другим, словно желая показать нам, что большевицкие машины летят с такой-же скоростью, как и американские. Догоняем, мол, и перегоняем Америку...

По дороге не видно ни одного дома, покрашенного хорошей краской. Прежняя покраска осыпается,

и дома имеют мрачный вид. Местами попадаются не выкрашенные, а выбеленные известью дома. Магазинов немного и товаров мало.

5 часов вечера. Улицы переполнены многолюдной, разношерстной публикой, в большинстве случаев бедно одетой. Веселых и улыбающихся лиц мало. Смеха почти не слышно. Лица бледные и усталые. Идут медленно и молча, словно после похорон.

Среди прохожих много красноармейцев с наганами и без них. Позже я узнал, что только партийным красноармейцам разрешается носить наганы, безспартийным же не разрешается.

Большего количества красноармейцев мне нигде не пришлось видеть. Тут, кажется, на каждого пятого сов. гражданина имеется красноармеец, как в Америке на каждого пятого жителя автомобиль.

Гостиница «Европа» снаружи выглядит угрюмой, запущенной. Внутри немного покрашена дешевой краской.

Швейцары в старой форме стоят у главного входа и, попрежнему, кланяются чисто одетым туристам.

Сзади главного входа находится контора гостиницы, переполненная людьми. Служащих и гостей много. Налево — идет торговля газетами, открытками, шоколадом и разными сов. игрушками. Все продается только на иностранную валюту и по курсу: за один доллар — один рубль 13 коп. Направо два лифта, поднимающие по четыре человека. Здесь большая давка и очереди. Лифты устарелые, ходят по-советски, — вяло и медленно. Полы корридоров без ковров. В комнатах положены старые ковры до-военного времени. Стены больших и длинных корридоров

и комнаты окрашены темно-серой краской. Кровати и столики тоже до-военные.

Столовая находится наверху. Часть ее под открытым небом. Разделена на 1, 2 и 3 классы. Стены и потолки столовой выкрашены масляной краской и декорированы на американский манер. Здесь всегда весело: несколько музыкантов постоянно играют русские и иностранные мелодии. До трех часов ночи пьют шампанское, закусывают, танцуют и веселятся.

Кормят туристов три раза в день. Для каждого отпущена большая комната с кроватью, телефоном и ванной. Каждого возят один раз в день в музей, на фабрику, в колхоз и в другие места. Показывают самое лучшее.

За все это взимают по пяти с половиной долларов в сутки. Это — с пассажиров третьего класса. С 2 и 1-го берут больше, но и дают больше: лучше кормят, возят на автомобилях Линкольн, а не в автобусах, размещают в лучших номерах.

Служебный персонал — мужчины. Только в коридорах женщины. Подают и убирают со столов мужчины средних лет. Тут имеются и немцы, и французы, и китайцы, и испанцы. Все они — члены ГПУ, поставленные для шпионажа. Все они — здоровые, побритые, зачесанные, в белых рубашках, штанах и туфлях.

Возможно они свое чекистское дело знают хорошо. Об этом судить не берусь. Но что они плохие работники в столовой — это каждый турист скажет. Обращаются с посудой неуклюже. Если закажешь воды, принесут воды, но без стаканов. Принесут и

сталовой, но придется 15-20 минут пождать. Получив первую порцию, смотришь—вилок нет. Закажешь вилку, принесут ее с опозданием. Начнешь кушать — ножа или хлеба нет. Опять заказываешь. И все приходится ожидать.

Нужно потратить на ожидание в среднем один час на завтрак; на обед и ужин — полтора часа. А пока дождешься лифта — 10-20 минут.

Американцы, не привыкшие к такой медленности, часто нервничают, особенно женщины. Неоднократно просили меня помочь им получить поскорее пищу. Я служил у них переводчиком без особого успеха. Возникали даже споры. Приходил заведующий, но вол продолжал стоять на месте. Разве можно заставить сапожника печь пироги, а пирожника — шить сапоги?

Пища дается в скромном количестве. На завтрак — небольшая и плохо выпеченная булочка или хлеб, немного масла, компот из сырых фруктов или два яйца и кофе, похожий на мутную воду с примесью молока. На обед—мясная или рыбная порция с картофелем без овощей, черный и белый хлеб без мяса, опять компот или мороженое и чай. На ужин—суп или щи и остальное все, что и на обед. Изредка дается курица, еще реже — хорошее мясо. Закажешь мясо, приносят рыбу, а если закажешь рыбу, получишь кусочек оставшегося мяса без салата, гороха или моркови. Попробуй ждать — не дождешься.

Времени у туристов имеется очень мало. Каждый хочет увидать больше. Но его задерживают везде: в столовой, у лифта, в конторе, где выдают билеты на поездку, и на улице в ожидании автобуса. По-совет-

ски: везде приходится ожидать. И ожидания эти отнимают много времени, бьют по нервам и разочаровывают. Поэтому каждый турист старается уехать чем поскорее оттуда.

Внутри Европейской гостиницы, налево, в большом корридоре, имеется небольшой киоск, где продаются газеты, журналы, книги, почтовые марки и бумага. Немного дальше, в дугообразном углу, можно купить шоколад, конфеты, игрушки и другую советскую мелочь.

Продают только на иностранную валюту по курсу: за один американский доллар — 1 р. 13 коп. советских. Работает здесь пять комсомолок.

Утром, на второй день, я решил купить несколько почтовых открыток. Выбрал 9 штук. Получаю счет на 63 коп. Денег здесь не берут, и вместе со счетом посылают в угол к специальному кассиру.

Подаю счет и деньги 63 коп. Заводят в специальную книгу, на счет кладется печать, кассир подписывает и подлинник возвращают мне, а копию нанизывают, как вьюнов, на высокий тонкий пруток. Возвращаюсь назад и подаю счет.

— Хорошо, а карточки взяли?

— Нет. Я же оставил у вас, — отвечаю я.

— Где оставили?

— Да у вас же оставил, вы сами куда-то положили.

— Пожалуй, кто-то забрал и смешал с остальными. Будьте любезны опять выбрать.

Мне ничего не оставалось делать, как подобрать другие. Выбрав, я должен был дать ей для провер-

ки. Она сняла с прутка счет и, проверив, возвратила их мне.

На всю эту ничтожную покупку я потратил 16 минут.

— Почему вы так злоупотребляете временем? — спросил я. В Америке на покупку этих открыток не потребовалось-бы и двух минут.

—В Америке миллионы безработных, а у нас все работают, — отвечает мне повышенным тоном продавщица.

— Но там многие безработные получают помощь от государства и лучше живут, чем здесь работающие.

— Я не имею времени с вами философствовать. Но не забудьте, что мы хорошо знаем, что в Америке безработные по улицам умирают, как мухи. — говорит продавщица, презрительно глядя на меня.

Я часто читал в сов. прессе о жизни миллионов безработных в Америке и в других странах. Оказывается, что они, как тени, ходят по улицам и умирают с голоду. Неудивительно, что сов. читатель, читая только сов. прессу, вынужден верить всему этому. Комсомольцы, как верные парафиане римского папы, свято должны верить в то, что говорят и пишут их вожди.

На противоположной стороне киоска, в подвале, имеется мужская уборная. Вход в нее с главного корридора. Освещение тусклое, как и советская жизнь. Везде полно грязи и вонь. Полотенца для рук и бумаги здесь нет.

Поднимаюсь наверх за бумагой.

— А вам что, бумага нужна? Вот она, — тычет

мне в руки три книжных листа пожилой человек, сидевший тут же, возле дверей за небольшим столиком, которого я и не заметил, когда быстро шел вниз.

— Почему у вас нет бумаги в уборной? — спрашиваю.

— Там нет, но я здесь имею и беда в том, что ваши проходят и не замечают.

— Почему вы не положите бумагу где следует? Лучше было бы держать там, чем на столе и давать каждому.

— Мне сказано так делать. — ответил сидевший.

— Кто сказал?

— Кто поставил меня.

— А кто же вас поставил?

— Да разве вы, милый, не знаете наших порядков — государство!

— Я—турист и ничего не знаю.

— Но вы говорите хорошо по-русски.

— Я оставил Россию до войны юношей, вырос и учился в Америке.

— Ага, значит вы не знаете наших новых порядков. А они очень просты: сказали мне сидеть за этим столиком, рвать вот ту книжку, я сижу, рву и даю по паре листочков каждому. Сами знаете, их можно было заготовить в другом месте и оставить на месте нужное количество. В Америке так делается, не правда-ли?

— Там старую бумагу мелют и из нее делают новую и употребляют в уборных.

— У нас тоже, говорят, скоро будет такая, но пока ее нет.

Таковы порядки в СССР. Государство, этот все-

могущий хозяин великой страны, приказывает каждому выполнять ту или другую работу и никто не смеет отказываться от выполнения, даже если-бы гражданин этого государства видел, что так не хорошо и глупо, он не смеет своего суждения иметь.

Советские граждане — это полнейшие рабы государства. Советские граждане, как деревянные солдатики на сцене, должны быть послушны, немы, автоматически выполнять приказанное.

ДОМ СОВЕТОВ.

Бывший Зимний дворец царя в Ленинграде теперь называется Домом Советов. Здание большое, красивое, огороженное высоким забором и покрашенное белой краской. При царе было красное.

При входе стоят четыре красноармейца с ружьями и длинными штыками. Перед входом — большая площадь с чистенькой, как и сама площадь, аллеей

Внутри широкие и длинные корридоры, выкрашенные в темно-серый цвет. По сторонам — много роскошных комнат, занятых под разные конторы и классы.

Осмотр начинается с комнаты Ленина, где он жил с Крупской в первые дни Октябрьской революции. В ней, для показа туристам и школьникам, оставлен небольшой письменный стол Ленина и кровать, на которой он спал. Дальше имеется комната со столиком, за которым главари большевиков обсуждали захват власти в свои руки. Тут хранятся портреты всех большевицких вождей. Даже сделан миниатюрный снимок всего здания. Ленин, конечно, на первом ме-

сте. Троцкий-же, игравший главную роль в Октябрьской революции и бывший организатор красной армии и ее вдохновитель, поставлен сзади всех главарей. И только по козлиной бородке можно узнать его.

Портрет Троцкого оставлен только здесь и в Музее революции. Из всех остальных государственных учреждений он выброшен после того, как был выслан за-границу.

В Доме Совтов имеется громадная зала для собраний и митингов. Возле большой и декорированной сцены стоит мраморный бюст Ленина. На одной из стен выписана конституция сов. власти. Все стены декорированы и украшены большими плакатами и красными флагами. В этой зале когда-то собирались представители Государственной Думы.

Во время нашего посещения пришлось встретить здесь несколько школьных экскурсантов во главе с учителями. Им, как и нам, говорили о значении Дворца и комнат, имеющихся в нем.

Дом Советов свое громкое название получил в начале Великой мартовской революции 1917 года. В нем собирались и обсуждали народные интересы рабочие, крестьянские и солдатские депутаты. Но с захватом большевиками власти, советы начали уничтожать, заменять назначенцами. И теперь о них осталось только одно воспоминание.

МУЗЕИ.

Антирелигиозный Музей

В Ленинграде насчитывается несколько десятков больших православных церквей.. Из них используют-

ся для религиозных целей тлько несколько, и влачат они жалкое существование. Перестал народ молиться, давать свои трудовые гроши на святое дело. Обеднел приход, обеднели и священнослужители.

В самом центре, на большой площади в Ленинграде, стоит огромный Исаакиевский собор, одинокий и позабытый Богом и людьми. Никто в праздники не идет туда молиться, исповедываться и причащаться. Исаакиевский собор — больше не собор: он теперь антирелигиозный музей. Этому делу он служит уже несколько лет, как служил религии свыше 70 лет. Стены бездушны и мертвы, и их можно использовать для чего угодно. Много икон из'ято, разбито, сожжено. Только часть их оставлена на память новому поколению, чтобы оно знало и понимало, что перед этими изображениями когда-то люди падали на колени, молились, ставили свечи.

Теперь в бывшем соборе — богохульство и «мерзость запустения»: сзади и по левой стороне — религиозные отделы — православный, католический, униатский, буддийский, еврейский, магометанский и другие.

Для каждой рлигии отведен уголок, в котором собрано самое главное, относящееся к данной религии, обнаруживающее ее подлинное лицо: ризы, иконы, кадила, заповеди и т. п. В каждом отделе—большие надписи, хулящие религиозные верования. Большевики — хорошие рекламисты. Везде торчат плакаты, мозолящие глаза Полно их и в антирелигиозном музее.

На плакатах указано — сколько было на Руси молящихся, во что народ верил и почему перестал молить-

ся. Заявления подтверждаются цифрами. Нужно потратить много времени, чтобы прочесть все написанное и разобраться.

Направо, у главного входа, стоят широкие железные леса, достигающие купола. Эти леса воздвигнуты в начале войны с целью ремонта и украшения собора. Кажется, что это одно из советских учреждений, всегда доступных для всех граждан. В других музеях взимается плата от одного до двух рублей, и посещать их можно только в определенные часы дня. Двери-же б. Исаакиевского собора открыты с утра до поздней ночи и плата за вход не взимается.

Ходят сюда от скуки советские граждане, заглядывают в окошечки с электрическим светом, читают плакаты, оглядываюся вокруг и думают, что они все это видят во сне, а не в действительности. Христианские боги повергнуты в прах, их место заняли новые, советские боги — Ленин, Сталин и Ворошилов, которым поклоняются люди.

Национальный Музей

Большое и красивое здание Национального Музея Художеств в Ленинграде. Перед главным входом — большая площадь, высыпанная мелким щебнем. Здесь все чисто и царит полнейший порядок. Площадь, прилегающая к музею, как и главные улицы Ленинграда, часто подметаются. Здание музея покрашено год тому назад. Но советская краска не имеет нужного количества масла, а поэтому скоро осыпается.

Внутри здание тоже покрашено, но не все. Име-

ются комнаты, где краска давно осыпалась и осыпается. Даже крыша протекает после дождя и вода разливается по высокому дугообразному потолку, когда-то красиво декорированному, а теперь изуродованому. Полы давно просят починки. Местами починяются. Стекла в больших окнах запущены, давно не чистились, и покрыты толстым слоем пыли. Неряшливость бьет в глаза туристу.

Служебный прсонал похож на нищих. Среди огромного количества комнат имеется много женщин-старух, одетых в рваные старые платья и дырявые туфли. Вид их жалкий. Просто не хочется верить, что они поставлены для охраны национального достояния, имеющего большую ценность и мировое значение. Иной раз забываешь с кем дело имеешь, при встрече суешь руку в карман и собираешься вытащить монету, полагая, что стоят нищие, а не служащие музея.

— Почему вам не дают лучшей, более приличной одежды? — спрашиваю одну, лет 70, старуху.

— Нам одежды и обуви не дают, мы сами одеваем себя, — был краткий ответ.

— Нет, ваша одежда далеко не соответствует вашим служебным занятиям.

— Нам платят всего 80 руб. в месяц и за эти деньги мы с трудом добываем насущный хлеб, — отвечает одна из них, с интеллигентным лицом.

— Мне стыдно перед чисто одетыми иностранцами, — сказала одна из служащих музея.

— Пусть стыдно будет тому, кто довел вас до такого нищенского положения, — сказал я.

В музее несколько десятков больших комнат, за-

полненных картинами старых и новых русских художников, а отчасти иностранных, писавших картины из русской жизни. Много труда, энергии и забот вложено в эти картины, служащие отражением и проявлением русского национального творчества.

Музей этот считается одним из самых больших в России и его не следовало бы разбазаривать. Но большевики мало считаются с этим. Они берут картины и куда-то вывозят, оставляя вместо них пустые места.

Как бы то ни было, но музей уцелел от гражданской разрухи и картины, за исключением нескольких, сохранились. Живуч русский народ, живуче и его творчество.

Эрмитаж.

В десяти минутах ходьбы от Европейской гостиницы находится Эрмитаж — музей исторических, редких картин и гравюр, — гордость и слава не только Ленинграда, но и всей России. Это — клад драгоценнейших картин работы лучших русских и иностранных художников.

У главного входа — два красноармейца с винтовками, охраняющие эти драгоценнейшие памятники искусства. Тысячи больших и малых художественных картин уцелели от революционного пожара.. Правда, большевики понемногу расхищают это народное достояние, и продали уже немало очень ценных картин иностранцам.

САД ОТДЫХА

Имеется в Ленинграде и такое замечательное учреждение, как Сад отдыха, расположнный недалеко

от Европейской гостиницы. Туда можно легко попасть пешком, лишь-бы было время и желание. Времени у туристов немного — нужно везде побывать и ничего заманчивого не пропустить.

Попасть в Сад отдыха трудно тем рабочим, которые мало зарабатывают. В Сов. России в последние годы заведено так, что за все и везде нужно платить, а рядовой сов. гражданин зарабатывает так немного,что заработка едва хватает на хлеб насущный Ему недоступны сады отдыха, и он должен отдыхать дома, или топтать тротуары.

За вход в сад взимают 35 коп. Сад небольшой, в нем несколько толстых деревьев и два театра: летний,. под открытым небом, и другой — закрытый Это собственно говоря, усадьба какого-то бывшего богатого купца. Ему принадлежали и театры. За 35 коп. можно побывать на спектакле в летнем театре, где выступают начинающие певцы и певицы.

Билет на спектакль в закрытом театре, где ставятся драмы и комедии — не меньше одного рубля. В саду — буфет. Продаются — водка, вино, пиво, мороженое, сельтерская вода, квас и другие горячие и холодные напитки. Постоянно играет музыка. Отборная советская знать — комсомольцы с комсомолками, офицеры с дамочками, сов. спецы с женами, комиссары и члены ГПУ с женами или с содержанками разгуливают в саду, развлекаются и наслаждаются жизнью.

Словом, — ежедневно здесь собираются сливки советского Ленинграда. Отсюда, после 12 ч. ночи, зажиточная публика идет в кафешантаны, где, под звуки музыки и пение, пьянствует и веселится до

четырех часов утра. После четырех часов расходятся, заполняя темные проходы в дворах, где нравственно павшая, развратная молодая советская буржуазия отдает дань скотским инстинктам. В этом я убедился собственными глазами.

Улицы Ленинграда в это время пусты и безлюдны. Слабо мигает электрический свет. Милиция только на главных постах больших улиц. На всех же остальных — старухи и старики дворники, сидя дремлют, или спят. При появлении пьяной советской буржуазии, прячутся во двор, как крысы при виде кота.

Правда, советские крысы не прежние пугливые зверьки. Ночью они свободно разгуливают без всякой опаски, — да и кого здесь им бояться: ведь котов и собак — их злейших врагов — давно нет в Ленинграде — они с‘едены и выдохли. Старых и дряхлых дворников крысы игнорируют и безбоязненно разгуливают по улицам. Я был поражен обилием больших крыс, засматривавших в стеклянные двери магазинов, освещенных электрическим светом.

Люди в Ленинграде, как тени: ходят вяло и уныло. Все подавлены и безжизненны. Не слышно ни смеха, ни шуток. Зато здесь крысы бодры, живы и веселы.

ФАБРИЧНАЯ СТОЛОВАЯ

Каждый турист, приехавший в Ленинград, должен посетить фабричную столовую. Она ежедневно стоит в программе дня, и всем, желающим увидать что-нибудь интересное, предлагают посетить столовую. Ее навязчиво рекламируют каждому.

Находится она далеко, в промышленном центре, за городом. Узнать о ней не легко. Я пробовал узнать, но меня спросили — зачем мне нужно знать? Не желая навлечь подозрение, я перестал спрашивать. Так и не знаю, где она находится. Знаю лишь одно: нас, из Европейской гостиницы, везли на автобусе минут двадцать. Проехали мы мимо большой фабрики имени Ленина, на которой работает более 3,000 человек.

Молодая девушка — гид, в красной шапочке, сопровождавшая группу туристов в 30 человек, сказала, что фабричная столовая построена государством для обслуживания тех женщин, которые не желают иметь дело с кухней и предпочитают питаться в общественной столовой.

Большое двухэтажное кирпичное здание. Входим. Нам приказывают остановиться и ждать. Ждем. Наш гид куда-то исчез, но скоро вернулся. Внизу стояли три линии людей — 37 душ. Стоящие в очереди смотрят на нас, а мы — на них.

Поднимаемся на-верх, в контору директора, берем белые халаты и надеваем. Мы у больших стеклянных дверей второго этажа. Через стекло видим огромную столовую, в которой кушает человек двести. Приятный запах щей несется сквозь щели дверей. Было 12 ч. дня.

— Вот здесь фабричная столовая, в которой обедают советские техники, инженеры, спецы, активисты и весь фабричный аппарат, — поясняет девушка в красной шапочке.

— А рабочие где обедают?

— Внизу имеется другая — для рабочих и их жен. — об'ясняет гид.

В столовке питается свыше 8,000 душ. Кушают три раза в день, но на обед приходит больше людей. Ежедневно готовят 12,000 обедов. К услугам спецов — щи, борщ, котлеты и другие вкусные блюда. На небольшой платформе пять музыкантов непрерывно веселят обедающих и возбуждают аппетит.

Отсюда идем в огромную кухню и останавливаемся у пяти рядов, стоящих на подножках, круглых котлов, покрашенных в белый цвет. Открывают крышки двух, и от них несет приятным запахом. Под котлами шипит газ.

— В этих пяти котлах ежедневно приготовляют супы пяти сортов. — об'ясняет гид. Все они с'едаются и на другой день приготовляются свежие.

Направо — молодые девушки вынимают мясо из других котлов, режут на порции и кладут на подносы. Другие — месят тесто и приготовляют разные булочки и печенья. Налево — рубят сырое мясо и куски бросают в котлы. В другом месте — тоже приготовляют тесто машинами, ими-же режут и пекут разносортные бисквиты, как в Нью-Иорке на бисквитной фабрике.

Нам показывают большие холодильники, где хранится мясо, колбаса и ветчина, устроенные по последнему слову техники. Помещение большое, просторное и везде полнейшая тишина и чистота. Окна большие и много света.

Спускаемся вниз. Та-же система и работа всюду, как и на-верху. Не видно только супных котлов. Идем по направлению к другой столовой. Столовая

и здесь такого-же размера, как и на-верху, и может вместить сверх тысячи едоков.

Обедают. Но тут уже совсем другая публика: женщины с детьми, старушки и рабочие разных возрастов. Вот сидит женщина, бедно одетая, держит на коленях двух малышей и кормит их супом с черным, как сажа, хлебом из большой миски, от которого не отдает никаким запахом и в котором не видно никаких жиров. Другие едят такую-же бурду. Ни котлет, ни телятины, ни свинины, ни вкусных пирожков и мороженого здесь не видно ни у кого.

— Смотри, — какой странный темный хлеб у этого старика, кушающего макароны, — шепчет мне на ухо старуха-туристка.

Старик догадывается о чем мы шепчемся и говорит:

— Большое спасибо вам и за то, что вы замечаете разницу в пище, которой кормят нас здесь и какую подают господам коммунистам на-верху.

Для туриста контраст между верхами и низами разителен. В рабочей столовке обходятся без музыки — играют только комиссарам.

— Как им не стыдно — давать одним все, кормить на убой, а других — угощать какой-то мутной похлебкой вместо супа и какими-то подозрительными макаронами, — говорит возмущенная старуха-туристка.

В столовой мы пробыли час с чвертью, а внизу стояли люди в трех очередях, и хвосты все удлинялись. Передние очередники через небольшое окошечко получали какие-то карточки. С ними они спешили в столовую и получали суп и макароны.

— Скажите, пожалуйста, зачем и для чего вы стоите здесь? — спросил я у одной молодой женщины.

Она посмотрела на меня с испугом, ничего не ответила на мой вопрос и повернула голову в другую сторону. Ветхая старушка оказалась смелее и словоохотливее.

— А что вы думаете, — я не заслужила за всю свою жизнь куска хлеба и супа? — обиженно залепетала старушка. Я проработала больше годков в своей жизни, чем вы прожили на свете, и имею право стоять здесь.

Мне стало неловко и стыдно, что своим нескромным вопросом обидел старушку. Об'ясняться с ней не было времени — наш автобус отходил. Позже я узнал, что в длинных хвостах стояли люди, физически неспособные к труду и чернорабочие со своими семьями, которые получают низкие ставки (80 руб. в месяц), и не могут прожить на свой скудный заработок, если-бы им пришлось покупать продукты на рынке и приготовлять их дома. В Америке тоже кормят стариков и безработных, но гораздо лучше.

ЛЕНИНГРАДСКИЕ РАБОЧИЕ

Не надо итти далеко за город, чтобы узнать, как живет и чем питается ленинградский рабочий. Стоит только пройти несколько кварталов от Европейской гостиницы, чтобы увидать группу рабочих на улице, и при удобном случае вступить с ними в разговор. И вы узнаете от них все об их горемычной жизни.

Рядом с Европейской гостиницей имеется небольшой городской парк, обнесенный железным забором. Внутри — деревья и несколько скамеек. Открывают парк только в известные часы дня. Посреди парка — несколько кустиков живых цветов, огороженных невысокой деревянной изгородью. Жердями обтянуты несколько других мест налево. В ограде — кусты и зеленая трава.

— Три рубля штрафа, если кто ступит ногой на траву, — читаю надпись на доске.

Парк приводят в прядок, улучшают. Работает 16 человек — 12 женщин и 4 мужчины. Три плотника сооружают забор из квадратных брусьев. Четвертый — приказчик над двенадцатью женщинами. Работают по-советски — шиворот на-выворот. Плотники сначала воздвигают забор, женщины-же берут привезенный на большом грузовике песок, высыпанный на тропинке и сыплют его в изгороду. Носят на носилках, как в лазарете мертвецов, и сыплют песок в 20 шагах.

Ни одной тачки и лопаты. С тачкой, конечно, через забор не переедешь и она здесь не нужна. На носилки нагружают два ведра песку, лениво несут и высыпают. Втихомолку женщины переговариваются между собой. Ни смеха, ни улыбки: похоже не на работу, а на похороны. Все в рабочих платьях, босиком. Простые, славянские лица, возраст — от 25 до 35 лет. Выглядят худыми малокровными, усталыми, как голодная лошадь.

Работают 8 часов в день. Каждый шестой день — выходной. Получают по 80 рублей в месяц. На эти деньги должны нанимать квартиру, покупать пищу

и одежду. И не для себя только, но и для своих детей. Среди них имеется несколько вдов с детьми. Они сами обязаны содержать своих малышей.

Хлеб же по карточкам *) стоит 60 коп. кило. Каждой отпускается хлеба не больше кило в день. Мясо раз в неделю — 7 руб. кило, но половины его не получают — нет в лавках. По карточкам выдается крупа, соль, 9 фун. ржаной муки на затирку и 1 фунт маргаринового масла в месяц, которое не всегда удается получить. Выдаются карточки на материю для платья и раз в шесть месяцев на туфли. Но сов. гражданин редко получает это. Приходится покупать на рынке и платить в три раза дороже казенных цен. За литр молока летом — 2 р. 40 коп., зимой — 5 рублей.

Средняя заработная плата чернорабочего в Ленинграде — 90 рублей в месяц, плотника — 350 р., бухгалтера — 250, конторщика — 140, механика — 300 р., советского активиста (комиссара) и инженера — 400-500 рублей в месяц.

Имеется девять рабочих категорий. Это—в теории, на практике-же семь категорий.

На семь разрядов или классов разделены рабочие в СССР, единственной «социалистической» стране в мире. Как и в капиталистической Америке, рабочие получают то больше, то меньше. Как и в буржуазных странах, рабочие, зарабатывающие больше, могут снимать лучшую квартиру, кушать лучшую пи-

---

— *) 1-го января 1935 года карточная система на хлеб, существовавшая около 3-х лет, отменена. Цены на черный хлеб увеличились до 1 руб. за кило.

щу, чище одеваться, чаще ходить в театр и кино. Цены на товары здесь одинаковы для всех. Заработная-же плата не одинакова.

В ГОСТЯХ У РАБОЧЕГО

Как-то, перед моим от'ездом, жена моего старого приятеля, узнав, что я поеду через Ленинград, дала мне адрес своего брата, живущего там, настоятельно просила заглянуть к нему и узнать, как он и его семья живут.

На второй день моего приезда в Ленинград, я решил заглянуть по данному адресу. Целый час я блуждал пе неизвестным мне длинным улицам Ленинграда, пока удалось найти адресата. По дороге пришлось увидеть большие улицы с широкими проспектами, длинные треугольники кварталов, целый ряд опустившихся старых кирпичных домов, и много казенных пивных с музыкой и танцами, полупустые, с высокими ценами, казенные магазины, массу равнодушных сов. граждан, прогуливающихся в вечернее время по тротуарам, и солдат, без дела ходящих взад и вперед. Последних так много в Ленинграде, что если вы хотите плюнуть, то должны быть очень осторожны: можете попасть в красноармейца. А так как воины, по большей части, с наганами наготове, то шутки с ними опасны.

Недалеко от Октябрьского проспекта 25. на большой площади, стоит мраморный памятник — человек на коне. На памятнике большими буквами надпись: «ПУГАЛО». Таким эпитетом большевики украсили памятник Александру III в назидание новым поколениям.

Нашел номер дома. В каком корридоре искать? Хожу по двору, и никак не могу найти нужного мне человека. Женщина посоветовала обратиться к дворнику, который и направил меня к Ивану Петровичу.

— Ага! вы, значит, из Америки, — говорит протягивающий мне руку Иван Петрович, — подозрительно и пристально оглядывающий меня.

Я заговорил об его сестре и дал ему понять, что я — не агент ГПУ, которых советские граждане боятся хуже огня. Скоро пришла его жена, тоже холодно и подозрительно принявшая меня.

На керосинке в корридоре, обслуживающей пять семейств, сварили чай.

— Только уж извините — у нас сахар давно вышел и придется заменить его конфетами.

Успокаиваю хозяйку: бедность, мол, не порок. Конфеты, конечно, не те, что вывозятся большевиками за-границу, а какие-то безвкусные, тягучие и не поддаются растворению даже в кипятке.

— Ваша сестра, — говорю я, обращаясь к молчавшему, лет 55, обросшему и давно небритому Ивану Петровичу, — поручила мне узнать все подробно о вашей жизни.

— Хорошо, — готов удовлетворить ее любопытство.

Учиняю Ивану Петровичу допрос:

— Хлеб у вас есть?

— Извините — забыла поставить, — говорит хозяйка, лет 49. Вот немного белого и черного имеем. Только — немного, закусите. А насчет масла — не взыщите — вышло.

— Не беспокойтесь,—нас, туристов, хорошо кормят в ваших лучших гостиницах.

— Закусите-же, закусите, — настойчиво просит скромная хозяйка, подсовывая мне поближе хлеб и конфеты.

— Вижу — хлеб у вас есть.

— По карточкам получаем — иной раз не хватает. Что-ж, миримся. Привыкли, и без него порою обходимся, — говорит Иван Петрович.

— А как насчет масла?

— Маргаринового полагается полтора кило в месяц, на три души. У нас еще сынишка имеется девятнадцати лет. Он где-то на собрании — скоро придет. Но столько не получаем: нет в лавке.

— А что еще получаете?

— Четыре с половиной кило муки, три с половиной кило мяса, кило соли, семь кило крупы, двенадцать кило картофеля, шесть кило капусты, десять кило бураков и прочей мелочи.

— Это все в неделю на троих?

— Нет, — в месяц.

— Жиры получаете?

— Сала давно не видали. Жиры говяжьи.

— Значит, — пища ленинградского рабочего не плоха?

— Не все рабочие столько получают, — вставил Иван Петрович.

— Как это понимать?

— А вот как: я — механик, работаю в гараже, сын наш — в комсомоле, а потому мы живем на привилегированном положении.

— Значит, сын ваш получает продукты?

— Нет, мы получаем, но нам больше из-за него дают, потому что мы не противимся тому, что он в комсомоле.

— Ох, как мы противились этому, — со вздохом говорит хозяин. Но нас прижимали, угрожали ссылкой и мы вынуждены были перестать противиться. Какое теперь время, лучше бы не жить!

— А вы не согласны с коммунизмом?

— Сами знаете... у нас неразбериха... Все меняется, — сказал недовольным тоном Иван Петрович.

— Сколько у вас комнат?

— Комнат? Эта—одна. И то мы довольны. Другие и того не имеют. Годами живут и не получают. Трудный квартирный вопрос здесь.

Комната небольшая, квадратная, с двумя окнами в огород. По сторонам стоят две узкие кровати, на третьей стороне — гардероб и шкаф для посуды. Между окнами — большой сундук. Посреди комнаты квадратный стол и три стула. Краска со стен и потолков сыплется. Из двойных окон и подоконников она давно осыпалась. Пол деревянный и изношенный.

— Сколько платите за квартиру?

— 25 рублей в месяц.

— Вместе с электрическим освещением?

— Керосин для плиты и электричество — 3 рубля в месяц.

— Радио имеете?

— Таких удовольствий у нас нет, — с кислой улыбкой отвечает Иван Петрович.

— А как насчет молока?

— По 2 р. 40 коп. за литр платим. Зимою было 5 рублей литр.

— Сколько литров употребляете в день?

— В день?! — с удивлением выпалил Иван Петрович. — Не больше трех литров в неделю. (Литр— 5 стаканов). Очень редко — четыре литра.

— Почему? Плохо сов. молоко, что ли?

Тут Иван Петрович рассказал мне, что он получает 230 рублей в месяц и не в состоянии ежедневно покупать больше. Работает по 8 часов в день, каждый шестой день выходной.

Иван Петрович был одет в длинную рубашку зеленого цвета. Из такой материи в Америке шьют «оверолз» (рабочие костюмы).

— Сколько стоит ваша рубашка?

— 25 рублей высчитали из жалованья.

Жена Ивана Петровича была одета в простое дешевое, но чистое платье. Я постеснялся спросить стоимость его, вероятно не дороже 25 рублей.

Распрашивали меня об Америке: о президенте Рузвельте, Н Р А, безработных, их жизни, что получит СССР от признания США, будет-ли война вообще, поможет ли Америка СССР, если японцы об'явят войну? До часу ночи мы беседовали. Больше всего мне пришлось говорить. Они задавали вопросы и слушали. Когда я выходил, хозяйка остановила меня:

— Извините, мы засиделись и о вашем присутствии уже знают. А потому, во избежание неприятностей, своей рукой напишите адрес гостиницы и вашу фамилию.

— То-есть, кто знает? — с удивлением спросил

я, забыв, что нахожусь в СССР, где зоркое око ГПУ смотрит за всеми.

Они были удивлены, когда я рассказал им о том, что даже большевики в Америке имеют свои газеты, организации, устраивают митинги и критикуют Рузвельта.

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ

На второй день утром, по приезде в Ленинград, на автобусе, нас, 26 мужчин и двух женщин, повезли на осмотр Петропавловской крепости, построенной Петром I в 1703 году. Крепость находится на острове реки Невы и имеет форму неправильного шестиугольника. Достопримечательность — Петропавловский собор — усыпальница русских царей. Через узкий двор и бетонный тоннель попадаем в большой двор и покидаем автобус. Направо, Петропавловский собор; прямо через двор, — красное здание, называемое Монетным двором, налево, — одноэтажное бетонное здание. Это — знаменитая Петропавловская крепость, в которой побывали многие политические заключенные. Наша проводница, молодая комсомолка, ведет нас в собор. Стены собора высокие, покраски давно не видели, штукатурка обваливается, на стенах много больших и малых икон. Впереди, у алтаря, стоят запыленные и облупленные протесы, у алтаря — несколько столиков, покрытых запыленными скатертями. На стенах много икон, таких-же облупленных и запыленных, как и в соборе.

Смотришь вокруг и видишь, как угрюмо и уныло на тебя глядят сотни больших и малых глаз разных

«святых». Над головой, высоко, небольшой купол, а на нем — длинный почерневший крест.

Снаружи штукатурка обваливается. Вид собора — заброшенный и убогий. Колоколов давно нет: их сняли в 1921 году, когда были конфискованы колокола во всех церквах в России на помощь голодавшему 20-миллионному Поволжью.

Мы — в крепости. Идем по узкому корридору, прилегающему ко двору. Толстые стены из камня и крепкого бетона. Камеры — продолговатые с дугообразными потолками и железными дверьми ко двору. В передней стене камеры — небольшие круглые окошки с железными рамами. В каждой камере — прикрепленная железная кровать с небольшим железным столиком. Пол цементный. В камерах — сыро и холодно. В двери небольшой «глазок», через который надзиратели постоянно наблюдали за политическими и подавали пищу. Камеры расположены в ряд. Их разделяет толстая каменная стена. Похожи одна на другую. Стены исписаны посетителями. Наша проводница об'ясняет нам, в которой когда и какой заключенный находился.

— Вот, в этой, — говорит она, — сидел декабрист Бестужев, в этой — Вера Фигнер, тут — П. Кропоткин и т. д. Здесь побывали в течение 200 лет многие люди и всех имен не перечесть.

У одной из камер стоит доска с цифровой азбукой, у которой учительница об'ясняла стоявшим вокруг нее 20 ученикам в возрасте 9-10 лет значение этой азбуки. Мальчики и девочки неохотно слушали. Это — цифровые знаки для перестукивания, изобретенные декабристом Бестужевым. С помощью этих

знаков заключенные перестукивались и об'яснялись, сидя в своих одиночных камерах. Дальше — большая обшая камера, куда вызывали заключенных на допрос. А с другой стороны расположены бастионы, равелины и куртины, главный вал укрепления.

У большевиков имеются не менее мрачные подвалы Чеки, но Петропавловская крепость превращена ими в своеобразный музей. Сюда ежедневно приходят группы туристов и экскурсанты. Для детей она не представляет особого интереса, но для взрослых — огромный. Крепость находится в полном запустении. Двор и мостовые полуразрушены. Грязь и пыль везде. Стены крепости давно не видели краски. Вот что писала «Красная Газета» об этом памятнике старины:

«Петропавловская крепость — один из главнейших памятников города Ленина, памятник, художественно вмещающий в себя творения выдающихся архитекторов 18-го века, пребывает в состоянии полного запустения. Канализация не работает, мостовые разрушены и после дождя превращаются в каналы, пруды и озера, зеленые насаждения и газоны затоптаны, запущены, освещения нет. Каменная пристань полуразрушена. Бастионы также разрушаются, порастают травой. Сорванные ветром покрытия башенок, стен и карнизов давно никто не чинит. Обваливается штукатурка с собора.

Грязь, запустение, полнейшее пренебрежение к замечательному историческому памятнику, который привлекает громадное количество посетителей и туристов. Нынешние хозяева крепости не только не заботятся о поддержании исторического памятника, но усиленно обстраивают его по своему вкусу».

Смотришь на все эти каменные укрепления и думаешь: вот где томились лучшие люди — борцы за свободную жизнь! Сколько их умерло здесь, сколько пало жертвой царского гнета. Все они были мужественными борцами и бесстрашными мечтателями о воле русского народа И как была велика радость тех, которых Мартовская революция 1917 года застала в живых и освободила из этого каменного мешка.

Петропавловская крепость стала музеем. Это— хорошо. Но что сделали большевики с освобожденным народом? Старые тюрьмы они превратили в музеи старины, но построили еще больше новых тюрем. а народ заковали в тяжелые цепи. Над ним висит угроза ссылки в «исправительные советские дома» и на принудительные работы. В Соловках и в ссылках далекой Сибири томятся миллионы лучших сынов освобожденной в 1917 году России.

3. КРАСНАЯ МОСКВА

БЕСЕДА В ВАГОНЕ

В Америке, где существует политическая свобода, мы привыкли свободно беседовать в любом месте, без оглядки и страха. В Ленинграде-же — иное дело. Тут жители так запуганы, что постоянно оглядываются вокруг, когда беседуют. В поезде я наблюдал другое: тут тоже оглядываются, но не так часто и без особого волнения. Здесь чувствуется на душе легче.

Из Ленинграда в Москву 12 часов езды. Времени много для бесед. С туристами едут девять рабо-

чих: 6 мужчин и три женщины. Все они были по делам и на отдыхе в Ленинграде и едут в Днепропетровск, бывший Екатеринослав, являющийся центром угольной и железной промышленности на Украине.

Напуганные в Ленинграде, мои товарищи по пути сторонятся от русских пассажиров, боятся с ними заводить беседу. Я-же, наоборот, начинаю расспрашивать их о жизни личной и общественной. По природе своей русские не очень словоохотливы. Нужно много времени, чтобы их раскачать, заинтересовать, расположить. И неудивительно: за 18 лет большевики приучили к молчанию. Говорю им, что я и едущие со мною люди — русские туристы из Америки, что мы хотим узнать, как живут рабочие и крестьяне на нашей родине, куда какая-то сила тянет нас всех.

— И вы, живя так долго за границей, не забыли говорить по-русски? — с удивлением спрашивает одна дамочка.

— Наоборот, там я и многие другие, подобные мне, научились русскому языку, — говорит мой товарищ.

— Как же так? — с удивлением спрашивают наши спутники.

Я об'ясняю им, что в Северной Америке и Канаде русских насчитывается до 300,000 душ и что они имеют много организаций, школ, несколько ежедневных газет.

Все с большим интересом слушают и спрашивают, как русские живут там, что происходит теперь в Америке, как проводятся рузвельтовские реформы и как живут 12 миллионов безработных. Часто совет-

ские газеты пишут, что безработные в Америке умирают на улицах.

— В одном только Нью-Иорке город тратит до 20 миллионов долларов в месяц на содержание безработных, — говорю моим собеседникам.

— Значит, у вас безработные получают больше хлеба и жиров из общественных фондов, чем у нас рабочие?

— И жиры получают у вас? — спрашивает женщина.

— Даже масло и молоко выдается семейным на дом, — говорит кто-то.

— У нас говорят и пишут, что у вас все работают, строят новую социалистическую жизнь и довольны всем. Правда ли это? — спрашиваю я.

— Все работают-то, но не все имеют хлеб и не все живут так, как у вас пишут, — заявляет женщина.

— Почему так? — спрашивают наши.

— Вы, иностранцы, не знаете как у нас все делается, а потому позвольте раз‘яснить...

— Раз все работают, следовательно, хлеб имеют, — перебивает одна красная туристка.

— У нас выдаются хлебные пайки, но пайка, получаемого рабочим, не хватает. Приходится прикупать на рынке. А на рынке в Днепропетровске пуд муки стоит 100-125 рублей. Заработок-же чернорабочего — 60 рублей в месяц. На эти деньги нужно оплачивать еще квартиру и содержать детей.

— У нас пишут, что у вас все женщины работают. А раз работают, то обоим, мужу и жене, легко содержать детей.

— Пожалуйста, заедьте к нам в Днепропетровск, посмотрите в каких квартирах наши рабочие живут и чем они и их дети питаются, — говорит сов. работница.

— Верно, верно, заедьте к нам и сами убедитесь, — говорят в один голос несколько лиц.

— Разве все рабочие так мало зарабатывают у вас?

— У нас существует до девяти разрядов зарплаты, — говорит худенький, но живой и толковый рабочий.

— Значит, не все рабочие у вас получают одинаковую плату?

— Нет, чернорабочий получает 60 рублей в месяц, помощник при станке — 80-90, простой механик — 150-175, слесарь — 250, хороший механик — 300, инженер — 400-450 рублей.

— А вы сколько получаете?

— Я — бухгалтер, получаю 200 рублей в месяц. Имею двое детей и больную жену, которая неспособна к труду. На эти деньги прожить нельзя.

— Как же вы живете?

— Прирабатываю на стороне.

— Где именно?

— Пишу протоколы на собраниях, выполняю другую спешную работу, таким образом рублей 50 в месят прирабатываю.

— Вы — партийный?

— Был партийным, но 4 года назад выступил из партии.

— Почему?

— Был перегружен партийной работой и не мог

уделять больной жене времени и быть дома с детьми.

— Разве выбывших партийцев приглашают писать протоколы и доверяют им?

— Я—честный рабочий, долго учился, много работал в учреждениях и знаю свое дело. Знают это хорошо партийцы и приглашают меня.

— Как у вас ведется просветительная и культурная работа?

— Очень слабо. Больше у нас думают о хлебе, чем о просвещении, — отвечает рабочий.

— Почему?

— Потому, что ученье не идет, когда желудок пуст.

— Читальни и библиотеки имеются у вас?

— Имеются, да немногие теперь читают.

— Что больше всего у вас читают: старых классиков или новых советских писателей?

— Больше всего интересуются старыми.

— Имеются-ли в ваших библиотеках книги Достоевского, Толстого, Кропоткина и Рубакина?

— Достоевского книги имеются, но Толстого, Кропоткина и Рубакина давно нет. По особому декрету из'яты из библиотек.

— О Махно вы слыхали что-нибудь? — спрашиваю я.

— Очень много у нас говорят о нем. Недавно писали, что Махно живет роскошно в Париже на вывезенное золото и занимается литературным трудом.

— Неверно. Махно — самый бедный эмигрант, больной и находится в парижской больнице в последнее время, — говорю я. Если бы русские рабочие в Америке не помогали Махно посылкой денег, он бы

давно с голоду умер. Вы родились в Екатеринославе? Знали-ли вы Махно?

— Нет. Я был тогда мальчиком.

— Правда-ли, что Махно был бандит и грабил рабочих и крестьян?

— Неправда. О Махно говорят очень хорошо. Он был анархист.

— Почему он не мог получить поддержку у трудового народа?

— Он ее имел, но Москва послала большие силы и он не устоял перед ними, — говорит пониженным тоном рабочий, а на ухо шепчет мне:

— Нам нужны теперь такие люди, как Махно, что бы бороться с нашей новой аристократией.

От них я узнал, что в Днепропетровске построено в последние годы много новых заводов, фабрик и домов. Но жизнь рабочего ничуть не улучшилась. Нет достаточно хлеба, большой недостаток ощущается в одежде и обуви. Домов хотя построено много, но все они перегружены. Рабочие не имеют жиров, многие страдают малокровием и от истощения организма. Недовольство в среде рабочих большое. Первая пятилетка не оправдала себя, не дала хлеба, одежды и обуви рабочим. Всюду бюрократизм и очереди. Все ждут улучшения, но жизнь не улучшается, а ухудшается.

— У нас живут не плохо инженеры, активисты (партийные верхи) и те, которые получают помощь из-за границы и в Торгсине покупают с'естное и одежду. Остальные — влачат жалкое существование, не живут, а прозябают, доживают...

— У нас, в Америке, тоже теперь плохо, — говорю я.

— Вы говорите плохо, многие давно не работают, но почему-то ваши помогают нашим, а не наши — вашим, — говорит пожилая женщина.

Я беседовал почти всю ночь. Только на 2-3 часа пришлось задремать. Утром все начали есть купленную в Ленинграде рыбу в баночках с какими-то кислыми и темными лепешками.

Я всем дал по кусочку хорошей американской колбасы и ржаных сухарей. Они ели и удивлялись, что все так вкусно приготовлено в Америке. Мне-же они дали попробовать всего, что имели: рыбы полугнилой, безвкусной, твердой селедки, какого-то печенья, которого американская собака в рот не взяла-бы. Вдобавок я угостил всех американским печеньем.

— Мы тоже когда-то пекли пироги, но теперь нет муки и не из чего печь, — со вздохом сказала одна женщина.

Ранним утром мы вынуждены были расстаться: они поехали дальше, а мы остановились в Москве.

В НОВО-МОСКОВСКОЙ ГОСТИНИЦЕ

С московского вокзала на автобусах нас повезли в гостиницы. Чемоданы были отправлены отдельно. Некоторые из них путешествовали по Москве и на второй день попали по адресу.

Привезли в Новомосковскую гостиницу. Некоторых повезли в другие. Самая большая старая и известная в Москве семиэтажная гостиница расположена возле Москворецкого моста через Москву-реку и на противоположной стороне Кремля, где живут — советский грозный царь-Сталин и вся его братва.

Моя комната расположена в углу на верхнем этаже, лицом к Кремлю и центру Москвы. Виден Кремль, покрашенный в белый цвет и обтянутый высокой и толстой белой стеной, большие церкви внутри и зеленеющий в нем парк от Москвы-реки. Все сорок сороков церквей с большими куполами и длинными на них крестами — видны, как на ладони. И я часто, особенно по утрам, смотрю в окно на все это, на Москву-реку и думаю: без жизни и действия стоят все эти многочисленные церкви, не слышно колокольного звона; стоят без дела и чего-то ждут, как течет спокойно широкая Москва-река, по которой изредка проходит небольшая советская лодка. В прежние времна ходили товарные и пассажирские суда. Теперь только небольшое судно неподвижно стоит перед самым носом гостиницы. На нем большими буквами написано: «Ресторан».

Большая парадная дверь. Внутри, направо, идет торговля сов. игрушками и конфетами, рядом — отделение банка, налево контора Интуриста. Возле шумно и оживленно. Словно пчелы вокруг улья, туристы — мужчины и женщины бегают от одного стола к другому за справками. Вокруг двух небольших лифтов, как уличная толпа вокруг митингового оратора, столпились и ждут очереди. В Сов. России везде очереди и длинные хвосты. Это наблюдается и здесь. Медленно и лениво, как тощая лошадь советского извозчика, ходят вверх и вниз лифты, берущие не по 12-16 человек, как в Америке, а только по 2-3 человека.

Решил обогнать на своих двоих советскую машину. И обогнал. Пока она останавливалась, брала

новых и высаживала пассажиров, я добежал по ступенькам до 8-го этажа, где помещается ресторан. Это — во второй половине пятилетки. А сколько таких пятилеток еще понадобится, чтобы догнать и перегнать Америку?

Обжорка здесь, как и в Ленинграде, хорошо декорирована, с чистенькими занавесками на окнах, с живыми цветами по сторонам, с небольшими столиками, покрытыми белыми скатертями, с музыкой, играющей Интернационал, французскую «марсельезу» и американский «джаз банд». Атмосфера интернациональная — на радость иностранным буржуям, приехавшим повидать Москву белокаменную.

Как в Ленинграде, такие-же агенты ГПУ в белых рубашках, штанах и туфлях, выбритые и зачесанные, приносят пищу и убирают посуду. Те-же полуторачасовые ожидания, как и в Ленинграде. Казенная прислуга не спешит: время терпит, сидите и наслаждайтесь советской музыкой, если хотите.

На обед — суп, кусочек мяса с картофелиной, компот из сырых овощей. Утоливши голод, вы спешите на осмотр достопримечательностей советской столицы. Автобус быстро мчится. На ломаном английском языке гид дает пояснения. Дома небольшие, полузапущенные. В лавках и магазинах товаров почти не видать. На полках — бутафория. Нарядной публики нет: одни — босые, другие — в дырявых ботинках, третьи — в спальных туфлях, или зимних галошах, подвязанных веревкой. Уличное движение оживленнее, чем в Ленинграде. Дроги ломовых извозчиков имеют даже толстые резиновые шины.

В трамваях — невообразимая давка. Люди цепляются за что попало, чтобы только как-нибудь проехать. У москвичей даже сложилась шарада о своем трамвае:

«Один правит, другой кричит,
20 избранных сидят,
30 стенки подпирают,
10 в воздухе висят».
Это и есть московский трамвай.

Приезжаем в район, где построено несколько сот новых домов в 5 этажей, покрашенных в темно-серый цвет. Улицы здесь асфальтовые и чистые. Живет в этих домах советская буржуазия, получающая по 300 -400 рублей в месяц. Небольшие меблированные комнаты со всеми удобствами от 80 до 150 рублей в месяц. Рабочему, получающему 90 рублей в месяц, такие квартиры, разумеется, не по карману. Кое-где возводятся новые здания. Строят какой-то банк в одиннадцать этажей, подземку через Красную площадь, мимо мавзолея Ленина. Едем возле стен Кремля, минуя давно закрытые небольшие церкви.

У Кремля — огромная Красная площадь, на которой — небольшое мраморное здание. У входа — два часовых. Надпись бльшими буквами: «МАВЗОЛЕЙ ЛЕНИНА».

Мавзолей Ленина, в котором хранятся нетленные мощи учителя большевиков.

САД ОТДЫХА В МОСКВЕ

Сад отдыха в Москве растянут на много кварталов вдоль Москвы-реки. Ширина не велика, но длин-

ный. Площадь — около 350 десятин. Большевики хвастают, что они понастроили много детских яслей и освободили матерей от забот и хлопот.

Ясли-то есть, но правила для помещения в них детей не делают особенной чести большевикам. Родители, — гласят эти правила, — зарабатывающие 100 рублей в месяц, платят за своего ребенка в день по 1 рублю, родители, зарабатывающие по 200 рублей в месяц — по 2 рубля, родители, зарабатывающие по 300 рублей — 3 рубля и т. д.

Месячный заработок рабочего Москвы не больше 90 рублей в месяц. Значит, доступ в ясли ему закрыт: он не зарабатывает 100 рублей в месяц. Если-бы он и зарабатывал 100 рублей, то разве ему можно платить по одному рублю в день за ребенка. Ему надо было-бы отдать почти треть своего заработка за ребенка. Ну, а если у рабочего имеется двое или трое детей, тогда родителям нужно работать постоянно и месячное жалованье отца или матери отдавать на содержание детей в яслях.

Детей здесь можно оставлять только на день. Вечером нужно забирать их. И мать, работая тяжело днем у государства, должна ухаживать за своими детьми до утра, утром оставлять детей в яслях и спешить на работу. Спрашивается — какое же тут освобождение женщины от забот и ухода за своими детьми?

В этом Саду имеется открытый театр, в котором вмещается до 6,000 душ. Он обслуживает преимущественно военных. Стулья разставлены совершенно под открытым небом. Плата — от одного рубля и выше. В Саду отдыха не взимают платы. Но в театрах

и в других увеселительных местах, имеющихся в саду, взимается плата. Точь-в-точь, как в капиталистических странах. Социализма здесь, как и правды у большевиков, не видно. Имеется высокая башня, с которой советская молодежь прыгает на парашютах. Это считается спортом и пролетарским достижением. Парашютчик должен взбежать на 10-ый этаж башни по крутой лестнице и оттуда прыгнуть. Есть и другие развлечения на манер нью-иоркского Куни-Айланда. За все эти удовольствия взимается плата: даже расшибить себе башку нельзя бесплатно в СССР.

Главное-же развлечение — воздушный шар, прикрепленный троссами к земле. Баллон то поднимается, то опускается. В нем — три человека, накачивающие и выпускающие воздух. Тут-же, под открытым небом, полдюжины советских самолетов. На них разрешается посмотреть. Рядом — мастерская, где изготовляются из дерева модели аэропланных частей. Их отправляют на заводы и там отливают из металла. В воздухе носятся два-три самолета, нарушающие тишину и спокойствие в саду.

МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ

Московский Кремль служил внутренней крепостью — защищал царей от своих «верноподданных». Построили его в 1300 году из дерева. Несколько раз перестраивали. Нынешний Кремль сооружен в 1851 году. В нем — древнейшие храмы — Архангельский, Благовещенский, Успенский, колокольня Ивана Великого и другие.

Когда-то в нем сидели цари-самодержцы, теперь же заседает всемогущий диктатор Сталин. Вход в Кремль охраняют восемь красноармейцев с винтовками. Стоят в два ряда у входа. Быстро линяющие большевики перекрасили Кремль в белый цвет. Кремлевские здания заселены советскими сановниками, их челядью и охраной. Опустели и стоят без дела только церкви и часовни. Иконы и церковная утварь сохранились.

В одной из церквей — усыпальницы русских царей до Петра Великого. Тут-же стоит тяжелый и крепкий гроб сталинского праотца Ивана Грозного и его двух сыновей.

Другие достопримечательности Кремля: Царь-Колокол весом в 12,327 пудов с образовавшейся в боку, при падении, огромной дырой; Царь-Пушка, отлитая в 1586 году, весом в 2,400 пудов. В одном из кремлевских зданий хранятся до сего времени царские бриллианты, короны, троны, искусственные лошади со сбруей, украшенной бриллиантами, облачения и короны, и много других драгоценных вещей, имеющих большое историческое значение и ценность. Все это хранится под стеклом и показывается иностранцам, приезжающим в Москву. Расточившие золотой запас большевики, постепенно ликвидируют это народное достояние, уплывающее за-границу: им очень нужна валюта.

Вид Кремля, где заседает верхушка большевицкого Олимпа.

ЭРМИТАЖ

Так называется один из театров в Москве. Это — самый популярный и один из лучших театров в России. Рядом с ним — еще четыре театра: сатиры, оперетта, эстрадный и кино. Эрмитаж — общее название для всех.

Эстрадный театр вмещает до трех тысяч человек. Оперетта — не многим доступна. Билет — днем от 3 до 11 рублей, вечером — от 4 до 15 рублей. Четыре рубля чернорабочий уплатить не может. В ней 2,000 мест. Артисты играют хорошо, но москвичам не до смеху. На аплодисменты то-же скупы.

То-же самое наблюдается и в других театрах. А уже по одному этому можно судить, что советский гражданин чувствует себя неважно и это, так сказать, сливки московского общества. Тяжелая советская атмосфера, как над Лондоном туман, висит над советскими гражданами и не дает им свободно дышать, быть веселыми и жизнерадостными. Даже юмор не действует на терроризованного и запуганного советского гражданина.

В театре сатиры шла нашумевшая в Сов. России пьеса В. Шкваркина «Чужой ребенок». Эта пьеса очень понравилась сов. публике и она выдержала более ста постановок.

«Чужой ребенок» полон сокращенных слов, лаконизмов, эмоциональных порывов, остроумных выражений и жаргона советской улицы. В Америке публика до упаду хохотала-бы. В Москве же мало смеются. Автор умело отразил сов. жизнь, смеется над ней

гоголевским смехом сквозь слезы. Пропущена она сов. цензурой потому, что там имеется всего один положительный герой-коммунист, но им оказался грузин, а не русский.

МОСКОВСКИЕ МУЗЕИ

МУЗЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

Новый советский музей помещается в каком-то большом роскошном доме, прежде принадлежавшем богатому англичанину. В доме много комнат. Все они заполнены портретами и всякими музейными экспонатами. Музей разделен на эпохи и отделы. Несколько комнат отражают ту или иную революционную эпоху на Руси. В каждой комнате плакаты и летучки, характеризующие данную эпоху.

Начинается Музей революции с комнаты Стеньки Разина, Пугачева, декабристов и эпохи 1861 года. Имеется комната, посвященная В. Лаврову и другим виднейшим русским народникам. Есть портреты М. Бакунина и П. Кропоткина ,но об их учении большевики умолчали: опасно говорить о бесвластии в стране жестокой диктатуры.

Затем следуют отделы: забастовочный, революции 1917 года и другие. Больше всего экспонатов, относящихся к Октябрьской большевицкой революции и самой власти большевиков: собраны всякая мелочь и дрянь. Большевики считают себя лучшими и подлинными революционерами. Все же остальные революционеры, по их мнению, ничтожество и им, всем вместе взятым, они уделили меньше места и внимания, чем себе и своей эпохе.

МУЗЕИ Л. Н. ТОЛСТОГО

В Москве имеются два музея имени Л. Н. Толстого — исторический и домашний - бытовой. Посещение этих музеев не входит в программу Интуриста. И по вполне понятным причинам: Толстой был большим противником всех правительств, которые для того и существуют, доказывал Л. Н. Толстой, чтобы угнетать и обманывать народ. Большевицкое правительство самое жестокое и дикое. И если оно терпит музеи Л. Толстого в Москве, то не из-за уважения и симпатии к нему, а потому, что хорошо знает, что весь культурный мир — на стороне Л. Толстого. Большевикам нужно показать, что они тоже поддерживают исторические памятники, воздвигнутые великим людям. Если бы большевицкое правительство действительно искренно поддерживало музеи Л. Н. Толстого, построенные самими толстовцами и поклонниками его таланта, то оно не разгромило-бы всех толстовских организаций и кружков, организованных в период русской революции и не выбросило-бы книг Льва Николаевича из городских библиотек.

Музей Льва Н. Толстого находится на Кропоткинской улице, б. Пречистенка, недалеко от центра столицы — Кремля и Красной площади, в небольшом одноэтажном каменном доме-особняке.

Дом—музей находится близко улицы, но главный вход в него сзади, из большого огорода при доме. Во время моего посещения в огороде находилось несколько детей. Дом-музей покрашен в белый цвет. Не покрашен, а побелен белой краской

Л. Н. ТОЛСТОЙ

без масла, как белятся изредка остальные дома в Москве. Музей открыт несколько часов в день и в известные дни. Часы не во все дни одинаковы, а потому создается путаница.

При входе, за небольшим деревянным столиком, сидит человек средних лет. Перед ним лежит большая книга, куда каждый посетитель должен записать свое имя, фамилию и город, откуда приехал. От членов профсоюзов, курсантов и туристов, приходящих группами, взимают по 50 копеек за вход. Со всех остальных — по одному рублю.

Направо, от входа, начинаются комнаты музея. Всех комнат пять. Комнаты большие, просторные, светлые и без дверей. Толстой любил простор, свободу и волю. Он не мог переносить стеснений и гнета. Это, кажется, учли устроители музея и сделали его просторным.

Первая комната — детская. В ней стоит небольшой книжный шкаф с книгами, относящимися к детству Л. Н. Толстого. На стенах много детских портретов Льва Николаевича и его родных. Дальше следуют вторая и третья комнаты. Налево — еще две. Посредине второй комнаты стоит большой бюст Льва Николаевича, данный в подарок музею одним из лучших художников - толстовцев. Стены всех комнат покрыты многочисленными большими и малыми портретами и картинами Толстого и его предков. В одной комнате я насчитал 103 таких предков.

За посетителями наблюдает женщина средних лет, скромно одетая, с интеллигентным лицом. От нее я узнал, что музей посещают отдельные люди и курсанты. Не зная посетителя, она на вопросы от-

вечает: «не знаю». Так отвечают многие в СССР. Жестокий большевицкий режим научил их держать язык за зубами.

Сам музей и все музейные экспонаты производят хорошее впечатление. Хочется быть здесь не часы, а дни и рассмотреть каждую картину и книгу, которую Лев Николаевич прочитал, и которая, как историческая ценность, находится тут.

Музей имени Л. Н. Толстого организован в период русской революции. Первые годы он существовал независимо от государства и на добровольные средства, собранные в России и за-границей. Но вследствие преследований толстовцев, приток средств был недостаточен для поддержания музея. Под этим предлогом большевики национализировали музей, и таким образом, убили самодеятельность лиц, помогавших музею. Государство, особенно советское, не терпит никаких инакомыслящих организаций и их работы.

Но как бы то ни было, великий памятник Толстому воздвигнут его учениками и почитателями. Он, правда, является бельмом в глазу у большевицких самодуров, но живет. Будет жить и переживет насильников, недающих толстовцам свободно жить, а музею развиваться. Идеи Толстого пережили царское правительство. Музей его имени переживет большевицкое правительство, посягающее на мирную жизнь людей, живущих по учению Льва Николаевича.

Второй Дом-музей имени Льва Толстого находится немного дальше, в Хамовниках. К сожалению, он летом закрывается, и я не мог посетить его.

Особняк. Крепкое двухэтажное здание, имею-

щее 16 комнат. От близких к дому людей я узнал, что в этом доме, купленном Львом Николаевичем в 1882 году, Толстой и вся его семья жили в зимнее время. И в нем сохранена домашняя обстановка и мебель во всех комнатах. Этот Дом-музей был открыт в 1928 году, накануне столетия рождения Л. Н. Толстого.

МУЗЕЙ П. А. КРОПОТКИНА В МОСКВЕ

В 3-4 кварталах от Толстовского музея, в узком Кропоткинском переулке, стоит дом с надписью: «Музей П. А. Кропоткина». Толстой и Кропоткин оба были глубокими мыслителями и философами. Оба жили в одно время, отрицали власть, законы и государство. Отрицали они по разным соображениям: Толстой — по религиозным, а Кропоткин — по научным и гуманным. Два крупных гения жили в одну эпоху и творили великое дело: учили людей, как освободиться от экономического порабощения и как создать свободное общественное устройство без всякой принудительной власти. И обоим, почти одновременно, единомышленниками воздвигнуты исторические памятники - музеи их имени.

П. А. Кропоткин убежал из Петропавловской крепости, жил за-границей более 40 лет и там писал свои научные труды. Книги Кропоткина переведены на многие языки и читаются с захватывающим интересом. Его труды продолжают интересовать и волновать весь мир и теперь, в наше тяжелое время мирового промышленного кризиса, марксистско-ленинских социальных экспериментов в России и фаши-

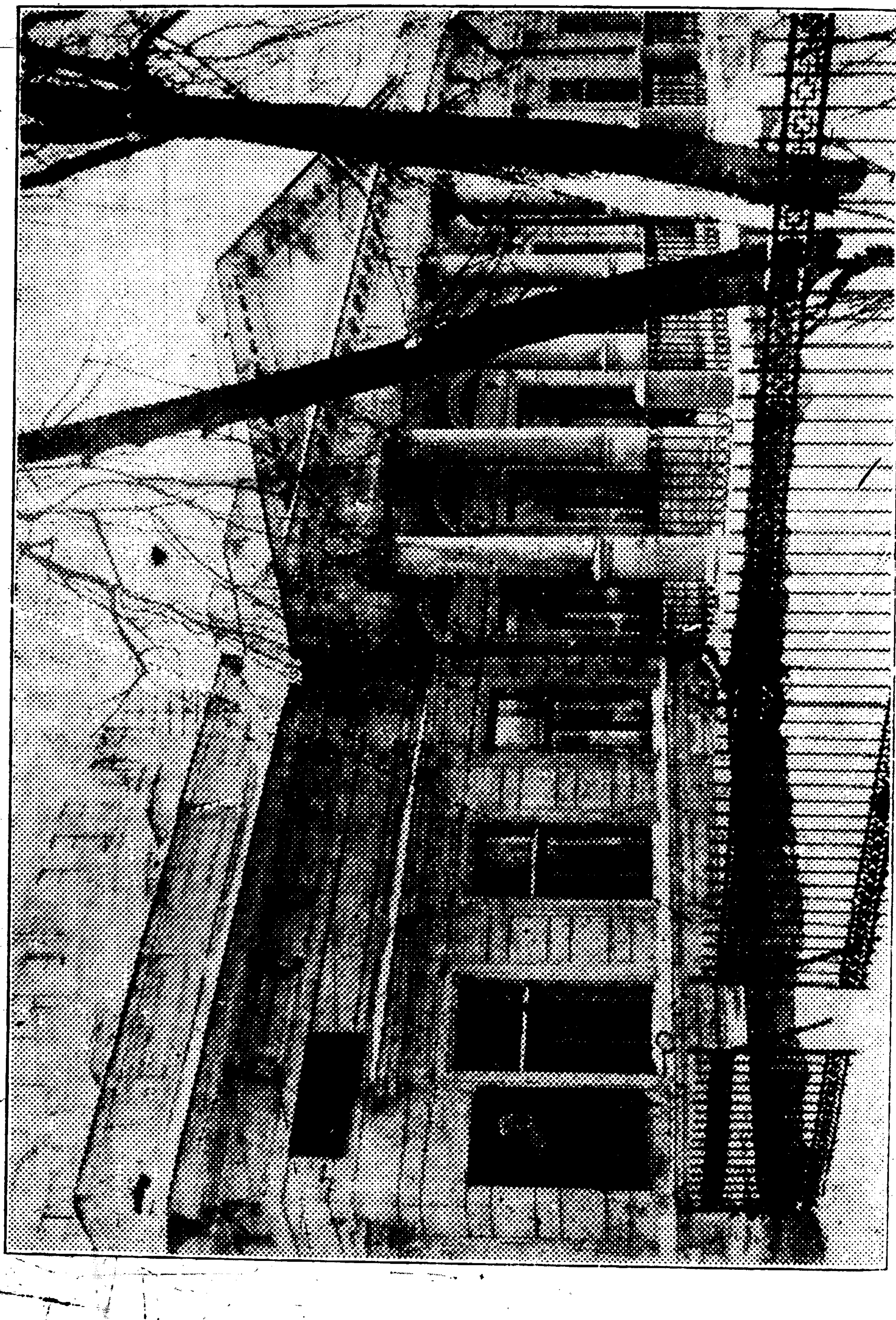
стских экспериментов в Италии, Германии и Австрии.

Как отрицающий государство и власть, для большевиков он явился злейшим врагом. Его последователи, которых насчитываются миллионы в СССР, в первую голову подверглись жестоким преследованиям и изгнанию на поселение в Сибирь. Религиозный анархизм Толстого и социальный анархизм Кропоткина стали костью в горле большевикам.

Многие книги Кропоткина, как и книги Толстого, декретом два года назад были из‘яты, запрещены для продажи и пользования. Но музей Кропоткина, как и Толстого, оставлен с той целью, чтобы показать иностранцам, что они ценят и уважают исторические памятники, воздвигнутые их злейшим врагам.

Железная дверь облупившегося и давно некрашенного крепкого железного з а б о р а, ведущая к крыльцу с большой стеклянной дверью, закрыта и мне пришлось войти в музей через заднюю дверь. Левая сторона забора обвалилась, образовалось несколько проходов в сад. В саду находилось двое малышей, указавших мне, как войти в музей. Нет ни зелени, ни цветов в саду. Несколько деревьев высохли, а остальные уныло стоят, чахнут и доживают последние годы. От большевицкой политики не только люди разучились говорить, но зачахли, похудели, завяли даже деревья.

Музей открыт только в известные часы дня. В иные дни утром, в другие—после обеда. Преклонных лет, обросший и усталый, но преданный музею старик, взимает с частного посетителя один рубль за вход, ведет в музей и об‘ясняет подробно каждую вещь, находящуюся там.

В музее П. А. Кропоткина имеется восемь небольших комнат, заполненных различными экспонатами, относящимися к жизни и деятельности Кропоткина. В первой комнате собраны портреты предков Кропоткина. Тут есть портрет даже прабабушки П. Алексеевича. Несколько больших портретов в деревянных рамах. Вторая комната отражает детство Петра Алексеевича и его научную и революционную деятельность в молодые годы, в 1870—1876 гг. Имеется иллюстрация знаменитого побега его из Петропавловской крепости.

Третья комната заполнена экспонатами, относящимися к жизни и деятельности Кропоткина заграницей. Тут хранятся несколько собственноручных рисунков его из тюремной жизни в Швейцарии и Франции, где он провел несколько лет в заключении за свою анархическую работу.

В четвертой и пятой комнатах хранятся портреты, относящиеся к жизни Петра Алексеевича в Лондоне и возвращению его в Россию в 1917 году. Тут стоит столярный верстак его и домашние вещи: стол, стулья. Шестая и седьмая комнаты отражают болезнь, кончину и похороны Кропоткина, умершего 8 февраля 1921 года. Тут хранятся образцы газет, журналов, летучек и цитаты из статей о Кропоткине, на одной из стен висит большой портрет Сакко и Ванцетти, нарисованный их другом в Нью-Йорке три года тому назад, и посланный в музей Кропоткина комитетом помощи музею. Картина большая, в красивой раме.

В восьмой комнате хранится огромная библиоте-

ка Петра Алексеевича, перевезенная из Лондона несколько лет назад. Она же служит для чтения и отдыха посетителям музея.

В корридоре, у входа, стоит большая доска, на которой указаны последовательно все 34 тома сочинений Кропоткина, их содержание. Они подготовляются к изданию. В небольшой боковой комнате стоят две пишущие машинки, присланные два года назад в подарок музею нью-иоркским комитетом помощи музею.

Музей организован последователями и друзьями Кропоткина вскоре после его смерти, и находится в доме, в котором он родился и провел юношеские годы. За последние годы из Кропоткинского комитета при музее арестованы и сосланы в Сибирь виднейшие и активнейшие деятели и последователи его — проф. А. Боровой, Худолей, Хархардин, ученый и литератор А. Солонович и др. А весной сего года хотели выслать и старого секретаря музея, мирного анархиста Н. Лебедева. Этот больной человек вынужден был дать ГПУ подписку в том, что он порывает связи с музеем и уходит в частную жизнь.

Всемогущее и всесильное ГПУ производит аресты активных деятелей при музее для того, чтобы они отказались от него и передали его в ведение и под контроль государства. Все противившиеся этому «убраны» из музея. Оставшиеся, во главе с постоянной председательницей музея, Верой Фигнер, и Софьей Григорьевной Кропоткиной, женой П. А. Кропоткина, продолжают работать, собирая материалы для музея и полного собрания сочинений Петра Алексеевича. Анархические идеи Кропоткина загнаны теперь

в подполье московскими палачами, но не убиты: идей нельзя штыком убить.

«ЗАГС»

Бюро, где венчаются и разводятся, называется ЗАГС. Это — сокращенное название. В СССР теперь не говорят «повенчаемся», а «идем в ЗАГС». Когда-же муж и жена не поладят, они тоже говорят: «идем в ЗАГС». ЗАГС — бюро, где вступают в гражданский брак. ЗАГС — бюро, где этот брак аннулируется.

В СССР, как и в Америке, существует еще и церковный брак. Последний — только для религиозных людей, и совершается по их желанию. Гражданский-же брак — обязателен для всех. ЗАГС имеется в каждом городе и в сельсовете. И туда обязаны ходить все советские граждане: «записаться» и «выписаться», как говорят в СССР.

Направляемся в это учреждение. Автобус останавливается у небольшого дома с вывеской: «ЗАГС Краснопресненского района». Поднимаемся на первый этаж. Входим в узкую, но длинную комнату. Впереди и сзади стоят небольшие столы. За ними сидят женщины средних лет и что-то пишут. На противоположной стороне два стула, — для тех, кто «записывается» и «выписывается». Женщины безпрерывно заполняют сначала небольшой бланк, а затем заносят в книгу. Перед ними — худощавый мужчина, лет 35, и женщина—лет 33. Сидят и невесело смотрят на женщину, которая пишет.

— Пришли венчаться, а радости не заметно. — говорит кто-то по-английски.

— А может быть они пришли разводиться, — замечает другой.

— Конечно, разводиться раз грустны, — говорю я.

— Они уже давно женаты, а сюда пришли лишь выполнить формальность, и им уж незачем веселиться, говорит молодая туристка.

— Они пришли венчаться: разводящиеся всегда бывают веселы. Радуются, что освобождаются друг от друга, — шутит другая туристка.

— А разве в Америке так не делают? — возражает ей американец.

Мужчина и с левой стороны женщина продолжают спокойно сидеть и чего-то ждут. Нашим хочется узнать, зачем они сидят здесь.

— Американские туристы хотят знать: пришли ли вы венчаться, или разводиться, — спрашиваю я по-русски.

— Разводимся, — сказал мужчина с легким вздохом.

Я передаю это американцам. Они просят меня узнать, кто и почему начал развод.

— Кто из вас потребовал развод?

— Конечно, она, — заявил разводящийся муж.

— Почему вы разводитесь?

— Да так, я решила больше с ним не жить и уйти к матери.

— Дети у вас есть?

— Имеется двое.

— С кем дети согласны жить — с отцом или матерью?

— Дети наши еще малые и ничего не знают. Они будут со мной.

— Да, маленькие, ничего не знают. Мальчику— 13 лет, девочке — 11 лет, — покачивая головой, пояснил мужчина.

— Кто будет содержать детей?

— Я работаю, детей оставлю у матери и от него ничего не требую.

— Но по вашим законам муж должен платить алименты.

— Я добровольно обязуюсь давать на содержание детей 100 рублей в месяц.

— Сколько вы зарабатываете?

— Я—механик, работаю в гараже и зарабатываю 250 рублей в месяц.

— А если вы потеряете эту должность, достанете другую и будете получать меньше, сможете-ли вы тогда давать по 100 рублей в месяц?

— Тогда я буду меньше давать, — был ответ.

Выполнявшая бланки женщина взяла от разводящихся три рубля и сказала, что они свободны и могут уходить.

Вчера еще, быть может, они жили вместе, а вечером или утром не поладили между собой, пришли сюда, уплатили три рубля и «выписались». Завтра дети-подростки будут спрашивать у матери — почему так долго нет папы? Она, возможно, будет иметь другого мужа.

В задних рядах появилась другая пара и заняла место. Ему — лет 27, ей — лет 24. Выглядят нем-

ного бодрее и веселее. И невеста и жених стыдливо оглядываются вокруг. Она с легкой улыбкой говорит своему жениху:

— К лучшему-ли это, или к худшему, но у нас имеется много свидетелей.

— Возможно к лучшему, — замечает жених.

Женщина за столом начинает выполнять бланк с полуторадесятком вопросов, на которые отвечают жених и невеста. Гид об'ясняет нам, какие тяжелые и трудные браки были раньше и какие простые и доступные для всех теперь в СССР.

Заполнение бланка взяло 20 минут. Вопросы исчерпаны. Молодожены уплатили три рубля и ушли. Быстро и просто.

Наши туристы пожелали уходившим молодоженам счастья и лучшей жизни. Они поблагодарили за хорошее пожелание. Ушли скоро и мы.

Так просто и без всяких судебных церемоний венчаются и разводятся в СССР. Те, которые не имеют детей и желают развестись, не обязаны приходить обое. Приходит, например, муж, если он решил «выписаться». Если-же решила раньше жена, она приходит одна и «выписывается». Даже часто без ведома мужа. Муж оставляет жену утром дома, а сам спешит на службу. Возвращается вечером домой и не застает жены дома. Вместо нее он находит небольшую записочку на столе, в которой жена пишет, что она уже «выписалась», забрала свои вещи и ушла к родным.

Ошарашенный муж начинает присматривать себе другую зазнобушку.

БЕСПРИЗОРНЫЕ

Я был глубоко поражен и тронут, когда впервые увидел несчастных беспризорных в Москве. Это было в первый день нашего приезда из Ленинграда. В Ленинграде мне не пришлось увидеть ни одного беспризорного.

Из конторы Интуриста, находящейся в Ново-Московской гостинице, отпущенной исключительно для туристов, в которой находилось до 800 человек, приехавших из разных стран, я вместе с другими вышел на улицу, чтобы отправиться на автобусе в город. Нам приказано было остановиться и ждать, пока не под'едет машина. Я наблюдаю за движением прохожих и трамвая, битком нагруженного людьми.

— Смотри, смотри, вон, там идут настоящие советские пролетарии, — говорит мне американец.

Там шли четыре оборванца - мальчика, одетые, несмотря на летнее время, в порванные старые пальто. Шли босые, с обнаженными головами и растрепанными волосами в направлении Москворецкого моста и Кремля. Они были в возрасте от 13 до 15 лет. Посреди шел здоровенный детина, который был головой выше остальных.

— Не Мустафа-ли, главный герой из «Путевки», разгуливает свободно по улицам Москвы и теперь?— невольно подумал я. И мне как-то стало неловко и стыдно за новую Россию, которая плодит таких, унижающих человеческое достоинство, оборванцев.

— Да, вы правы, это — настоящие пролетарии, — согласился я с американцем.

За несколько дней моего пребывания в Москве,

я видел беспризорных до трех десятков. И не только видел, но и беседовал с ними. Они ходят небольшими группами в 3—4 души, и, проходя мимо вас, налету протягивают грязные ручонки, говоря: «дяденька, дайте копеечку». Они долго не задерживаются, спешат, прося на ходу и как-бы предугадывая—у кого можно получить, а у кого нет.

— Я хочу с вами, молодой человек, поговорить, — обращаюсь я к одному беспризорнику у Кремля.

— А что вы мне дадите за это?

— Вот 50 коп.

— Ладно. О чем хотите знать?

— Сколько вам лет?

— 13.

— Где родились?

— Под Белой Церковью.

— Где эта Белая Церковь?

— Да, на Украине. Что—не слыхали?

— Ваш отец и мать живы?

— Отец умер 4 года назад. Мать в колхозе.

— Сколько у вашей матери детей?

— Четверо. Я—старший.

— Давно здесь?

— Три недели.

— Почему приехал сюда?

— Я не один, а с сестренкой приехал. Не было чего жрать, сели и приехали.

— На чем приехали?

— Под поездом. Я ухожу. Там меня ждут.

— Я хочу вас задержать еще на пять минут и поговорить.

— А сколько еще дадите?

Я сую ему один рубль.

— Спасибо. Опрашивайте.

— Когда возвратитесь к маме?

— Скоро. уже рожь снимают и как только уберут и будет хлеб, уедем обратно.

— Чем кормитесь и где ночуете?

— А чем попало и где попало.

— Голодаете иногда?

— Нет, в Москве хорошо. Дают есть.

— Кто дает?

— Добрые люди.

— Где больше дают?

— Везде. Некоторые не дают, а другие дают.

— Сколько денег собрали?

— 8 рублей 70 копеек.

— А ваша сестра сколько?

— Она больше. Около 12 рублей.

— Можно-ли видеть вашу сестру?

— Хотите, сейчас приведу.

И стрелой помчался от меня по Набережной и безлюдной улице. Я оглянулся и вижу сзади меня стоят три женщины, две пожилые и одна молодая.

— Ох, какие они несчастные, — сказала одна, качая головой с тяжелым вздохом.

— И зачем их не отправляют назад? — сказала другая.

— Кто не отправляет? — спрашиваю я.

— А власти. Детям не полагается давать волю, чтобы они распутничали.

Молодая женщина, одетая в простое платье и босая, держала тяжелую корзину, наполненную чем-то с'естным.

— Вы что — мужу ужин несете?

— Мужу? Я не имею мужа.

— Тогда кому вы несете?

— Я—служанка. И несу хозяевам, — был ответ.

— У кого вы служите, сколько получаете, сколько вам лет и откуда приехали?

— 23 года. Полтавская. Служу у партийцев. Хозяин—директор ВУЗ-а (высшее учебное заведение), а хозяйка — учительница в ВТУ (высшее техническое училище).

— Сколько получают ваши хозяева?

— Хозяин 400 рублей, хозяйка — 350 рублей.

— Сколько они платят вам и что вы делаете?

— Мало платят— скупые. Всего 30 рублей в месяц. Ухаживаю за двумя детьми.

— Давно служите и сколько комнат ваши хозяева имеют?

— Служу два года. Имеют три комнаты.

— Не обижают вас?

— Нет. Но работы много имеется. Приходится возиться с детьми и готовить пищу.

— Кормят вас хорошо?

— Не дают того, что им приготовляю. Говорят, ты себе отдельно свари и кушай. А знакомым своим при мне даже хвастают, что наша прислуга кушает то, что кушаем мы. Это—неправда.

— И другие партийцы имеют слуг тоже?

— И еще сколько— ого-го!

В это время передо мною стояло трое беспризорных: тот, который привел свою сестренку и еще один малыш, лет 12. Сестренке 11 лет. Они стояли с протянутыми, голыми по плечи и немытыми, ручонка-

ми и смотрели мне прямо в глаза. Лица у них были немытые, но выглядели живыми и веселыми. Я дал им по 50 коп. и сказал, чтобы мальчики ушли, а осталась лишь одна девочка.

— Дадите еще, останусь, — говорит он, глядя мне прямо в глаза.

Я дал ей целковый и повторил вопросы, заданные ее брату. Из ответов убедился, что ее братик говорил правду: не могли-же они сговориться и одинаково отвечать.

— Я был на Белорусском и других вокзалах и везде встречал по 3—5 беспризорных, одетых в лохмотья, неизменно просивших: «дяденька, дай копеечку».

На одном вокзале я спросил как-то молодого милиционера с наганом сбоку, почему милиция не забирает их и не передает в детские приюты?

— Не имеем декрета и не имеем права арестовывать.

— Тогда это — позор для страны, а тем более, для центра страны — Москвы, — сказал я.

— Мы служим. Нам что прикажут, то мы и делаем. Мы больше других видим, но вынуждены молчать.

Значит, для несчастных оборванцев — полнейшая свобода. У них никто не спрашивает паспортов. Ходят они по городу и попрошайничают. А в сов. газетах описывают, — как советское государство заботится о детях, устраивая для них ясли, сады, огороды и мастерские, где обучают ремеслам взрослых и приучают к труду малолетних.

«ПРАЗДНИК ЗДОРОВЫХ И СИЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

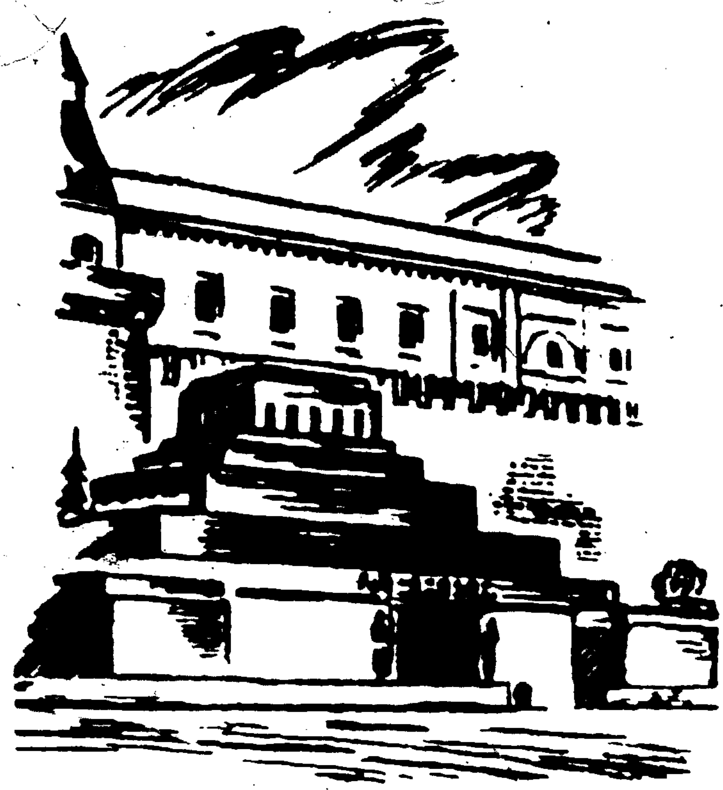
Под таким заголовком в «Известиях» от 24 июля 1934 года напечатана передовая о параде физкультурников.

В Москве я имел возможность наблюдать, как эти советские спортсмены и физкультурники демонстрировали по городским улицам с раннего утра до поздней ночи стройными рядами. Останавливаясь почти на каждом квартале, они проделывали, как солдаты, гимнастику и пели хвалебные гимны совправительству. Большинство — комсомольцы и комсомолки, одетые в белые короткие брюки и рубашки, похожие на купальные костюмы в Америке. Они собирались на Красной площади утром и до вечера двигались по главнейшим улицам Москвы, охраняемые конной милицией. Все трамвайное движение было парализовано: трамваи многих линий, ведущих к центру Москвы — Красной площади, должны были или останавливаться за десятки кварталов от центра, или делать обход вокруг.

Жизнерадостности в СССР наблюдается очень мало. Среди большевиствующей молодежи ее гораздо меньше, чем среди молодежи Европы и Америки. Если кому-нибудь большевики обеспечивают возможность жить и учиться в СССР, то только партийной головке, командному составу красармии и ГПУ. Всем же остальным сов. гражданам, в том числе и рядовым коммунистам и красноармейцам, не дана возможность даже поесть вдоволь хлеба, не говоря уже о жирах, одежде и обуви, в которых ощущается острый недостаток в стране.

Может-ли советский гражданин культурно жить, когда у него нет еще самостоятельной квартиры и мыла? Может-ли он учиться, когда мысли его ежедневно заняты о насущном хлебе, одежде и обуви? Может-ли сов. гражданин заниматься спортом и пением, когда его организм истощен от недоедания, а мысли устали и притуплены от тяжелой рабской жизни. Он не имеет ни малейших прав для защиты своего я: запуган, унижен и придавлен.

Может-ли сов. гражданин развиваться и учиться, когда ему не дают свободно дышать, думать, улучшать свою жизнь так, как он знает и понимает? Он должен отказаться от всего этого, должен думать так, как ему говорят руководящие советские душители всяких свобод и прав. Учащаяся советская молодежь, содержимая на средства государства, может еще заниматься спортом. Остальным-же сов. гражданам не до спорта.

Мавзолей большевицкого „святого“ Ленина на Красной пл.

ЧЕКИСТЫ СЛЕДЯТ

Я давно уже научился узнавать всяких шпиков при первой встрече. В Сов. России, где агенты ГПУ встречают и зорко следят за приезжающими иностранцами, мой опыт прошлого пригодился. Однажды в Москве я шел по улице и наткнулся на расставленную цепь милиционеров, одетых в белую одежду, похожую на американских поваров. Пропускали только тех, кто имел разрешение от ГПУ. Это власти собирались хоронить одного из видных членов партии. Пришлось повернуть направо и остановиться на углу. И здесь не пропускали по направлению Красной площади.

Собралось много прохожих на углу небольшой улицы, расположенной в трех кварталах от Красной площади. Как я ни старался быть незамеченным, но все-таки мой выглаженный, чистый костюм, побритое лицо и зачесанные по-американски волосы привлекли внимание агентов ГПУ. Несколько минут я стою в разношерстной толпе и смотрю вперед, по направлению Красной площади.

— Простите, который теперь час? — спрашивает меня сосед.

— 15 минут третьего.

Он был небольшого роста, одет бедно, как одеваются жители Москвы. На нем поношенный и неглаженный костюм, русская рубашка и дырявые ботинки. Лицо выбритое, глаза сверкающие, воровские. Я понял, что это — чекист.

— Скажите, пожалуйста, что сегодня будет там и почему никого не пропускают? — спрашивает он меня, указывая рукой по направлению Красной площади.

— Я и сам не знаю, что там будет.

— Вы не здешний, приезжий?

— Я—турист и первый раз здесь.

— О, значит вы из-за границы! Тогда очень приятно поговорить с вами.

— С удовольствием, — отвечаю я.

— Мой сегодня отпускной день, и я свободен.

— Я хочу знать, почему туда не пропускают публику?

— А разве вы не имеете пропуска?

— Какого?

— Из ГПУ. Туристы получают пропуски.

— Я понятия не имею, что такое ГПУ.

— Как же так, вы говорите по-русски и не знаете наших порядков?

— Я родился в деревне и юношей еще перед войной уехал за-границу.

— Тогда идемте дальше и с другой стороны пролезем. Там должно быть пропускают.

Конная полиция, очищая улицы и тротуары, теснила толпу. Как я ни старался отделаться от чекиста, но не мог. Он прилип ко мне, как американская резина к башмаку. Мы обошли дугой Красную площадь, достигли толстой стены Кремля, но везде прохожих не допускали ближе к Красной площади. Издали было видно, что огромная площадь покрыта многотысячной толпой, состоящей из партийцев. На большой трибуне, украшенной лентами и красными флагами, кто-то произносил речь и указывал рукой на толпу. Мы повернули назад. Мой незнакомец продолжал расспрашивать меня о жизни рабочих в Америке.

— Вот и Торгсин: тут продают только на иностранную валюту.

— Давайте пойдем выпьем и закусим, — предлагаю я ему.

— Там пить не разрешается. Если желаете ,можете купить там кое-что и зайдем в пивнушку и выпьем.

Я понял, что у него имеется большое желание выпить. Я решил напоить и избавиться от него. Купил бутылку сладкой, крепкой водки за 60 сентов и на 40 сентов захватил колбасы и хлеба. Мы зашли в сов. пивную. Я заказал по большому стакану теплого, как помои, и безвкусного советского пива и мы начали пить. Водку в распивочных не разрешается пить и мой незнакомец тайком наливал в большой стакан и пил.

Выпивши пиво, я притворился, что очень устал после бессонной ночи и будто начал засыпать на стуле. Водки же, я сказал ему, не пью по болезни. Мы просидели около получаса. Мой незнакомец продолжал пить один и уплетать торгсиновскую колбасу. Когда в бутылке осталось немного, чекист начал засыпать за столом. Когда я увидел, что он уже крепко спит, поднялся и ушел.

Так я отделался от непрошенного гостя. Непрошенный гость — хуже татарина, — говорит русская пословица. Чекисты-же хуже того и другого.

Когда он пил, то мне настоятельно советовал остаться в Москве и пристроиться в одном учреждении, где хорошо платят за труд. Это можно сделать при помощи его приятеля, который служит в ГПУ и может для него сделать все, что он пожелает. Он даже

советовал мне заглянуть к нему на другой день и узнать обо всем. Но это предложение меня не прельстило.

ИНТУРИСТ И ТУРИСТЫ

Должен сказать правду, отношение Интуриста к туристам — самое хорошее и дружеское. Конечно, каждая пароходная компания делает это. Без этого никакое коммерческое дело не может успешно продолжаться, диктуется оно коммерческими соображениями.

Представители Интуриста везде вас встречают, берут и сопровождают туда, куда хотите направиться. В конторах даются советы и указания по всем вопросам, связанным с передвижением. Но у Интуриста имеются и отрицательные стороны. Как государственное коммерческое учреждение, организованное советским правительством с целью привлечения побольше иностранцев в СССР, Интурист ведет во всех странах широкую пропаганду, рекламирует СССР и его строительство, чтобы выполнить свою задачу. На каждом посетителе Интурист зарабатывает довольно сносно. Взимая с американцев (третьего класса) по пять с половиной долларов в сутки, Интурист кормит своего клиента три раза в день, дает комнату в лучшей гостинице, и перевозит из одного города в другой, включая ежедневные автомобильные поездки по городу, и на все это не тратит и пятой части из этих денег. Расходы Интуриста не больше одного доллара, за который можно получить 40 рублей и больше. Интурист-же дает за один доллар 1 рубль 13 копеек. Таким образом, туриста грабят самым бесцеремонным образом.

Вам нужны рубли, чтобы пойти в театр, выпить в жаркое время сельтерской воды, или теплого пива за пределами гостиницы. Вы меняете доллары в Интуристе, или в сов. банке и вам дают сов. бумажные рубли. За стакан воды берут 20 копеек, за стакан пива — 1 рубль, за мороженое, стоющее в Америке 10 сентов, берут 1 р. 50 коп., за поездку в трамвае — 15—25 коп., за посещение кино — от 1 р. 50 коп. и за посещение лучшего театра — 3 рубля и больше.

Размененные на рубли 10—20 долларов исчезают из вашего кармана очень скоро. Возмущаются такими порядками, протестуют у окошка, где меняют доллары на соврубли. Дело часто доходит до директора гостиницы, тот равнодушно выслушивает вашу жалобу и говорит: «зачем же вы меняли так много, для вас достаточно было-бы на мелкие уличные расходы разменять один - два доллара». И, пожав плечами, заканчивает: «помочь этому не могу, вам понадобятся деньги в других городах Союза».

Многие иностранцы еще за-границей платят полностью за 10—15 дней. Те, которые уплатили минимум за 5—10 дней, по истечении срока, могут свободно переходить в другие гостиницы и расплачиваются советской валютой, получаемой не в банках, или в Интуристе, по курсу 1 р. 13 к. за доллар, а на черной бирже по курсу 40—50 рублей за доллар.

В Ленинграде и Москве за комнату в гостинице взимают от 12 до 15 рублей в сутки. Если-же снять на неделю, то еще дешевле. А это—пустяки. В среднем выходит 25—30 сентов за комнату в сутки. Питаться-же можно в торгсинах и в некоторых совет -

ских обжорках, где за 8—10 рублей можно хорошо пообедать. В переводе на американские деньги, это не дороже 25 сентов за плотный обед.

Так многие американцы и живут. Живут по несколько месяцев, тратя не больше одного доллара за комнату и стол в сутки. Переезд же по железным дорогам обходится дешево. Имея паспорт и визу на месяц (можно ее возобновить еще на месяц, уплатив за возобновление несколько долларов), получаете право раз‘езжать свободно не только в одном городе, но по всей стране. Только нужно зарегистрироваться при приезде в другой город. А там — все четыре стороны для вас свободны. Живите, где хотите и как хотите. От ГПУ вы, конечно, нигде не скроетесь, куда бы вы ни пошли. Вы, как иностранец, своей одеждой будете заметны среди разношерстной и обнищалой массы русского населения всех категорий.

Сравнивая расходы туриста в СССР с расходами в других странах, приходится сказать, что в СССР можно лучше и дешевле в пять раз прожить при долларах в кармане, чем в других странах. Только одно в СССР плохо: тяжелая окружающая атмосфера, бедность городского населения, его придавленность угнетающе отражаются на душе, и вы не можете быть спокойны ни днем, ни ночью.

НА БЕЛОРУСКОМ ВОКЗАЛЕ В МОСКВЕ

Интурист оказывает всяческое содействие туристам. По истечении 15-дневного срока пребывания в СССР, можно купить в Интуристе билет и ехать куда угодно. Можно и самому поехать на станцию и

купить билет. В таком случае билет дешевле обойдется.

Но Сов. Россия — не Америка, где в любое время дня и ночи можно купить на станции билет и ехать куда угодно. В СССР совсем иные порядки. Надо заказать билет в Интуристе и пождать денька два его получения. Иначе придется испытать муки стояния в очереди на вокзале. Поезда из Москвы ходят два-три раза в день в другие города, и всегда перегружены пассажирами, особенно летом, когда из провинциальных городов едут в Москву многие станционные начальники и другие мелкие комиссары в месячный отдых. Москва, как магнит, стала притяжением для мелких провинциальных комиссаров.

Эти советские чиновники и военные покупают билет вне очереди. Частному-же лицу купить билет можно только изрядно намаявшись в очереди у кассы. Стояние иногда продолжается дни и ночи в ожидании свободного места в поезде.

В Интуристе с меня требовали за билет в Минск — столицу Белоруссии — 18 руб. 30 коп. «жестким» поездом. Считая по курсу 1 р. 13 коп. за доллар, — 16 долларов. Для удобства я решил запастись билетом в Слуцк. Из Москвы в Слуцк через Минск потребовали 27 руб. 50 коп., а на американские доллары — 24 дол. 50 с. В переводе же на советские базарные рубли — 980 рублей.

У меня не было сов. рублей и я боялся брать у незнакомых, чтобы не угодить на три года на советские каторжные работы за покупку денег на улице. К счастью, меня выручила одна пожилая еврейка, ехавшая со мной в СССР. Она мне дала 75 рублей

за два доллара и сказала, чтобы я не трусил,а поехал на станцию и купил билет. Я направился на Белорусский вокзал.

Пожилой, обросший и одетый в старую поношенную форму, извозчик на тощей и старой, как сам, лошади, запросил с меня 25 рублей за доставку на Белорусский вокзал.

— Зачем так много требуете? — спросил я его.

— Много? — с удивлением сказал он. — Нам приходится платить за пуд овса для лошади 40 рублей, вносить большие налоги государству, жить самому. А сколько мы зарабатываем теперь? Сами видите, как наша жизнь вздорожала. К тому же нам запрещают ездить по новым дорогам. Приходится делать большой круг, чтобы попасть на Александровский вокзал.

— Сколько берете за доставку на Белорусский вокзал? — спрашиваю я шоффера такси.

Он подумал и сказал: сколько набьет счетчик, плюс—путевые.

Я догадался, что он под словом «путевые» подразумевает чаевые, запрещенные законом.

— Сколько будет всего?

— 20 рублей.

Я сел и через несколько минут очутился на б. Александровском вокзале, называемом теперь Белорусским. Смотрю на счетчик и вижу 5 руб. 60 коп. Вынимаю 20 рублей и даю шофферу. Он поблагодарил и начал распрашивать меня о жизни рабочих в Америке. Мы разговорились. Он рассказал мне, что в Москве имеется около 4,000 государственных такси, но работают не больше 3,000. Остальные-же в починке. Шоффер получает 250 рублей в месяц, рабо-

тает 8 часов в день и каждый шестой день — отпускной. Деньги в Москве обесценены, а цены на с'естное, одежду и обувь очень высокие. Жить приходится с большими трудностями.

На вокзале много пассажиров. Одни сидели на скамейках, дремали и спали. Другие валялись на полу. Окошечко, на котором написано — «Касса билетов», закрыто.

В справочном бюро я узнал, что поезд в Минск отходит в 10:30 вечера, другой, курьерский—в 12 ночи. Я решил ждать у кассы. Оказался 32-м в очереди. Узнав, что касса открывается в 9 часов вечера, я занял свое место в очереди, попросил соседку, стоявшую впереди, оставить мое место за мной и сам пошел в город. Молодой милиционер с наганом на боку расхаживал возле пассажиров и предупреждал остерегаться воров.

Я возвратился на вокзал и увидел два ряда хвостов у окошечка кассы. Стояло 38 человек. Я нашел женщину, которая стояла впереди меня и занял свое место. Расхаживали два милиционера с наганами. В 9 ч. 15 мин. пришли чисто одетые мужчина и женщина и начали продавать билеты. Женщина высчитывала карандашом, подавала бумажку мужчине, тот проверял на деревянных счетах, клал печать на билет, а женщина потом считала деньги. На продажу одного билета тратилось, в среднем, три минуты. В Америке один кассир у кассы мог-бы продать до 20 билетов за это время.

В 9 ч. 15 мин. касса закрывается. Среди пассажиров ропот, недовольство, ругань и слезы. Мили-

ционеры приказывают успокоиться и угрожают арестом волнующихся.

— Я уже два дня стою и не могу получить билета, — жалуется пожилая и усталая со слезами женщина.

— Я тоже стою со вчерашнего дня, — жалуется другая.

— Но я то что могу сделать? Идите к директору и жалуйтесь, — хладнокровно говорит милиционер.

Шум, гам, плач и ругань слышны со всех сторон. Из 38 стоявших только 14 сумели купить билеты. Остальные вынуждены ждать до 10 часов вечера завтрашнего дня. Военных и «браков» (комиссаров) было около 20. Я у директора станции. Говорю ему, что я — турист, простоял весь день и не мог купить билета. Прошу помощи — меня ждут в Минске.

— Один день — это еще не беда, — отвечают мне. У нас простаивают больше. Загляните в другое здание, там, авось, окажется место на курьерском.

Я спешу туда. 48 душ стоит в хвосте. Навожу справки в справочном бюро.

— Не только сегодня, но и завтра не получите билета. Видите, сколько пассажиров в очереди, — говорит молодая женщина в будке. Этим она совершенно ошарашила меня. Я понял, что мне предстоит пережить все мытарства советских хвостов.

— Как-же быть, мне нужно, по коммерческим делам, завтра быть в Минске, а тут такой неожиданный для меня, интуриста, сюрприз — ждать и чорт знает сколько ждать, — говорю я повышенным тоном.

— Тогда завтра поезжайте на центральную станцию и там купите билет.

— Когда там касса открыта?

— В 11 часов утра.

— Там я смогу купить билет на вечерний поезд?

— О, нет! Забудьте об этом. Там продают билеты только за два дня вперед.

Я опять у директора. Он пожимает плечами и говорит, что помочь не может.

— Тогда оставьте деньги нашему служащему и попросите его, пусть он купит для вас билет, — советует директор.

— Чем я гарантирован, что он вернет деньги и не откажется, что брал их у меня?

— Хоть 5,000 давайте нашим служащим и деньги мы гарантируем. Только не забудьте взять номер нашего служащего.

Я нашел пожилого рабочего, дал ему 70 рублей на билет и ткнул американский доллар «на чаевые». Он охотно взял деньги, но сказал, что не уверен, удастся ли ему купить билет на завтрашний поезд.

— Попробуем. А вы приходите к 10 часам вечера с вещами, — сказал рабочий.

На другой день, в 9 часов вечера, я был с вещами на станции. Касса еще не была открыта, но возле нее первым стоял тот рабочий, которому я дал деньги.

— Что-ж, купили билет?

— Пока нет. С утра стою и надеюсь купить, когда откроется касса. А вы не оставляйте своих вещей, у нас воруют.

Билет я получил. У кассы столпилось много людей. Военные и «браки» приходят и вне очереди покупают билеты. Касса закрывается. Шум, крик и

слезы оглушают воздух. Создается тяжелая атмосфера. А радио в это время говорит на всю станцию:

— Граждане, прошу вас не шумите и не волнуйтесь у кассы, стойте спокойно в рядах и ждите очереди. На перрон не итти до свистка. За багажом и карманами зорко следите, иначе злоумышленники залезут в ваши карманы, утащат ваши вещи...

Я в поезде. Занимаю свое место. Купэ небольшое с закрытой дверью. Старые поезда. Шесть полок в купэ: четыре для пассажиров и две верхних для багажа. Поезд идет. Со мною в купэ едет молодая девица, лет 24. Больше никого к нам и не прислали. С девицей проболтал до двух часов ночи. Много от нее я узнал о жизни молодежи, нравах, обычаях, женитьбе, разводах и т. п. От кондуктора-женщины я узнал, что два места в нашем купэ оставлены для неожиданных пассажиров: членов ГПУ и комиссаров, часто ездящих по спешным государственным делам.

Из Москвы в Минск — 750 километров, около 675 верст. Поезд идет медленно и приходит в Минск утром с опозданием.

4. В МИНСКЕ—СТОЛИЦЕ БЕЛОРУСИИ

МИНСК

На Минском вокзале — давка. Люди на полу, и на земле у станции, дремлют и спят. Приход поезда разбудил многих. Большинство — деревенские женщины, одетые в простую домотканную одежду, босые и с небольшими узлами. Выглядят усталыми, измученными. Похожи скорее на нищих, чем на простых

крестьянок. Среди них много молодых солдат в длинных шинелях. Глядя на эту нищенскую толпу, думаешь: «вот где настоящая деревня, доведенная советской властью до ужасной нищеты». Холодом и ужасом несет от этой серой и обнищавшей толпы.

Отдав два ручные чемодана на хранение, я подхожу к небольшому окошечку на станции, на котором написано на русском и белоруском языках: «Справочное бюро».

— За справки взимают 10 копеек. Разве вы не видите, что там написано? — кричит мне средних лет женщина, которую я спросил, когда отходит поезд в Слуцк.

— Я — турист, у меня нет советской валюты.

— О, вы значит, иностранец? С иностранцев ничего не взимаем.

— Как же так? С иностранцев нужно брать в несколько раз больше, чем с советских граждан: они приезжают с деньгами.

— Нельзя — у нас такое постановление.

Поезд в Слуцк отходит один раз в сутки, в 12 часов ночи. Она послала на противоположную сторону к окошечку, на котором написано: «касса», и сказала, чтобы я там сообщил, что я — иностранец и хочу зарегистрировать свой билет на вечерний поезд. Хвостов у кассы здесь не оказалось.

Минск расположен на реке Свислочи, в северо-западной части России. До войны в нем насчитывалось 100,000 жителей. После войны и первых лет революции население в Минске увеличилось, особенно после того, когда Минск стал столицей Белоруской республики, входящей в состав СССР. Население Минска в 1933 году — 180,900 душ. С 1920 года по 1933 год оно увеличилось на 74%. Во всей Белоруссии — 5.439,400 душ населения. В городах—210.000, в селах— 4,549.200 душ. В Минске построено несколько заводов и фабрик. На канатной фабрике работает до 3,000 рабочих. Имеется Белорусская Академия Наук, Белорусский университет, Институт Белорусской Культуры, Музей Искусств, Технические институты, Народная опера, кино и т. д. В Белорусской ССР имеется 350 совхозов и 9,400 колхозов. Под совхозами и колхозами находится 54% сельского населения. Остальные 46% — крестьяне-частники.

С целью саморекламы, большевики создали несколько десятков разных республик в России. Им нужно было показать иностранным государствам, что они — за независимость и самоопределение народностей, населяющих Россию. У самого от‘явленного мошенника имеется больше совести, чем у этих советских республик независимости и свободы. Москва диктует им свою волю. Они должны беспрекословно выполнять все наказы и приказы Москвы.

«Независимость» проявляется только в языке и здравоохранении. Нельзя сказать, чтобы всем этим были облагодетельствованы белорусы, особенно руссифицированные, которым никак не прививается простое местное наречие. Официально в Белорусии сущест-

вуют четыре языка: белорусский, еврейский, польский и русский. Но последний постепенно вытесняется, насаждается белорусский язык. Но он с таким-же «успехом» прививается населению, как и сам большевизм. На многих бланках имеются рядом и русские надписи. В разговорной речи везде употребляется русский язык. Даже дети, изучающие никому ненужный язык, говорят легче по-русски, чем по-белорусски.

Минск преобразовался за последние полутора десятка лет. За счет неслыханных налогов на крестьян, Минск перестраивался в обновлялся. Крестьяне, по приказу Москвы, должны были доставлять на перестройку Минска лес и хлеб. Все это делается для того, чтобы показать иностранцам, приезжающим в СССР, какое грандиозное строительство идет в городах СССР. А о том, что деревня за это жестоко расплачивается, никто из иностранцев не знает.

В своей стройке Минск опередил Москву и Ленинград. В то время, как в Москве с населением в три миллиона душ, с 1927 года по 1933 г., было построено 2,574 новых дома, в Минске, пропорционально числу населения, построено больше домов. В Минске отремонтировано много старых домов, много снесено и построено новых в 2—3 и больше этажей. В центре города построено огромное мраморное здание в 6—9 этажей. В нем помешаются ЦИК Белоруссии и государственный банк. В банке — много служащих с карандашами в руках и деревянными счетами на столах. А в заднем углу работает пять человек над подсчетом износившихся советских кредиток, которые выпускаются на плохой бумаге в большом коли-

честве и быстро выходят из обращения. Деньги в СССР одни для всех республик, как в Америке для всех штатов.

На большой площади стоит огромная цементная статуя Ленина. Вероятно, она поставлена здесь для того, чтобы показать белорусам, что Ленин дал им «независимость». Прокладывается новая улица. Работает много босых и оборванных женщин, получающих по 60 рублей в месяц за свой тяжелый труд, которого не знает ни одна женщина в Европе и Америке. Советская женщина работает впроголодь 8 часов в день на железных дорогах, на прокладке новых дорог и шоссе. На базаре она не может купить даже фунта сала (6 р. фунт), которое привозят крестьяне из деревень.

Улицы в Минске узкие, но чистые. Дома выглядят лучше, чем в Москве и Ленинграде. Много магазинов и больше товаров, чем в Москве. Все трамвайные линии ведут к вокзалу. Проездная плата — 20 коп. в один конец. Минск, как и Москва, перегружен населением. Здесь ощущается острый квартирный кризис. Чтобы получить квартиру, нужно ждать год и больше. Самые бедные рабочие в Чикаго, Филадельфии или в Нью-Иорке живут в лучших квартирах, чем в Минске советские профессионалы и небольшие комиссары, получающие по 200 рублей в месяц. Рабочие-же, которые получают 60 рублей в месяц, живут со своими семьями на окраинах города в таких домах, в которых не могла-бы жить американская собака. Она, живя на советских харчах и в грязи, среди мух, тараканов и клопов, скоро подохла-бы.

Дом Советов Белорусской республики в Минске. Разорили тысячи крестьян, чтобы построить „дворец“ казарменного типа.

В ГОСТЯХ У КОМИССАРА

Из Америки в СССР со мной ехала одна филадельфийская еврейка. Она уехала в Минск, к своим родным, которых не видела 25 лет. Приехав в Минск, я решил навестить ее. Она с радостью встретила и отрекомендовала меня своим родным, как «наилучшего» человека и «настоящего коммуниста». С нами ехали два коммуниста и две большевиствующие дамочки, жены большевиков, оставшихся в Америке. В дороге приходилось ехать без обеда. В это время я делился со всеми тем, что имел из с'естного. Случалось в пути покупать овощи или фрукты и делиться с соседями. Тогда наши горе-коммунисты, как голодные псы, протягивали свои руки за пищей. Когда-же они покупали сливы или виноград, то прятали от других и уплетали все это втихомолку. За то, что я делился пищей с другими, меня прозвали коммунистом. Я не мог отрицать этого, ибо я—подлинный безгосударственный коммунист.

Я вошел в маленькую квартиру в две комнаты. В

ней мать, отец, три брата, две сестры, моя знакомая и куча малышей. Она по-английски со слезами говорит мне о том, что вторые сутки не ест и не спит, все время плачет и кается, что приехала сюда.

— Посмотрите на них, — говорила она, — это все мои родные. Квартира-же принадлежит одному из братьев, который занимает комиссарский пост и получает 225 рублей в месяц. Вот, его жена и двое детей. Они имеют бедненькую квартирку и хлеб на столе. Остальные мои братья — не-коммунисты. Прежде занимались мелкой торговлей. Профессии не имеют и вынуждены работать чернорабочими у государства сами и их жены за 60 рублей в месяц. Один имеет трое, другой — четверо детей. Сами они работают, а детей оставляют дома на произвол судьбы. Они не имеют черного хлеба и одежды. Как видите, они голые, оборванные и голодные.

— Но они работают и могут купить хлеба, — говорю я.

— А разве за 120 рублей можно купить хлеба, когда один пуд муки стоит теперь 60 рублей? Да и то хлеб в продаже теперь запрещен. Кто имеет, тот боится продавать, чтобы не угодить на три года в Сибирь на каторжные работы. Я не могу переносить всего, что вижу. Только об этом не говорите моим родным.

Живут кучей в одной комнате, где стены и пол пропитаны грязью, а мухи, как пчелы, жужжат, тараканы и клопы сидят в щелях и по-коммунистически нападают на людей.

— Скажите, пожалуйста, отчего наша Соня все

плачет и не ест ничего? — спрашивает меня жена комиссара.

— Соня в дороге измучилась, по детям затосковала, и потеряла аппетит и сон, — отвечаю я.

— Она не выдержит, умрет, если будет так делать.

На дворе дождь лил, как из ведра. Ждал и я его прекращения, посматривая на семирублевые на стене часы, чтобы не опоздать. К 11 часам вечера дождь перестал. Жена комиссара провожала меня на вокзал. По дороге она рассказала, что жизнь очень трудная теперь, она слаба, не работает, находится дома с детьми. 225 рублей жалованья мужа хватает на хлеб и немного масла, рыбы и изредка мяса. Одежды и обуви купить не за что.

— Ну, а как живут остальные ваши, которые получают по 60 рублей?

— Они вынуждены обое работать и жить бедно и в нечистоте.

— Правда-ли, что в Америке безработные лучше живут, чем мы? Так говорила мне Соня.

— Да, семейные получают больше и живут лучше.

— Эх, как-бы хотелось попасть в Америку! Мой муж — добрый человек, жалуется мне часто, что ему надоели эти партийные собрания, продолжающиеся до поздней ночи и те приказы, которые даются ему. Он бедный, старается выполнить, чтобы не потерять службы и не лишить семью куска хлеба.

— Вы состоите в партии?

— Нет, я не могу мириться с нашей тяжелой жизнью, но должна.

Мы на станции. Поезд отходит в 12:04 ночи. Мои часы показывают без 10-ти 12. Я спешу на позед. По-

езд стоит, а возле него много разношерстного народа. Давка у входа.

— Этот вагон, товарищ, заполнен. Идите туда,— говорит мне кондуктор-женщина.

Иду в другой и третий—то-же самое. У последнего вагона — большая толпа. Не стоят, а прутся, чтобы попасть в него. Женщина-кондуктор считает вслух:

— 39, вагон заполнен, не прите, больше никого не возьму.

— Идите к ней и скажите, что вы—турист и она пропустит. У нас туристам дается предпочтение, — говорит моя проводница.

Не легкое дело пролезть сквозь 3—4 десятка человек, стоящих у входа поезда и смотрящих на кондуктора, как на какую-то святыню. Но нужда заставляет, и я, при помощи проводника, протискиваюсь к входу.

— Я, товарищ, — турист, опоздал, не могу-ли получить место?

— Давайте-ка ваш билет, посмотрим.

На билете, купленном в Москве, кассирша отметила, что он действителен вне очереди на 48 часов.

— Ладно, заходите и занимайте место, — любезно сказала кондукторша. Я прощаюсь со своим проводником на ходу и с трудом нахожу место среди трех мужчин и четырех женщин, сидевших на нижних полках по обеим сторонам. На втором ряду полок, вытянувшись, лежали два мужчины. Третьи полки предназначены для багажа, но какой-то пассажир забрался и лежит там.

— Немного тесно, но, вот, здесь пристроитесь,— говорит пожилая женщина.

— Где тесно, там потешно, а где имеются женщины, там весело, — говорю я, чтобы расположить их к себе.

— Правду, правду кажете, — слышится ответ из темного купэ.

— А ты куда забрался. Ишь ты какой — слезай поскорей, а то попрошу иначе, — повелительно говорит кондукторша лежавшему на третьей полке.

Он лениво слезает и идет за нею.

Я выбрал удобный момент и узнал у кондуктора-женщины о порядках в поездах.

— Я отвечаю за свой вагон. И не имею права перегружать его. Полагается 44 пассажира: вы—40-й, для 4—5 всегда сказано оставлять места.

— Для кого?

— Знаете, у нас иногда едут ударники по спешным делам и агенты ГПУ. Для них 4—5 мест всегда оставляется.

Она обязана следить, чтобы в вагоне не курили, не плевали на пол, не бросали бумаги, не шумели и были на своих местах. Налетающие комсомолки пишут протоколы и доносят начальству, если найдут что-нибудь не в порядке. И кондукторов расчитывают, на их паспортах делают отметки и другой работы на ж. д. достать им нельзя.

Я узнаю от пассажиров, что поезд остановится на 40 минут на станции Осиповичи. 3 часа ночи. Плотно поевши колбасы, купленной в Торгсине, ощущаю жажду. В вагоне воды нет, и я решил слезть на станции. В буфете за 1 р. 10 коп. беру глиня-

ную кружку пива, в которой вмещается около двух чайных стаканов. Выпиваю. Пиво теплое, невкусное. Из буфета иду на станцию. О, ужас, что я вижу перед собой! Как кучи навоза, люди лежат на грязном полу с торбами и мешками. Имеются взрослые и дети. Все спят глубоким сном. Некоторые во сне о чем-то говорят, иные переворачиваются, стонут. Многие босые, в лохмотьях. Я насчитал 46. Еще куча в углу. Больше считать не мог, на душе стало тяжело, мысль перестала работать.

Я вышел, как пьяница из кабака, и долго ходил по перрону, говоря про себя: «вот тебе рабочая советская, крестьянская власть, до чего довела этих крестьян, куда бросила их и как жестоко над ними издевается».

В СЛУЦКЕ.

От Минска до Слуцка — 207 километров, около 190 верст. Наш поезд, вышедший из Минска в 12 часов ночи, прибыл в Слуцк в 9 часов утра. В Америке это расстояние поезда легко покрывают в три часа. Советский небольшой, старый, до-военный паровоз, отапливаемый сосновыми дровами с примесью березы, с трудом идет по прямой, как стрела, ж. д. «черепашьим» ходом.

В Белоруссии шли большие дожди около двух недель и затопили все низкие сенокосы и пастбища. Поток воды размыл высокую насыпь полотна железной дороги. И, вот, несколько сот рабочих, преимущественно молодые девушки, плохо одетые, босые, с деревянными лопатами насыпают песок и деревянны-

ми прадедовскими граблями выравнивают железнодорожную насыпь.

— Американский безработный, — говорю я ехавшим со мною учителям и учительницам, — получает гораздо больше от капиталистического правительства, лучше одет и здоровее выглядит, чем эти советские рабочие.

— Значит, вашим безработным живется лучше, чем нашим работающим людям, — со вздохом заявляют они и пожимают плечами.

Поезд подошел к станции Слуцк. Станция небольшая. Народа у станции собралось много. Одни пришли встретить родных, другие приехали из города, чтобы подвезти кого-нибудь и немного заработать детишкам на молоко. Увидев приезжего с чемоданами, они роем бегут и предлагают свои услуги.

Слуцк — уездный город Минской губернии. До войны в нем было 15.000 душ с 30 мелкими промышленными заведениями, в которых работало 1,300 рабочих. Через Слуцк проходило шоссе Минск—Варшава, по которому долго ходили дилижансы, перевозившие пассажиров, а в последние три года перед войной их заменили двухэтажные машины немецкого производства. После русско-японской войны 1905-6 г.г. Слуцк быстро рос и расширялся. 17-летним парнем я был в последний раз в Слуцке. Деревня, где я родился, находилась в 28 верстах от Слуцка, и я ездил с отцом в город. Слуцк запечатлелся в моей юной памяти совсем иным, чем я увидел его снова через 21 год. Большое чистое и немного возвышенное шоссе теперь сузилось и взбухло. Прежде были по сторонам каменные тротуары, теперь их нет. Их

заменяют 2—3 узкие доски, тонущие в грязи. В центре города прежде был большой базар. И не один, а два. Один базар служил для стоянки крестьянских телег и мелкой торговли. До 300 возов ежегодно стояло здесь. А в воскресные и праздничные дни — в 2—3 раза больше. Вокруг шла оживленная жизнь: перегруженные до отказа лавки торговали разносортным хламом, салом, колбасой, селедками, одеждой, обувью. Крестьяне привозили яйца, кур, телят, поросят, масло, сыр и проч., продавали на базаре и на вырученные деньги покупали лыко на лапти, сахар, гвозди, кожу на сапоги, селедки, бублики для детей.

На другом базаре крестьяне продавали дрова, свиней, коров, лошадей. В торговые дни здесь выставлялось для продажи около 200 кабанов, откормленных на сало, более 300 коров и быков и до 500 лошадей, среди которых были лошади стоимостью в 1,600 руб. Жеребцов по 300-400 рублей было много. Слуцкий уезд считался лучшим поставщиком лошадей в Белоруссии.

Все это исчезло теперь, отошло в область преданий. Обеднела деревня, не стало в ней животных, обеднел и умер базар. Нахлынули на деревню большевики и, как саранча, с‘ели все дорогое для крестьянина. Город зачах, заболел большевицкой болезнью и находится накануне смерти. Он еще не умер, но умирает. И скоро умрет, если дикая сов. власть продержится еще несколько лет.

Жутко и страшно становится, когда находишься здесь. Одноэтажные и двухэтажные домики в городе облупились и разваливаются. Выглядят не плохо большое двухэтажное здание ГПУ, кирпичное здание

банка и еще несколько десятков небольших домов. Запущены сады и огороды.

— На мой садик, — говорит мне одна дряхлая мещанка, — наложили 340 кило (около 500 фунтов) налога. Если я внесу этот налог, то мне совершенно ничего не останется.

— Что с вами сделают, если вы не внесете?

— Вот скоро пойду и заявлю, чтобы сами забирали все яблоки и груши.

— И что получится?

— Да ничего, придут, посмотрят, запишут и уйдут.

— Были такие случаи прежде?

— Были.

— Ваш огород и сад не могут национализировать?

— Огород принадлежит к дому, а сад отдельно считается. За домик из пяти небольших комнат я плачу налог: полуторы комнаты, так сказать, натурой, а за остальные 3 с половиной комнаты плачу 670 рублей налога. Два раза уже национализировали все мое имущество. Но через год возвращали: убеждались, что и столько дохода не получат со всего имущества, как теперь, когда оно находится у меня.

— А с другими, как власть поступает?

— Так-же, как и со мною. Никому не дают жить. Просто, милый мой, разоряют наше крошечное хозяйство, а нас самих живыми в гроб загоняют, — со слезами говорит бедная старушка, когда-то в молодости получившая среднее образование.

СОВЕТСКИЙ БАЗАР

На советском базаре запрещен хлеб для продажи во время уборки с поля в течение двух месяцев.

Даются три года каторжных работ тому, кто осмелится продать хоть небольшую булку хлеба или пуд зерна. На базаре продают: яйца, сыр, молоко, масло, сало, вишни, яблоки, овощи и глиняную посуду. Цены: 10 яиц — 6 рублей, небольшой сыр — 8 рублей, литр молока — 1 р. 20 коп., фунт сала — 6 рублей, фунт мяса — 7 рублей, стакан вишен — 25 коп., три яблока — 1 р., огурец — 20 коп., галоши — 55 руб., поросята — по 25 руб., стакан сельтерской воды — 20 коп., стакан теплого пива — 40 коп., курица — 20 рублей, петух — 12 рублей. Больше ничего нет на базаре. Лавки советские пусты. Даже селедок в них нет. А сахару горожане не видят. Мануфактуры мало и цены на нее астрономические. Только лавки с советской «рыковкой» переполнены. Но мало имеется потребителей: нет денег у обнищавшего населения.

На базаре полно грязи и нечистот. В этой грязи, вдоль Пролетарской улицы, сидят на сене, как птицы в гнездах, нищие и старцы, женщины с грудными детьми, одетые в рваные тряпки, молятся, как молились прежде старцы, и прсят прохожих не дать им умереть голодной смертью. Легче бы сквозь землю провалиться, чем слушать молитвы и мольбы этих нищих и старцев.

Крестьяне и крестьянки одеты бедно, выглядят усталыми и тощими. Только немногие имеют сапоги. Остальные — босы. Лыка и лозы нет для лаптей, и люди, как тени, ходят по пустому каменному базару, утопающему в грязи. Босиком, по-советски, легче догонять и перегонять Америку.

Лес уничтожен и дубовых осей для телег нет. Их заменили железные оси. Возы у крестьян измельчали,

выглядят бедными, как и сами обросшие и опустившиеся крестьяне. Лошади их небольшие и тощие. И десяти процентов нет тех сильных и жирных лошадей, которые были прежде. В Слуцке имеется единственная роскошная турецкая баня с платой в 35 коп., меньше одного американского сента. Имеется и парикмахерская Красного креста, в которой мужчины и женщины стригут и бреют. Стрижка и бритье стоит 1 р. 50 коп., меньше пяти сентов. Это для американца, меняющего доллары на тайном рынке. Днем всегда очереди в парикмахерской. Военных стригут и бреют ежедневно вне очереди и бесплатно. Рядовые красноармейцы получают по 6 руб. в месяц и этих денег не хватает на табак.

Имеется небольшая лавка Торгсина. В ней много товаров, но хлеба нет, как в лавках Минска, Москвы и других советских городов. Я, шляясь по городу, здорово проголодался. Захожу в сов. обжорку, вижу в буфете два кусочка селедки с луком —90 копеек, кусочек сыру—80 коп., стакан квашенного молока — 60 коп. И больше ничего. Продается пиво, вино и «рыковка».

— Нельзя-ли достать чего-нибудь, товарищ? — спрашиваю я

— Ваша карточка, товарищ?

— Я—турист и имею только иностранный паспорт.

— Тогда идите в Торгсин. Здесь по карточкам выдается только пища.

— Я был там, купил колбасы, но хлеба нет. Я, товарищ, приехал из культурной страны и не могу есть колбасы без хлеба, как собака.

— Тогда на базаре можете купить немного хлеба.

—Я там уже был и хлеба не видел. Мне сказали в Москве, в Интуристе, что за иностранную валюту я везде смогу все купить. А тут, вот, сюрприз—голодный. Чорт побери с вашими порядками. Знаете, я не привык голодать.

— Напрасно злитесь, товарищ, я не могу ничем помочь вам. Мы имеем пишу для тех, кто приходит с карточками. Теперь 12 ч., вы попробуйте придти в три часа. Авось тарелку капусты удастся оставить для вас. Но за хлеб не ручаюсь. Попробую кусочек сберечь.

Долго ходил я голодный по городу и наблюдал за всем. Ходил, пока голодный желудок не запротестовал так крепко, что у меня отпала всякая охота больше ходить и наблюдать. И вдруг счастье улыбнулось мне: «Пивная лавка». Захожу туда, спрашиваю поесть, а мне какая-то худенькая дамочка предлагает пиво и голую селедку с луком на закуску. За все требует 4 рубля. Я об'яснил ей, что имею вдоволь торгсиновской колбасы и могу дать ей, если она раздобудет мне кусочек хлеба.

— Хлеба—не могу достать. Но картофельное печенье имею, если вам понравится, — отвечает дама.

— Голодные не разбирают. На безрыбьи и рак рыба.

Я получил какую-то лепешку из гнилой картошки и начал уплетать с колбасой. У дамочки текли слюни по губам, когда я отрезал кусок колбасы в обмен за картофельную лепешку.

В окрестностях я заметил кладбище. По запущенной небольшой часовне узнал, что это—христианское кладбище. Небольшой забор давно сгнил и раз-

валивается от ветра. Я иду туда, где все вечным сном спят и не знают ни мирских забот, ни нужды. Мое появление на кладбище вспугнуло худенькую козу, укрывавшуюся среди могил от налоговой нагрузки. Обошел я вокруг да около и попал на другое кладбище, расположенное на другой стороне города. По небольшой часовеньке и надписям на памятниках узнал, что нахожусь на еврейском кладбище. Все то-же самое, что и на христианском кладбище: забор деревянный износился и повалился. Одни памятники стоят, другие уже давно лежат и никто не собирается их поднимать и ставить на место. Могилы поросли травой и мелким кустарником. Полнейшее запустение и невнимание живых к мертвым.

В Америке не раз слыхал от каких-то людей, что в СССР «евреи правят страной», их синагоги открыты и они свободны. В СССР-же убедился, что синагоги, как и церкви, закрыты, кладбища развалены, часовня еврейская, как и христианская, забита осиновой доской, евреи — горожане — худые, усталые, оборванные, босые, как и православные.

Уже вечерело, когда я оставил еврейское кладбище и направился к Пролетарской улице. Подходя к шоссе, я заметил какую-то демонстрацию. Мне показалось, что нахожусь в Америке, где безработные маршируют для того, чтобы заставить властей дать им работу или увеличить пайки. Но я был в СССР («единственной социалистической стране в мире»), где нет безработных и где все сыты и довольны. Это не мирная демонстрация, а отряд советских каторжан человек в 60 (18—35 лет), шедший под сильным конвоем красноармейцев, вооруженных всеми достиже-

ниями советской техники. Шли эти несчастные с работы рядами по четыре человека. Впереди — красноармеец с ружьем и длинным штыком, позади — такой-же солдат, а по сторонам — четыре красноармейца не с ружьями, а с обнаженными саблями.

Я с сожалением смотрел на этих беззащитных советских мучеников и с отвращением на тех, которые вели их. Все они проходя, смотрели на меня и, вероятно, думали: может быть стоит мой брат или товарищ по деревне. Все они выглядели бледными, были одеты в простые крестьянские рубашки и обуты в какое-то подобие сапог.

В городе Слуцке находится 600 таких каторжан. Все они взяты потому, что государству нечем платить рабочим. Советское государство распоряжается в СССР людьми, как хозяин вещами. Оно «национализировало» лучших крестьянских сыновей в деревне, которые вынуждены работать по 8 часов в день за кусок хлеба, стакан чаю и порцию вонючей водицы, называемой супом.

Из 15 церквей в городе закрыты 13. Открыта Вознесенская и еще какая-то. Двери остальных забиты досками. Колокола еще во время войны поснимали и перелили на пушки. Давно уже они перестали звонить и привлекать внимание горожан и окрестных крестьян. Воскресные дни и праздники стали теперь буднями. Народ отвык от моления. Наступило время безразличия к вере.

Слуцк превращен в военную крепость и наводнен солдатами. На Троицкой стороне построено много двухэтажных деревянных домиков, покрашенных в белый цвет. Здесь помещается штаб красной армии, на-

ходящейся в Слуцке и состоящей из четырех дивизий. У домиков гладкие и чистые улицы, высыпанные белым мелким щебнем. Улицы утопают в зелени деревьев. Тут-же имеется большой сад, служащий днем для военного обучения, а вечером — для прогулок командиров, рядовых красноармейцев, комсомольцев и комсомолок, любящих погулять с чисто одетыми и ежедневно бреющимися красными командирами.

Больший военный театр в Слуцке вмещает до 3000 душ. Изредка сюда приезжают народные артисты из Москвы и Минска. Вход для военных безплатный. С остальных взимают от 1 до 4 рублей. Ставят пьесы Островского и других старых русских драматургов. Театр битком набит публикой, когда ставят классические пьесы. Советские писатели и драматурги не нравятся публике и она неохотно посещает их. Советские пьесы безжизненны и фальшивы.

Если идти по Пролетарской по направлению к Старым дорогам, то можно видеть, что за городом, на правой стороне, находится совершенно новый город, расположенный на огромной площади и построенный из небольших деревянных домиков, выкрашенных в белый цвет. Это—военные казармы. Среди них торчит высокая кирпичная труба небольшой военной фабрики, изготовляющей консервы. На крыльце двухэтажных деревянных домиков летом сидят чисто одетые молодые дамочки. Это— жены командиров красной армии. Они имеют служанок, живут хорошо и беды не знают. Они самые счастливые женщины в СССР.

СОВЕТСКАЯ МЕЛЬНИЦА И ЖЕРНОВА

При в‘езде в Слуцк, от Старых дорог на правой стороне, стоит трехэтажное кирпичное здание, построенное еще до войны одним немцем. Это—лесопильный завод и мельница.

Тепрь это — государственная мельница. За помол государство взимает с колхозника 5 фунтов зерна с пуда и 7 фунтов с крестьянина-частника. И колхозники и частники против такого государственного обирательства. Прежде они платили не больше 3-4 копеек с пуда. Были в деревнях и ветряные мельницы, обслуживавшие крестьян. Последних уже больше нет. Советское государство не терпит конкуренции и уничтожило все ветряные крестьянские мельницы, которые были почти в каждой деревне.

Чтобы не давать государству много зерна за обмол, колхозники и крестьяне продолжают молоть зерно на деревенских жерновах, на которых прежде мололи муку для корма свиней. Советские самодуры издали закон против этих жернов, который карает штрафом и конфискацией их. Но жернова живут, уцелели до сего времени и спасают крестьян от излишних расходов. Их прячут в таких местах, где невозможно обнаружить запрещенный плод.

— На вашем хуторе имеются жернова—спрашиваю одного молодого колхозника.

— Да.

— Много?

— Всего две пары.

— А куда девались остальные?

— Уничтожены сельсоветами.

— Сколько в вашем поселке дворов?

—— Двенадцать.

— И комсомольцы имеются?

— Четверо.

— Знают-ли они у кого есть жернова?

— Знают.

— Почему не доносят властям?

— Они сами питаются хлебом, который прошел через эти жернова, и не враги себе.

Если таких коммунистов в СССР много, — подумал я,—то коммунизм обречен на смерть.

5. РОДНАЯ ХАТА

Ах, милый край!
Не тот ты стал, не тот.
Да уж и я, конечно, не прежний.
Е. Есенин.

НА КРЕСТЬЯНСКОМ ВОЗУ

Жаркий летний день. Я долго хожу по малолюдному советскому базару и ищу близких из деревни, где живут мои рдные . В будние дни, да еще в летнее время, когда происходит уборка с полей, крестьяне редко приезжают в город из деревень, находящихся далеко.

Я все-таки нашел одного старика из соседней деревни, который знает моих родителей.

— А-а, знаю, знаю Ивана. Ты будешь его сын из Америки? Твой бацько недавно говориу мне, што ты еще в прошлом году обещау приехать. А скажи, сынок, знаешь ты моего сына и, як ен там живе?

— А кто будет ваш сын, бацька?

— Да Андрей из деревни Х.

— Конечно, знаю. Он — мой приятель и мы долго жили вместе. Он собирается приехать в этом месяце, — говорю старику.

У старика от радости слезы покатились из глаз, губы и руки начали дрожать. Он две-три минуты старался сказать что-то, да не мог.

— Як я рад, што увижу ево хоть перед смертью, — наконец, промолвил старик. — Добрый он у меня, не забывау, як другие своего бацьки и много раз присылау долляры мне. Скажите правду, чы скоро он приеде?

— Скоро, скоро приедт. И много подарков привезет вам, отец. Ждите.

Старик, продававший вишни и зеленые ранние яблоки, был потрясен неожиданной новостью и принялся угощать меня вишнями. Около часа мы едем по неровному шоссе. Воз трясет и меня подбрасывает, как мяч. Для непривыкшего такая езда — пытка. Несколько раз я пробовал слезать. Бежать лучше за возом, чем ехать, но старик всегда удерживал меня, говоря, что скоро шоссе оставим и поедем по мягкой дороге.

— Сколько лет вашей лошади?

— Весною ей было 19 годков. Слава Богу, она у меня добрая и крепкая лошадь. Без нее я-бы давно уже пропау. Без лошади в хозяйстве, як без рук человек, ничего не стоит. У нас, у кого лошадь цяперь пропаде, пропащий человек: другой купить нет за что,

—А вам, бацька, сколько лет?

— Я—ровесник твоему бацьку. Он только на два

В русской деревне, на крестьянской телеге.

годка старше меня. Мне 78 годков. Уже пора умирать, но ня хочу; хочу забачить сына; тогда можно помирапь; надоела нам эта совецкая жицьє.

— Вы в колхозе?

— Да где там в колхозе! Старых не принимают. Там треба трудни выробляць. Я застарый уже, и не могу с молодыми сравницца.

— Где лучше живут крестьяне, в колхозе или на частных хозяйствах?

— Адна беда для всех. Думаеце у нас живут цяперь? Не живуць, а гниюць. Забачите сами, як приедете в деревню. Беда у нас цяпрь такая для всех, што и сказать опасно другим.

— В чем эта беда?

— Да хиба вы не знаете, у нас все цяперь государственное, государство забирае у нас все зерно, заработков, як были бывало, нима нияких, купить все дорого, продать нима ничего — вот и беда. Только пару годков пожили, як люди. Были у нас меньшие налоги 6 годков назад. А потом як начались калхозы—жить стало трудно.

Старик подробно рассказал мне, как у него забрали лошадь и воз за невыполнение налога и на второй день вернули обратно, благодаря тому, что он имеет больше 70 лет. К тому-же у него четверо небольших детей от второй жены. Я внимательно слушал его, зная, что он расскажет мне подлинную правду о горемычной жизни.

По шоссе промчалось несколько грузовых машин, наполненных военными и комсомольцами в возрасте 18-20 лет. Все они оглядывались на меня, чисто побритого, подстриженного по-американски и одетого

в хороший выглаженный костюм. Они были веселы и жизнерадостны. Старик продолжает рассказывать мне о своей жизни и жизни моего отца и других.

Мы уже давно свернули на проселочную дорогу. Здесь воз не так трясет и мысль свободнее работает. Минуем несколько крестьянских телег и прохожих. Лошади у всех худые, усталые, замученные. Не лучше выглядят и сами крестьяне и крестьянки. У всех одно горе: и лошади, и крестьяне, и крестьянки плохо питаются, а много трудятся, оттого и выглядят замученными. Смотрю на часы: мы едем ровно три часа. Мне же показалось, что мы едем не больше часу. За это время пришлось проехать через несколько деревень. Черз 21 год взглянул я на деревенские грязные улицы, постаревшие деревни, стоящие спокойно, как старушки, на бедные и гнилые заборы и ворота из простых жердей и прутьев вместо старых кольев и высоких ворот из досок, на бледных, тощих и босых детей, играющих в пустых крестьянских дворах.

Как тяжело становится на душе, глядя на всю эту крестьянскую обнищалость и бедность!.. Много раз я в юности проезжал через эти деревни. Теперь я не узнаю их и они стали для меня чуждыми, как и я для них. Узкая, но длинная гребля (дорога). Стоят два воза с дровами в грязи по самые оси. Два крестьянина с большими бородами, в возрасте 70 лет, сидят и беседуют. Худые и старые лошади пасутся во рвах. Они из колхоза Х. и везут в город государственные дрова. Из разговора узнаю, что они из соседней деревни. Я рассказываю им кто я, откуда и куда еду. Называю тех русских американцев, ко-

торых они знают. Этим я расположил их к себе Они сначала косо смотрели на меня, затем начали говорить «по душам». Старик, который вез меня, подтвердил, что я—не «хамунист», а свой человек. На вопрос — как они и другие живут — отвечают:

— Не живем, а мучаемся. И не знаем, как долго придется еще мучиться.

— Передают, что к концу второй пятилетки будет жить лучше, — говорю я им.

— Неправда. Нам это говорили в первой пятилетке. Цяперь этому никто не верит. Обманывают нас.

Мой старик торопил меня, и я не мог надолго останавливаться. Уходя сказал им, что не нужно падать духом.

— А скажите нам правду, — задают вопрос мне, — придут к нам иностранные державы и спасут они нас от гибели? Сами бачите, што мы погибаем. Неуш-то никто нам не поможет?

Я был огорошен таким вопросом и ничего не мог сказать.

Чем ближе под'езжаем к знакомым местам, тем больше попадается хуторов, разбросанных вокруг дороги. Старик указывает мне, что здесь было имение помещика, к которому я ходил на заработки. Там — имение другого помещика. Теперь находятся небольшие поселки в 7—12 дворов, возникшие в 1926-7 г.г., когда большевики насаждали среди крестьян столыпинские реформы, раздробляя деревни на поселки. Вместо одной появлялось несколько новых деревушек как на бывшей помещичьей, так и на крестьянской земле. Часть из них теперь входит в состав колхозов, а остальная земля в руках частников.

— А вот там ваш бывший помещик М., — узнаешь его имение теперь? — спрашивает меня старик.

— Нет—не узнаю.

Старик напоминает мне о моем работодателе, и в моей памяти оживают картины далекого прошлого. Это был ближайший к моей деревне помещик, арендовавший у князя Радзивилла 160 десятин земли, у которого я работал последние два года перед от'ездом в Америку. Летом получал 35 коп., осенью—30 коп. и зимой — 20 коп. в день. Он нанимал 9 постоянных батраков и пользовался поденными рабочими, когда они требовались.

Помещика давно уже нет, на его земле два колхоза.

— Избавились от одного чорта, — говорит старик, — и нажили себе другого пана — государство.

Солнце было на закате, когда мы приехали на усталой лошади в родную деревню. При в'езде бросаю взгляд вокруг и вижу большие зеленеющие луга с небольшими стогами сена и огромное ровное поле с небольшими кучами снопов ржи. Несколько женщин серпами жнут густой и спелый овес и складывают в кучи, покрывая одним снопом каждую кучу.

Не узнаю я ни этого длинного зеленого луга, ни полей с жнецами, ни деревни, хорошо мне известной прежде. Дворы поредели, хаты измельчали, заборы и ворота у дворов исзчезли, вязы и яблони завяли, колодцы высохли, не поют петухи и не слышно лая собак. Даже не видно играющих детишек. Мертвая тишина. На душе стало тяжело и грустно.

Неужели это та деревня, которая меня вырастила и в юности отправила в далекую Америку на заработки? Неужели это ты так постарела и одряхлела за 20 лет моего отсутствия, что я не узнал тебя?

ВСТРЕЧА С ОТЦОМ И МАТЕРЬЮ ЧЕРЕЗ 20 ЛЕТ

Мои родные ничего не знали о моей поездке в СССР. Я посылал отцу деньги из Америки, но переписывался с ними нерегулярно. До отца однажды дошли слухи о моей смерти, и он отслужил в церкви панихиду по мне.

Еще по дороге в деревню, от крестьян я узнал, что моя больная мать живет у дочери, в трех километрах от деревни, где я родился и куда еду. Я попросил крестьян осторожно сообщить ей о моем приезде из Америки.

— Тпррр-у... Стой! Приехали, слава Богу, — говорит старик, останавливая лошадь.

Я необычайно взволнован. Бросает в жар и холод. Хочется громко заплакать, так громко, чтобы все услыхали. И только сознание того, что все это бесполезно и не нужно удерживает меня от слез и рыданий.

— Добрый вечер, чи ты не бачишь, Иван, я привез тебе твоего сына с Америки. Благословляй, да ступай за бутылкой водки, выпьем за его здоровье, а он колбасы привез на закуску, закусим, — говорит старик, обращаясь к стоявшей группе крестьян во дворе, в которой был и мой отец.

Я слез с воза и иду во двор. Стоящие крестьяне отступили назад от босого, низкого, с большой

бородой и большими белыми глазами старика, в упор смотревшего на меня.

— Здравствуй, папаша, не узнаю тебя, но догадываюсь, что ты — мой отец, которого я долго не видел.

Отец крепко обнял меня, впился своей большой и мягкой, как лен, седой бородой в мое лицо и долго не отпускал меня. От радости и волнения он силится что-то сказать, но не может. Собравшись с духом, говорит:

— Чи это ты, сынок, як же ты это так несподевано (неожиданно) приехал?

Я держу его руку, смотрю в лицо и вижу, что у него слезы градом катятся, губы и руки дрожат от внезапной радости и волнения. Тяжело мне было смотреть на дрожащего и плачущего, как ребенок, своего 80-летнего отца, который давно потерял всякую надежду увидеть меня. Стоявших с отцом односельчан я не узнал тоже. Раз не узнал своей деревни и родного отца, то как же можно узнать тех, кто живет в этой убогой и запустевшей деревне?

Я—в родной хате, в которой родился и вырос. В ней меня зимою обучали грамоте и письму. За это я ей многим обязан. Здесь я получил первый толчок к свету и знанию. Как бедного отца, я не узнал родной избы. Она, как старушка, одряхлела, осунулась, приняла жалкий и убогий вид. Встретила меня холодно и негостеприимно: повидимому, не узнала и меня. Вместо прежних четырех окон осталось три — ослепла ты, бедная старушка. Обстановка почти прежняя: кровать с толстым соломенным матрацом и двумя большими подушками, покрытая оде-

ялом домашнего изделия; почерневший шкаф, по сторонам — лавки для сидения из толстых досок, почерневшая в углу икона, прадедовская глиняная печь, несколько закоптелых горшков, а у порога—кочерга, несколько ухватов.

Глядя на эту родную старину, думаю: ни Великая революция, ни пятилетки не могли уничтожить тебя, прадедовская печь, и принести деревне что-либо лучшее. Не успел сесть за стол и почувствовать себя «как дома», в избу входит чисто одетый и побритый господин, лет 25, и прямо идет ко мне. Его приход заставил всех замолчать. Мне показалось это странным. Это был старшина сельсовета. Кто-то ему сказал, что сюда приехал какой-то иностранец. Он явился в легкой коляске на лучшей колхозной лошади.

— Ваши документы, гражданин? — сказал он, подойдя ко мне и подозрительно глядя мне в глаза.

—— Какие документы вам, товарищ, нужны и кто вы такой?

— Я—старшина, в мою обязанность входит проверять документы всех приезжих.

После американских порядков, мне показалось странным, что в социалистической республике так скоро требуют того, чего в Америке никто не спрашивал у меня за все время моего пребывания. Посмотрев американский паспорт, он приказал мне на другой день заехать в милицию в городе и зарегистрировать себя. После этого я должен был явиться к нему и зарегистрироваться. Все это потребовало ровно два дня на поездки и ожидания.

Был вечер. В избу продолжали приходить братья, сестры и односельчане. Все поздравляли меня с

приездом, но я никого не узнавал. Пришлось, как в какой-нибудь чужой стране, знакомиться со всеми и с трудом вспоминать тех или других. Здесь было много комичного и смешного. Стол уже был покрыт белой скатертью. Стояла поллитровая бутылка советской «рыковки», на тарелке жареное сало с яйцами, огурцы, мед, молоко и черный, как грязь, хлеб. Я за столом, на почетном месте, в углу.

— Жаль, что нет матери с нами, — говорю я. Вместе провели бы время дружнее и веселее.

В это время кто-то из детей вбегает со двора и говорит, что бабушка приехала. Это была моя родная мать. Старушка, согбенная, кряхтя и задыхаясь, входит в избу и медленно идет ко мне. У меня на несколько секунд захватило дыхание.

— Добрый вечер, сынок! Як же это ты несподевано (неожиданно) приехал к нам...

И она обвила меня своими старческими руками. Перед тем, как выпить горькой рыковки по случаю редкой и неожиданной встречи, я хотел сказать несколько слов о нашей долгой разлуке, о нашей встрече и чувствах. Но сердце усиленно билось, и язык не поворачивался от радости.

Сидевшая рядом со мной мать плакала от радости и, точно не веря собственным глазам, несколько раз спрашивала: «Чы это ты, сынок, чы не?» Время от времени всхлипывали отец и остальные мои родные и знакомые. Только трое малышей, сосавших подаренные им конфеты, недоуменно взирали на плакавших и не могли взять в толк из-за чего люди волнуются. Мать рассказывала мне, как она каждый день, каждую ночь, из года в год, вспоминала меня, молилась и просила Бога, чтобы хоть раз перед сво-

ей смертью увидеть меня. Она неотступно приглашала меня закусить и выпить.

— Я водки совсем не пью не потому, что больной и не могу пить, а потому, что считаю ее отравой для организма и здоровья.

— Може ваша горелка инакшая, выпьем нашей еще по одной чарке.

— Ваша водка горькая, как и сама жизнь.

— Нам, сынок так казать не можно. А тебе, приехавшему, не знаем. Будь осторожен: у нас теперь такое время....

— Скажи, сынок, як ты живешь в чужой стране? Чи маешь хлеб и к хлебу?

— Живу, горя и беды не знаю. Тружусь и зарабатываю себе хлеб. В Америке кто работает, тот горя и беды не знает.

— А у нас кажуць, сынок, вельма (очень) плохо цяперь в Америце, — говорит мать.

— Плохо тем, кто давно не работает. Но и те хлеба имеют вдоволь и не голодают.

— А у нас, сынок, все робяць и не все имеют свой хлеб. Трудно стало жиць на свете.

— Что-же они делают со своим хлебом, который выращивают?

— Да забирают весь наш хлеб эти хамунисты.

— Но вы, отец, в колхозе, а в колхозах, читаем мы в ваших газетах, живется лучше, чем на единоличных хозяйствах.

— Для меня все-равно, где жиць, я стар, не гожусь к труду. Тольки мне жалко вот наших молодых: яны робяць и ничего не маюць.

— Теперь у вас вторая пятилетка скоро будет закончена и тогда станет легче жить всем.

— Дай Бог, штоб ето было, — говорит мать.

А отец, махнув рукой, возражает:

— Не верь, не жди, наши все верили и перестали уже верить, обманывают нас. Скажи, сынок, чы ты на время приехав, чы останешься навсегда с нами? — спрашивает мать.

— Я буду с вами всегда, мама, только вы перестаньте плакать и волноваться

6. РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ

НЕМНОЖКО ИСТОРИИ

Русское крестьянство долго кочевало по Руси небольшими группами, пока не стало оседлым. Только в первой половине XVI столетия оно получило право селиться деревнями в 10—16 дворов.

В 1649 году крестьянина прикрепили к земле с его «племенем вместе». За самовольное оставление земли грозила тюрьма, кандалы, колодки, кнут, розги и даже пытки. В 18-м и 19-м веке стали ссылать в Сибирь. Крестьяне оказывали сопротивление своим угнетателям - помещикам. С 1835 по 1854 г.г. крепостными было убито 144 помещика. Позже убийства помещиков участились. Мой дедушка, умерший 20 лет назад на 98 году жизни, рассказывал мне, как он и другие крестьяне работали 4 дня в неделю на помещика и 3 дня на себя. В воскресные дни не работали. На себя работали на отведенной помещиком земле. Крестьян освободили от крепостной зависимости 19-го февраля 1861 года, наделив их неболь-

шими участками земли. Прирост населения приводил к измельчанию и дроблению наделов. Жить становилось все труднее. Подрабатывали поденно у помещиков, в лесах, извозом. Лучшие земли принадлежали помещикам и князьям. Обрабатывались они батраками и поденщиками - крестьянами. В деревне становилось тесно. Нужда в земле увеличивалась. Великая мартовская революция 1917 года изменила деревенскую жизнь до неузнаваемости. Старое рушилось, начали строить новое.

СОВЕТСКАЯ ДЕРЕВНЯ

Русская деревня долго жила, крепла и процветала. Каждый из царей старался ввести те или другие реформы в русской деревне. А Столыпин, министр внутренних дел при Николае Последнем, предлагал даже разбить деревню на хутора и поселки и уничтожить чрезполосицу. Привычка крестьян жить вместе и малоземелье не позволяли крестьянам оставлять насиженные места в деревне. Только незначительное количество крестьян пошли на хутора и в поселки. Прадедовская-же деревня продолжала жить старой жизнью. Пришли большевики, назвавшиеся социалистами, и насильно разрушили деревню. Это было в 1925—7 годах. По приказу из Москвы, власти на местах разными мерами, угрозами и карами заставили крестьян пойти на небольшие хутора и в поселки. Крестьяне предчувствовали и знали на горьком опыте, что большевицкая власть — не такая хорошая власть, как об этом писали и говорили сами большевики.

Соблазн получения помещичьей земли теми, кто

пойдет в поселки и угрозы карами заставили крестьян подчиниться. Деревне впервые в истории был нанесен большой удар в спину.

Помещичью и крестьянскую землю смешали. Лучшую землю с уцелевшими помещичьими постройками и инвентарем советская власть забрала под совхозы. Поставив чиновников во главе совхозов, она начала набирать батраков и обрабатывать землю. Худшую землю раздали крестьянам. У кого было больше детей, дали больше земли, у кого меньше — меньше. Доли умерших членов забирали и давали другим. Земля считалась собственностью только до смерти. Она не могла продаваться и передаваться по наследству. Налог взимался не натурой, а деньгами. Крестьяне, получившие наделы, начали жить лучше и расширять свои хозяйства, разрушенные войной и гражданской междоусобицей, быстро приспособливаясь к новым условиям жизни.

Так продолжалось около трех лет. Крестьяне считают, что это было самое лучшее время в их жизни. Лучшее потому, что они получили долгожданные наделы и в нескольких кусках вместо узких полос на тесной прадедовской земле. В деревне, где, например, было до 90 дворов, оставлено менее одной трети. Остальные перенесены в поселки, образованные вокруг деревни, по 10—12 дворов в каждом, с широкими улицами и огородами, занимающими площадь в три четверти десятины. Тем, которые по жребию оставались на месте, в старой деревне, давали столько же земли под усадьбу и огород, сколько и в поселках.

Деревня оставалась на месте, но ее дворы поре-

дели, сады уничтожены. Крестьянин, ушедший в поселок, вместе со своими постройками забирал все, что было на его усадьбе. И деревня пустела, разрушалась и приняла жалкий вид, стала похожа на столетнюю старуху с костылем. Улицы в деревне остались попрежнему на месте, но деревья и сады, придававшие деревне живописный вид, исчезли. Только у немногих осталось по нескольку плодовых деревьев подальше от улицы и построек. Заборы совершенно уничтожены. Их место заняли мелкие прутья и жерди, какими отгораживали прежде крестьяне поля от пастбищ. Многие избы построены не лицом к улице, а спиной. На коллективизацию крестьяне ответили уничтожением скота и построек. Избы оказались оторванными и выглядят, как собаки без хвостов. Колодцы запущены, вода в них грязная, у всех руки опустились и никто не хочет не только чистить их, но и жить голодной советской жизнью.

Не слышно теперь больше в деревне гармошки, не танцует больше молодежь, не собираются вокруг старшие, не слышно под избой чириканья птиц, не летают теперь по улице ласточки, не мяукают коты, не лают больше собаки, не поют ранним утром петухи, не бегут с пастбищ вечером свиньи, не гонят пастушки овец, больших табунов молодых лошадей и рогатого скота. Все это отошло в область воспоминаний, и вся прежняя жизнь в деревне как бы умерла. Теперь деревня выглядит, как тень прошлого. Даже болотные лягушки перестали вечером квакать — подохли, не выдержав советского режима.

В разрушении старой русской деревни большевики достигли «успехов» на сто процентов. С тех пор,

как всемогущий большевицкий диктатор Сталин приказал в 1929 году коллективизировать крестьян, на деревню нагрянуло самое кошмарное время в истории крестьянства. До коллективизации большевики смотрели на крестьянина, как на мелкого буржуа, который не поддается пролетаризации. И советская власть делила крестьян на бедняков, середняков и зажиточных. Она несколько лет натравляла одних против других. Это делалось с той целью, чтобы поссорить крестьян и скорее пролетаризировать их.

Когда-же советская власть начала насильно загонять крестьян в колхозы, тогда разделила их на «колхозников» и «кулаков». Кто не соглашался вступать в колхоз, тот — «кулак» и рано или поздно подлежал раскулачиванию. Кто покорно шел в колхозы, тот считался «сознательным» крестьянином.

СОВХОЗЫ

Совхозы — советские земельные хозяйства. Они возникли скоро после захвата большевиками власти в России. Большевики думали, что совхозы станут показательными хзяйствами для крестьян. Совхозы появились на лучших помещичьих землях. Помещичьи имения со всем живым и мертвым инвентарем взяты под совхозы. Даже часть оставшихся помещичьих батраков перешла по наследству совхозам. В первые годы крестьянин мог легко убедиться, что совхоз — то-же самое помещичье хозяйство, которое было при царизме—даже хуже. В теории батрак в совхозе должен работать не 12—16 часов в сутки, как у помещика, а 8 часов в день и получать боль-

ше за свой труд. На деле же оказалось: советский батрак работает летом по 12 часов и больше в день и не получает того, что получал прежде батрак от помещика.

Поставленный в совхозе заведующий, как советский директор на фабрике, дает приказы и наказы своим подчиненным, и советский батрак ничего от этого не выигрывает. Помещичьего управляющего заменил комиссар от государства; государство стало хозяином земли и инвентаря.

Палка о двух концах и неважно, каким концом вас бьют: болит одинаково. Прежнего хозяина заменил новый хозяин. Батрак остался попрежнему батраком. И те, которые оказались сов. батраками, на деле убедились, что советская власть может обещать много, но ничего не дает. Единоличники - крестьяне зорко наблюдали за переменами и убедились в обмане. Об этом мне лично передавали крестьяне.

Судя по советским данным, в 1933 году насчитывалось по всему СССР 10,203 совхоза. Все совхозы в 1933 году занимали площадь в 14,107,000 га. Имеются разные совхозы: зерносовхозы, мясосовхозы, маслосовхозы, молокосовхозы, свиносовхозы, овцесовхозы, племсовхозы, свеклосовхозы, коносовхозы и др.

В их распоряжении находилось 63,958 тракторов, 3,762,000 голов крупного рогатого скота, 2,559,000 свиней и 7,725,000 овец и коз. В совхозах в среднем работает 2,045,600 батраков. В летнее время попрежнему нанимаются крестьяне на сезонные работы за плату 5—6 рублей в день, за которые можно купить 4—5 фунтов хлеба. Крестьяне ненавидят

совхозы, забравшие лучшие помещичьи земли со всем инвентарем.

Совхозы — зерновые фабрики, это главная цель большевицкой земельной политики. Долго большевики -марксисты ломали головы над земельной программой. Как-же большевики разрешили земельный вопрос? Советский рабочий получает жалованье деньгами, как в капиталистических государствах. Советский батрак, работающий в совхозе, получает тоже жалованье от государства раз в месяц деньгами и натурой. У рабочего и совхозника нет никаких прав, а одни обязанности: в интересах государства они должны больше производить, повышать продукцию ежегодно и довольствоваться голодным пайком. В совхозах, как и на фабрике, процветают сдельщина и соревнование. Выжимают все больше соков из рабочих. В совхозе пользуются усовершенствованными машинами. Машинная обработка повышает урожайность земли. Так говорят большевики. Но раз земля начала давать больше дохода, то и совхозник должен был-бы получать за свой труд больше, работать меньше и легче.

Совхозник производит хлеб государству, а сам не имеет вдоволь его. Совхозник — это стопроцентный раб нового хозяина - государства.

Как-то случайно я шел из деревни в город. Два крестьянина на двух возах везли молоко в город. Один пожилой — большой, с поседевшей бородой, широкоплечий, с морщинами на лице, пригласил меня сесть на воз. Он был старый русский батрак, а теперь — совхозник. Американский крестьянин начинает беседу с погоды и урожая. Советский кресть-

янин — с Москвы и заграницы. Его интересует, как живут в Москве и заграницей. Он чувствует, что другие живут лучше.

Убедившись, что я не «хамунист», колхозник со мной вступил в откровенный разговор.

— Вам сколько лет, дядя? — спрашиваю я.

— 57 годков будет на Испассе.

— Давно в совхозе?

Совхозник немного подумал и сказал:

— 28 годков.

— Совхозов-же не было до революции.

Он осторожно повернул голову вокруг и когда убедился, что никого вблизи нет, сказал:

— Совхозов тогда не было, были помещики, я служил у помещика, а теперь служу в совхозе.

— Где лучше жить: в совхозе, или у помещика?

— А што вы не бачите сами як мы живем цяперь? — со вздохом отвечает совхозник.

— Я уехал молодым, немного жизнь помещичью знал, но жизни советской не знаю — недавно приехал.

— А газеты вы наши читаете?

— Читаю и они пишут, что ваша жизнь улучшилась, обновилась, работаете меньше, получаете больше.

— Все это байки, неправда.

И он мне рассказал, что в совхозе он и другие работают меньше часов, чем работали у помещика, но работа теперь более строгая и ответственная. За неявку на работу—штраф, за болезнь лошади—привлекают к суду, за падеж лошади — ставят к стенке и т. д.

— Хлеба вы имеете вдоволь?

— Получаем грашими и натурой, а на сапоги и одежду нима где взять грошей. Хлеба хватило-бы. Я работаю, жена робить, дочка помогает летом.

— Разве вам не дают одежды и обуви?

— Не дают. Только получаем зерно и пустые рубли.

— Тогда вы можете продать часть зерна и купить одежду и обувь?

— Так мы и робим. Продаем свой хлеб на сапоги и одежду, а сами недоедаем.

Совхозник был одет в простую домотканную белую рубашку и такие же белые штаны. На ногах дырявые сапоги.

— Раз вы носите сапоги в будние дни, а не лапти, как прежде, это показывает, что жизнь ваша улучшилась, — говорю я.

— В поле робим босыми, в город стыдновато ехать босиком, вынуждены брать сапоги. Лапти перестали носить — нет с чего плести. Лыка в городе не продают, лоза перестала расти. Недоедаем, а купляем сапоги.

Он мне рассказал, что прежде, батрачествуя у помещика, получал 30 рублей в год деньгами, много зерна, имел свою корову и молоко, выкармливал пару свиней, имел вдоволь сала и мяса, держал две овцы, да к тому еще жена летом подрабатывала и хоть не были богаты, но сыты. Теперь коровы и свиней нет, все приходится покупать. Деньги обесценены, зерна получают мало, хотя и работают все в совхозе. Купить — все дорого, продать—нет чего. Прежде сапоги стоили 7 рублей, и батрак мог купить до-

статочно обуви для себя, жены и детей на весь год и еще хватало на праздничную одежду. Теперь сапоги стоят в кооперативе 35 рублей, на частном рынке — 200 рублей. Кооперации нужно продать 35 пудов зерна, чтобы купить пару сапог.

— Теперь у вас строится пятилетка, она еще не закончена, а потом всего будет довольно. — говорю я.

Нам уже казали так, як строили первую пятилетку, цяперь кажуць гето самоя. Просто байки сказываюць. — А чы правда гето чи не,—у нас кажуць уже пишуць третью пятилетку?

— Да, слыхал, что в Москве готовят еще одну пятилетку.

— А кали будзе канец гетым пяцилеткам?

— Когда провалятся сквозь землю большевики.

КОЛХОЗЫ И КРЕСТЬЯНЕ

До революции в России были крестьяне, помещики и батраки. Крестьяне владели небольшими земельными наделами, жили в больших деревнях, похожих на кучи муравьев. Пришла революция, помещиков прогнала, остались земля и крестьяне.

Еще до революции в некоторых центральных губерниях и в Сибири были организованы добровольные земельные товарищества и земельные артели, обрабатывавшие землю вместе и делившие общественный доход поровну между членами, участвовавшими в работе. Были даже нередки случаи, когда старые русские деревни договаривались на своих сходах и обрабатывали сообща землю всей деревней. А

сибирские маслобойные артели и товарищества имели тысячи членов - пайщиков, работали в них сами, делали годовой миллионный оборот. Последние даже имели своих торговых представителей за-границей.

Россия до революции 1917 года была преимущественно крестьянской страной. Крестьяне составляли 90% населения. Русская революция 1917 года положила конец помещичьему землевладению. И по всей стране в первые годы революции возникали свободные организации — артели, коммуны, ассоциации, товарищества, которые брали землю у земельных комитетов на местах и коллективно обрабатывали ее. Часть своего труда эти земельные артели и коммуны вносили государству в виде налога; всем же остальным хозяйством, в том числе и распределением труда, распоряжались по своему собственному усмотрению. Даже в Америке было организовано до 30 артелей и коммун из русских выходцев, которые добровольно вносили деньги в общую кассу, покупали новейшие сельско - хозяйственные машины и везли их с собой в Сов. Россию. Автор этих строк был членом одной артели в 1921 году, в которой насчитывалось 65 членов, располагавших капиталом в 24,000 долларов. Часть артели, с которой я собирался уехать, поселилась недалеко от Харькова на помещичьей земле, а другая часть, по семейным и другим обстоятельствам, осталась в Америке.

После окончания гражданской войны в 1922 г., большевики начали вмешиваться в коллективную и коммунальную жизнь рабочих и крестьян. Партийный контроль убил самодеятельность организаций.

Появились сталинские колхозы под руководством бригадиров, ответственных перед районной властью. В счет налога с колхозов государство стало взимать до 80% всего, что производится в колхозах. Колхозы — это полусовхозные хозяйства. Сталинские колхозы — это ленинский НЭП. Через колхозы большевики идут к совхозам. Колхозы — мостик, по которому правящая партия большевиков решила вести крестьян в совхозы, — зерновые, государственные фабрики.

Судя по советской статистике, около 80% крестьян коллективизировано. Судя по отчетам Седьмого Всесоюзного С'езда, к 1938 году будет коллективизировано все сельское хозяйство. Этого требует программа Сталина. Крестьяне уже не добровольно. а насильно загоняются в колхозы. В 1927 г. насчитывалось 194,700 колхозов. В 1932 году— 14,918.700. С каждым годом их становится все больше. Средний размер колхоза в 1928 году: 12 дворов, 60 душ, площадь земли — 41,7 га. В 1933 году: 68 дворов с площадью земли в 418 га.

По отдельным республикам, входящим в состав СССР, площадь колхозов, число колхозников и дворов не одинаковы. В 1928 году в Украинской ССР хозяйств в колхозе насчитывалось 13, колхозников— 59 и посевная площадь — 32 га. **В1933 году, в** среднем, в колхозе: хозяйств — 133, колхозников— 413 и площадь — 785 га.

В Белоруской ССР в 1928 году числилось в колхозе 9 дворов, колхозников — 42 и площадь земли — 42 га. В 1932 году хозяйств — **40, колхозников** — 132 и площадь земли — 198 га.

В 1933 году из 165,748,400 душ населения

СССР насчитывалось городского населения 39,739,-200 душ и 126,009,200 душ крестьян. Колхозы как и совхозы, под давлением сов. власти, обязаны ежегодно увеличивать количество тракторов для того, чтобы повысить продукцию в колхозах. Всех тракторов в колхозах в 1934 году насчитывалось 204,-100, а в 1935 году их количество еще больше увеличится.

Колхозы в настоящее время владеют 9,800,000 голов рогатого скота, 3,700,000 свиней и 14,100,000 овец. Совправительство смотрит на колхозников и единоличников - крестьян, как на государственную собственность. Там, где «интересы» государства требуют, чтобы все крестьяне были в колхозах или в совхозах, соввласть не церемонится с ними и загоняет их туда если не пряником, то кнутом.

«В Ивнявском районе, Курской области, — пишет «Правда» от 10 апреля 1935 года, — еще с 1930 года был колхоз имени Ленина, в котором находилось 31 хозяйство. В январе месяце 1934 года приехал в колхоз директор верхопенской машиннотракторной станции и заявил, что земля колхоза должна быть передана свеклосовхозу имени Тельмана, а колхозникам предоставлено право перейти на работу в совхоз. Никакого общего собрания предварительно собрано не было для утверждения ликвидации артели».

Соввласть произвольно распоряжается колхозниками, как и частниками - крестьянами. Крестьяне знали, что их хотят превратить в простых государственных батраков, и отказывались итти в колхозы. Крестьянин даже пробовал вести пассивную борьбу с государством. Борьба была не легкая. Она про-

должается и по сей день. Много жизней потеряно в угоду большевицким выдумкам. Угрозы и запугивания не помогали. Крестьяне предпочитали оставаться на своей надельной земле в поселках. Власти-же на местах, выполняя приказ жестокого грузина - Сталина, загоняли их в колхозы. Некоторых ссылали в Архангельск и Сибирь. В декрете было сказано: ссылать «злостных кулаков».

Из каждой деревни брали по нескольку молодых и здоровых крестьян. Брали и постарше — до 60-летнего возраста. Старше-же 60 лет крестьян не ссылали, а голых и босых вывозили в поле, а их хозяйства забирали. Советская власть не церемонилась: огнем и мечом заставляла крестьян итти в колхозы. В ужасных и кошмарных условиях крестьяне жили в первые годы коллективизации и продолжают жить по сей день. Их брали и продолжают брать глубокой ночью, отрывая кормильца от семьи, брошенной на произвол судьбы. Берут и ссылают, чтобы показать, что соввласть сильна и безпощадна.

Все отдаленные от центра России места оказались заполненными «кулаками», просто трудовыми крестьянами. Несмотря на террор и жестокие меры наказания за невступление в колхозы, крестьяне пассивно и с большими риском противятся коллективизации. В Копыльском и Слуцком районах в Белорусии я узнал, что в колхозах пока находится 40% крестьян. 60% все еще живут и работают на частных хозяйствах. Приходится только удивляться той мужественности и стойкости крестьян в борьбе за свои независимые интересы. Борьба эта не легкая. Она стоила крестьянству много жизней и сопровож-

далась разорением огромного количества крестьянских хозяйств. Борьба пока не закончена. «Частники» напрягают все усилия, чтобы не попасть в колхоз.

— Лучше пусть нас заберут и вышлют, но в колхозы не пойдем, — говорили мне многие крестьяне, когда узнали, что я — противник всякого насилия и гнета над человеком.

Хозяйство частника состоит из небольшого надела земли, слабенькой старой лошадки, одной коровы, одной овцы, одной свиньи и одной или двух кур без петуха. Ему оставлены также изба и сени при избе, часть хлева и гумно для хранения сена и снопов. У многих крестьян остались только небольшие избы без построек для хранения сена и снопов. Один хлев и одно гумно обслуживают нескольких крестьян.

Из 11 деревень, обследованных мною, я нашел, что 17 крестьянских дворов из ста не имеют собственных лошадей. Чем же они обрабатывают землю? Для обработки небольшой площади земли безлошадники вынуждены нанимать у тех, которые имеют лошадей. Имеющие лошадей никогда не отказывают: знают, что у них может подохнуть старая и еле ноги волочащая лошадь и они должны будут просить у тех, которым посчастливится обзавестись лошадью. Эта взаимная помощь всегда была у крестьян сильно развита и теперь нужда еще больше укрепила ее.

Купить лошадь советскому крестьянину-частнику не у кого и не за что. Советский крестьянин гол, как сокол. Он — самый жалкий и беззащитный в Сов. Союзе. Один вид крестьянина, его жены, детей

и хозяйства вызывает ужас и содрогание, и от всего этого хочется поскорее удирать, чтобы не видеть душу раздирающей нищеты и нужды, которыми наградила деревню большевицкая власть. Еще хуже не иметь в хозяйстве коровы. Корова дает молоко и им питается крестьянин и его семья. Нет коровы, нет молока, нет необходимых жиров для питания. Молоко, картофель и хлеб с примесью свиного сала — главная пища крестьянина. Не имеется у крестьянина коровы, он с семьей вынужден жить впроголодь: молока у других нельзя одолжить, как лошадь для обработки земли. Корова дает нужный для удобрения навоз. Без навоза земля в Белорусии не родит. Только земля на Украине и в некоторых других южных губерниях не нуждается в навозе.

Земля частника находится рядом с колхозной. И колхозники и частники продолжают жить в тех местах и собственных избах, где они жили до коллективизации, — в новых поселках и в старых деревнях. Но если избы и небольшие площади земли при избах остались прежние, то это еще не значит, что земля у частника осталась та, которую он получил при переселении в поселок. Количество земли крестьянин имеет то же самое, что и прежде. Но она ежегодно меняется. Меняется и сенокос. Только пастбище остается постоянно одно и то же.

Я целую ночь провел в беседе с одним интеллигентным и беспартийным землемером в Копыльском районе. Он мне об'яснил почему они измеряют землю и меняют участки частника ежегодно:

— Мы хорошо знаем из практики, что измерять землю и давать частнику ежегодно в новом месте— бессмыслица. Мы хорошо знаем, что это переливание из

пустого в порожнее не приносит пользы. Но мы не имеем права сказать этого. Нам приказывают, мы делаем. У нас теперь существуют такие порядки, при которых один приказывает, а другие обязаны выполнять приказы.

— Но ведь вы — интеллигенты и на вас лежит моральная ответственность.

— С нами ,как с крестьянами, не церемонятся. Нас скорее берут и сурово наказывают, если мы не подчиняемся. Свободная инициатива и демократические права, существующие в других странах, у нас считаются буржуазными предразсудками.

Частник имеет от двух до трех десятин земли, находящейся в нескольких кусках.

НЕ ХВАТАЕТ ХЛЕБА ДО НОВОГО УРОЖАЯ

Тяжелые времена настали для крестьянина. Он пашет, сеет, собирает с поля и кормит многих советских комиссаров, сидящих в разных учреждениях. Его хлеб за безценок посылают в Англию, Италию, Францию и Германию, а сам он должен голодать, чтобы другие наслаждались жизнью. И не потому он вынужден голодать, что его земля перестала родить. Урожай, по рассказам самих крестьян, в Белоруссии был хороший в прошлом году. Только на Украине несколько уездов пострадало от засухи. Народ там повально умирал с голоду и разбегался.

У большинства крестьян, которых я посетил, не было на столе настоящего ржаного хлеба и вдоволь картофеля. Это было в первой половине августа ме-

сяца, когда рожь свозили с полей. Черный, как сажа, и безвкусный, как трава, хлеб, смешанный с черным куколем и горохом. Последний не отделяется от ржи потому, чтобы было больше хлеба. Только продналоговую часть зерна очищают: неочищенное зерно не принимают.

По 2—3 месяца до урожая многие крестьяне и этой смеси не имеют. И тут взаимная поддержка крестьян спасает их от голодной смерти. Сами не имеют вдоволь хлеба, но дают другим. Дают и не спрашивают — вернет ли одолживающий или нет.

Советская власть создала для крестьянства такие условия жизни, что плохо тем, которые не имеют хлеба, и не лучше и тем, которые имеют по нескольку пудов перед новым урожаем.

В любой день крестьянин, имеющий немного хлеба, ждет непрошенных гостей. Гости эти — реквизиционные комиссары советской власти. Они внезапно появляются во дворе крестьянина и делают обыск. Если находят несколько пудов хлеба перед новым урожаем, непременно забирают и в протоколе записывают, что «обнаружен спрятанный хлеб у кулака».

Хлеб, конечно, нигде не был спрятан. Но крестьянину некому пожаловаться на это: реквизиционный летучий отряд состоит из агентов ГПУ, а ГПУ в СССР считается высшей властью.

Чтобы спасти хлеб от захвата чекистами, крестьяне прибегают к разным уверткам. Выполнив налог полностью, крестьянин, у которого осталось немного хлеба до нового урожая, не держит его у себя: он знает, что весной власти заберут его. Он по пуду или два отдает тем, у которых осталось мало

хлеба и на которых падает меньше подозрений, что они «злостные кулаки». И крестьянин не жалеет, если этот хлеб с'ест тот, который нуждается в нем. Но лишь бы не дать власти, взамен от которой никогда не ждет ничего. Такое сбережение хлеба застраховывает крестьянина до некоторой степени от голодной смерти в будущем. К тому же он хорошо знает, что получит хоть часть его в случае острой нужды. Те, которые дают и те, которые берут на хранение хлеб, присягают перед иконой, что они не выдадут один другого.

Прежде крестьянин всегда подрабатывал сам, или с лошадью на стороне. Теперь ничего подобного нет. Советский крестьянин должен кормиться от земли. Только в редких случаях он может подработать на стороне: дробить камни на шоссе и наняться в году несколько раз к тому крестьянину, который по болезни своей, или болезни семьи, вынужден нанимать работника.

Советский закон строго наказывает тех, которые пользуются наемным трудом. Считают таких крестьян «кулаками» и, наложив непосильный налог, разоряют их. И тут крестьянину приходится прибегать к разного рода изобретательности, чтобы не навлечь на себя подозрений.

Для того, чтобы купить соли, гвоздей, фабричной материи для одежды, кожи на сапоги и прочее, крестьянин вынужден продавать часть своего зерна. Крестьянин знает, что он останется без хлеба на 2-3 месяца, но вынужден продавать хлеб и покупать самое необходимое для себя и своей семьи.

Он везет на вольный рынок хлеб, десяток яиц,

сыр, теленка, поросенка, курицу или кусок сала. Все это он продает и покупает в советских лавках самое необходимое. Но часто в лавках нет никаких товаров. Нижнее белье, рабочую одежду и овчинный тулуп крестьянин производит сам попрежнему кустарным порядком. Зимой крестьянки прядут пряжу, ткут на ткацких станках и шьют себе одежду. Керосин имеется почти в каждой избе. Электричества в деревне нет, хотя, по обещанию Ленина, в 1935 г. каждая деревня должна быть электрифицирована. Наступил 1935 год, а крестьянину не видать в деревне электричества, как своих ушей.

Советская власть хвастает тем, что она скоро обгонит Америку по производству железа и стали. Это — на словах. На деле-же в деревне нет простых гвоздей. Советская власть конфисковала все старое железо, которое было у крестьян. И крестьянин теперь не может сделать в кузнице простых гвоздей. Железа нет, не из чего делать подков для лошадей и гвоздей, чтобы прибить их. «Принеси старого железа, я сделаю подковы и гвозди» — говорит обыкновенно захудалый деревенский кузнец - еврей крестьянину.

На рынке на вес золота нельзя купить простых гвоздей. Я не верил крестьянам, что гвоздей и селедок в городе нет. Но обойдя все лавки, сам убедился в этом. Нет на советском базаре ни мануфактуры, ни кожи для сапог. Для продажи зерна существуют два рынка: казенный и вольный — крестьянский. Чтобы купить самое необходимое на советском рынке, в так называемых кооперативных казенных лавках, крестьянин должен продать государствен-

ной лавке зерно, получить давно потерявшие всякую ценность рубли и расписку, которая указывает сколько и чего продано.

С этой распиской и сов. рублями крестьянин идет в государственные лавки, простаивает в очереди часы и часто поздним вечером, ему заявляет продавец, что такой-то товар весь распродан. Крестьянин идет в другой раз и даже по нескольку раз и получает все тот же ответ: «товар распродан и скоро получится».

Обезценен сам советский гражданин, обесценено и его время. За пустячной вещью он должен ездить в город несколько раз и будет счастлив, если удастся купить в 5-й или 10-й раз. Советская власть не научилась у иностранных государств даже простой торговле. А теорию Маркса и Энгельса понимает шиворот навыворот и на деле получается не социализм, а какая-то вакханалия и безстыдное издевательство над простым народом. Советская волокита и неспособность власти доставлять товары во время, породили вольный рынок для крестьян. На этом вольном рынке можно купить почти все нужное для крестьян. Только «рыковка» и керосин не продаются на вольном рынке. Они запрещены властью. Остальное хоть и по высоким ценам и не всегда, но можно купить.

Цены на все очень вздуты. И не всем по карману товары на вольном рынке. В сов. лавках цены без запроса. На вольном-же рынке часто меняются. Все зависит от погоды и времени. Все-таки на вольном базаре выгоднее купить и продать, чем купить и продать государству, которое мало платит за зерно и много дерет за свои товары.

В прошлом году, передавали мне, за пуд ржи государство платило по 1 руб. На вольном-же рынке крестьяне пуд ржи продавали по 3—4 рубля. За простой ремень, которым стягивается хомут лошади, государство брало по 1 руб. Пуд ржи равнялся простому ремню, который на вольном рынке можно легко купить за 2 рубля. Так дело обстояло с гвоздями и с другими товарами. Одни каким-то образом ухитряются раздобывать товары и продают их дешевле на рынке. В большинстве случаев делается это тут же в обмен на хлеб. И крестьянин от этого выигрывает.

Совласть знает это, но бессильна бороться с многочисленным крестьянством, интересы которого совершенно противоположны интересам государства, построенного на грубой эксплоатации, бессовестной лжи и неслыханном обмане.

Испокон веков принято обжигать кулевой соломой заколотого на сало кабана. На знаменитых чикагских скотобойнях в кипятке снимают шерсть со свиней. От этого кожа на сале твердеет и сало делается безвкусным. От осмаленных соломой свиней кожа остается мягкой и само сало вкуснее. Советскому же правительству нужна кожа для обмена на иностранные машины. Жиры у крестьянина — свиное сало, К тому же у крестьян давно заведен такой обычай, что сало — любимое блюдо.

Несколько лет тому назад был издан закон, по которому крестьяне не имеют права смолить убитых свиней. Крестьянин должен снять кожу со свиньи, как снимают с овцы или коровы, и обязательно доставить ее государству. За это получает три рубля.

За них крестьянин не сможт купить пачку махорки в кооперативе. Но три года каторжных работ получает тот, кто рискнет осмолить кабана. Крестьянин найдет место осмолить кабана и скрыться от зоркого ока ГПУ. Но не легко спрятать сало. Нужно сохранять его на весь год и есть на-людях: крестьянин поехавший в город, берет с собой хлеб и небольшой кусочек сала. Сало без кожи покрывается плесенью, теряет вкус и портится. С кожею сало продается из-под полы и по дорогой цене.

Мне крестьяне передавали, что в городе на базаре нередко можно увидеть комиссаров, спрашивающих у крестьян — нет-ли кусочка сала с кожей. И салом легче всего можно подкупить комиссара в случае надобности. Приезжающие - же в деревню комиссары по разным делам и заходящие к крестьянину поесть, всегда спрашивают: нет-ли кусочка сала с кожей.

— Сами знаете, куда нас запрячут, если мы будем держать сало с кожей, — отвечают крестьяне.

Жена моего друга детства рассказывала мне, как уменьшен был налог с ее хозяйства за то, что достала 2 фунта сала с кожей и дала его комиссару. Я от многих в деревнях слыхал, что Сталин любит сало с кожей. Я хочу верить, что это — не сказка про белого бычка, а действительность. И вот почему: грузин Сталин вышел из зажиточной семьи. Грузины любят сало не меньше чем другие народности. К тому-же сало с кожей разрешено в продаже в Торгсинах, где торгуют на иностранную валюту. Сам всероссийский диктатор соблазняется и вкушает от запрещенного им-же плода.

ШКОЛА И ЯСЛИ В ДЕРЕВНЕ.

Обучение детей грамоте является обязательным в СССР. Деревня не представляет исключения. И все дети должны учиться. Школы в деревне имеются, особенно в колхозах: дети колхозников и дети частников обязаны посещать их. Школы в деревне бедны, как и сами крестьяне и колхозники. Лучшие крестьянские избы заняты под школы. А в последние годы строятся отдельные небольшие школы. Двуклассных училищ, как было при царе, так и теперь, не много. Двуклассная школа находится на расстоянии 3–5 верст от одноклассной. Трехклассные школы еще реже. Теперь в СССР новая система: классные группировки изменены и напоминают собой школы Америки.

Если крестьянину предлагали записаться в колхоз и он отказался, мотивируя свой отказ слабостью своей жены—такого крестьянина зачисляют в «кулаки», подлежащие раскулачиванию. Пусть даже он будет бедняк из бедняков, но раз он угодил на черную доску, с ним сельская власть скоро посчитается. И дети таких «кулаков», как и дети бывших священников и дьячков, могут посещать только одноклассные школы, а в средние и высшие их не принимают в силу специального советского закона против служителей «религиозного культа». Эти отверженные—самые несчастные дети в СССР. Родители этих детей стали такими-же бедными крестьянами или горожанами, как и все остальное население. Но они считаются «врагами сов. власти». И даже ни в чем неповинные их дети. Лакействующий М. Горький три го-

да назад ратовал за облегчение участи этих париев большевизма и допущение их в средние школы. Но пока что все осталось попрежнему. Частных-же средних и высших школ нет в СССР — запрещены.

Почти все партийные главари большевиков — дети богатых родителей. Если-бы сов. власть была тогда, когда они были детьми, то лежащий в мавзолее Ленин, диктаторствующий теперь Джугашвили и его правоверные — Литвинов, Куйбышев (умерший), Молотов, Чичерин и др., не получили-бы образования и не были-бы главарями партии.

В СССР большой недостаток в учительском персонале. Это, может быть. потому, что педагогическая профессия очень плохо оплачивается. За 18 лет существования большевицкого правительства в России, сов. власть не сумела создать учительских кадров. Учебников и карандашей тоже не хватает. Государство берет большие налоги с колхозников и частников, а учебники должны покупать сами дети. Существует специальный налог в пользу школ. Налоги берут, а взамен народу ничего не дают. Даже на постройку школ государство дает не больше одной трети стоимости постройки. Все остальное ложится тяжелым бременем на крестьян. Последние, как мулы, должны тянуть возложенную на них тяжесть

Детей в школах обучают на белоруском языке. Только во втором и третьем классах они обучаются русскому и др. языкам. Родители ненавидят белоруский язык. Дети знают это. И согласны с родителями.

Американские дети с большой охотой идут в школы. Там они учатся и развлекаются. Школа их

привлекает и ободряет. В СССР-же школа отталкивает детей. В школах преподают сухие предметы, в учебниках расхваливают сов. власть, давшую народу бедность и нищету. К тому-же дети слушают рассказы родителей и от них узнают, как сов. власть разоряет их налогами и не позволяет нормально жить.

— Чему вас учат в школе? — спрашиваю 12-летнего крестьянского мальчика.

— Всякой чепухе учат.

— Нравится вам школа?

— Я люблю учиться, але нас ня добра учаць.

— Почему вас не добре учат?

Мальчик оглянулся вокруг и спрашивает:

— А скажице, дзядзя, чи вы партийны?

— Нет. Я так люблю ваших партийных, как собака редьку.

— Так я могу праву сказаць: не наравицца.

Не нравится детям школа потому, что в ней хвалят преподаватели советскую власть, показывают в цифрах ее достижения, указывают, как «кулаки» мешают строительству «социализма». Дети знают, что это вранье, что сов. власть умышленно создает «кулаков» и с больной головы сваливает на здоровую—на крестьян.

— Дети не возражают учителям? — спрашиваю мальчика.

— Чему не? Возражают. Я в пятом классе. Нам показуют як совецкая власць капае уголь, дзелае железо и чагун. Сколько выкопала першая и другая пяцилетка.

— А вам нравится слушать все это?

— Та дзе? — Мне-бы хлеба дали, а то я голод-

ный пришел, каже адзин. — А мне-бы дали кажух, а то зимно хадзиць в школу. — А мне-бы дали чоботы, а то у меня дзиравые.

— А что вам на это отвечают?

— Кажуць каб моучау и не казау так.

— Как далеко ваша школа?

— Яких пяць километров.

Не все колхозы имеют ясли при колхозных школах. Ясли эти созданы не в интересах детей, а матерей. В летнее время многие матери могут выработать по нескольку десятков трудодней. На трудодни мужа трудно прожить. И жены колхозников вынуждены помогать своим мужьям, оставив детей в яслях. За детьми в яслях ухаживает учительница, она обучает старших кое-чему, а за маленькими малышами ухаживают старухи, неспособные к труду в поле. Последним засчитывается по одному трудодню за длинный летний день.

ДЕРЕВЕНСКАЯ СВАДЬБА

Самая бедная свадьба в деревне до войны продолжалась до трех дней. А у более зажиточных крестьян — до 4—5 дней. Начиналась она утром в воскресенье у невесты и заканчивалась в понедельник или во вторник вечером. У жениха веселились не меньше двух дней. Были недостатки в деревне, но на свадьбах они не замечались. Столы были перегружены чистым ржаным хлебом, в казенной водке недостатка не было. Закуской служило сало, свежая колбаса, мясо, яичница и проч.

Все это было заготовлено теми, кто отдавал за-

муж свою дочь и кто женился. Музыка, состоявшая из скрипки, гармошки и барабана, безпрерывно играла. Молодежь и среднего возраста крестьяне и крестьянки плясали в сенях на глиняном полу, или во дворе на ровной земле, если свадьба была летом. Пускались в пляс подвыпившие старички и старухи. Где было лучше повеселиться, если не на свадьбах? А народные песни? С песнями провожали молодых к венцу, с песнями встречали и с песнями заканчивали свадьбу.

Такова была старая русская деревенская свадьба, которая крепко запечатлелась в моей памяти.

С нетерпением я ждал первой советской свадьбы, на которой, думал, немного разгоню навеянную тоску и печаль. Услышу народные песни, вспомню о прошлой юной жизни, ушедшей навсегда в вечность, увижу старых друзей детства и проведу вместе с ними весело время. Свадьба была у частника-крестьянина и началась в 11 часов утра, в воскресенье, которое частники, по старым своим традициям, считают святым днем и не работают. Пока я пришел из другой деревни, расположенной в 9 верстах, было 5 часов вечера. Звук гармошки и шум барабана слышен был далеко.

Хутор. 13 дворов расположены по сторонам широкой улицы. Избы не старые, из простых бровен и покрыты соломой. Построек позади видно мало. Дворы широкие, огороды большие Во дворе—душ двадцать молодых и средних лет крестьян. Одеты в простые рубашки фабричной материи, обуты в сапоги, а 3—4 бывших американца — в привезенные ботинки. С полдюжины стоят босыми. Позади двора —

два крестьянских воза с тощими лошадками. Меня встретили тепло бывшие американцы, возвратившиеся на родину 8—12 лет назад. Все пожимали руки, называли мое имя, я из них никого не мог узнать. Один начал говорить даже по-английски и спрашивать, как мне нравится их «ню пур контры». Молодежь, как возле уличного оратора, окружила меня и прислушивалась к каждому слову. Я почувствовал себя веселее и бодрее и старался смешить публику. Стали запрягать лошадей: собирались отвозить невесту, выходившую замуж в другую деревню. Я пошел в избу, откуда доносились звуки музыки. Через небольшие сени попадаю в избу. В ней полно людей. Вокруг на лавках сидят взрослые, а посредине, как в небольшом дупле старинного дерева, три пары пляшут под гармошку, кларнет и барабан, оглушающий всех. Воздух до тошноты спертый, небольшие четыре окна избы закрыты. Единственная отдушина — открытая дверь. Скоро музыканты вышли на двор. Невесту посадили на воз. Музыканты играли, молодежь продолжала танцевать на дворе. Многие были под градусом и в веселом настроении. Но не было слышно ни веселых песен, ни треска аплодисментов, как прежде. Играют от'ездной свадебный марш. Возы с молодой и другими, сидевшими на них, подвинулись к воротам.

У выхода столпилась большая толпа молодежи. Останавливаюсь и узнаю: она требует целый литр «рыковки» (пять стаканов) за вывозимую невесту, а пожилой, худенький крестьянин с большой рыжей бородой, сват жениха, дает всего поллитра. Они продолжают выполнять старые прадедовские тради-

ции: требуют водку за вывоз невесты. Прежде требовали целый гарнец.

Вся молодежь сгруппировалась во дворе, возле простых ворот. 18-летняя молодая невеста с румяными щеками и загоревшим от солнца лицом, одетая в простое светлое платье из фабричной ткани, сидела на возу смутной и одинокой, как большая свеча в церкви в старое время. На улице возле ворот стояло восемь мужчин. Сват с большой бородой о чем-то говорил с молодежью и размахивал руками. В ответ ему раздавался голос : «не меньше литра»

Продолжавшийся в течение 20 минут торг перешел в перебранку, а потом—в драку. Сват ударил одного парня и крикнул: «Насильно открыть ворота». Завязалась отчаянная драка. Как клубки ниток, или мячи, наступавшие качались по широкой и ровной улице, теснимые оборонявшимися. Били руками, ногами. На каждого наступавшего оказалось полдюжины оборонявшихся. Плач и мольбы женщин оглашали воздух. Жутко и грустно было смотреть на все это. Даже музыканты, веселившие всех, на время приутихли, сидели спокойно и ждали конца рукопашной войны.

Закончилась эта потасовка тем, что глава свадьбы с помятыми ребрами и окровавленным лицом предложил на-мировую принесенную кем-то литровую бутылку «рыковки». Сразу не приняли: «Пей сам теперь, хоть тресни».

Но потом уступили. Литр водки был распит. Все по-братски подали друг другу руки. Молодую спокойно увезли, а остальные разошлись по домам.

КОЛХОЗНИКИ И ЧАСТНИКИ

Стариков в колхозах очень мало. Большинство колхозников люди среднего возраста и молодежь. Старики непроизводительны и советская власть предпочитает оставлять их частниками. Как и частные капиталисты, большевицкое государство предпочитает высасывать соки из молодых и здоровых крестьян. Они могут дать больше продукции и с них можно выжать как из сочного апельсина, больше соков, нужных государству. Все колхозники остались на местах, живут в своих избах. Но их земля полностью перешла во владение колхозов. Она считается собственностью колхозов. Это—на словах. На деле-же не только земля колхозников, но и сами колхозники со своими семьями являются собственностью государства и беспрекословно вынуждены выполнять все то, что прикажет государство, этот всероссийский хозяин. Ослушание же ему строго воспрещается. За малейшее возражение, выраженное публично или в кругу знакомых, колхозника, как и частника, забирают поздней ночью и ссылают в Сибирь на каторжные работы. А передовых колхозников — расстреливают в подвалах ГПУ. И жизнь колхозника, как и частника, проходит в тревоге и волнении. Они живут рядом, ежедневно общаются и каждый из них не знает, что с ним случится завтра.

На своих партийных с'ездах большевики постановляют нажать покрепче на «кулака» и не дать ему возможности жить и «подрывать советское строительство». Легко издавать декреты, но не легко проводить их в жизнь. И властям на местах здорово влетает за невыполнение предписаний Москвы. Все част-

ники находятся на учете у сельсовета, который имеет правление из десяти «избранных» на один год крестьянских представителей. Этому правлению подчинены до шести деревень. Вдобавок к ним 11-го присылает район. Район теперь заменяет бывший уезд. Присланного называют старшиной. Он должен быть партийцем и свято выполнять все постановления с‘езда. Этот старшина — царь и бог в деревне. Против него никто не смеет вслух сказать слова. Он— глава в сельсовете и все, так называемое правление, должно подчиняться ему. На его обязанности сбор налогов и увеличение числа колхозников на 10 проц.

Приблизительно на пятнадцать частников-крестьян из ста налагается непосильный налог. Нужно продать корову, лошадь, свинью и жену (если бы кто-нибудь захотел купить ее) и тогда нельзя выполнить заданий. Налог распределяется ранней весной и крестьянин, получив налоговую повестку, называемую в Белорусии «нарихтовкой», уже знает, сможет-ли он выполнить его или нет. Тут-то и начинается настоящая тяжелая и кошмарная жизнь для крестьянина. В несколько дней он должен решить трудную задачу: уйти в колхоз или нет. Пойти, значит — стать бесправным батраком. Не пойти—разорят хозяйство, а самого крестьянина и его семью выбросят из хаты. И тогда всему семейству угрожает голодная и колхозная жизнь. Он превращается в нищего, в подлинного советского пролетария.

Подлежащий раскулачиванию крестьянин принимает все меры, чтобы спасти хоть часть своего прадедовского хозяйства. Он обращается в район, ждет помощи, но не получает. Район передает его жалобу

в сельсовет, — тот самый сельсовет, который решил разорить его. Тогда крестьянин едет в Минск, столицу Белорусии, рассказывает о своем горе лично самозванному президенту Червякову. Тот, выслушав, дает распоряжение в тот-же сельсовет «рассмотреть» жалобу такого-то крестьянина. Наступает время уборки с полей, у крестьянина руки опускаются. Он знает, что будет продолжать трудиться напрасно: его зерно и хозяйство заберут, ему придется голодать и холодать, чтобы пировали комиссары в Москве. Так заставляют крестьян вступать в колхозы. И многие вынуждены вступать в колхоз. Но я видел и таких, которые потеряли все хозяйство, питаются травой, ягодами и у родных, как собаки костью, но в колхоз не идут. И нужно быть мужественным и стойким, чтобы все это выдержать.

По советским законам, 60-летние крестьяне считаются нетрудоспособными. Государство обязано помогать им, если они не имеют родственников, готовых их содержать. Но это—в теории. На практике же ничего подобного нет. Такие крестьяне получают волчий билет. На их паспортах указывается, что они нарушители постановления государства и подлежат высылке. До 60-летнего возраста всех высылают из пограничной полосы за 90 километров от границы, а там их ждет голодная смерть на каторжных работах. Старше 60 лет оставляют на произвол судьбы на местах с отметкой на паспорте, что они—раскулаченные кулаки.

НАЛОГИ НА КРЕСТЬЯН

Я посетил одиннадцать деревень. В каждой деревне я брал пять разных крестьянских хозяйств,

чтобы узнать сколько остается зерна у крестьянина, если он выполнит полностью «нарихтовку». И вот к какому выводу я пришел: ни у одного крестьянина не хватит хлеба до нового урожая, если он выполнит налог на 100 процентов. Крестьянин обложен множеством налогов: денежный налог, налог на рожь, на ячмень, на пшеницу, на овес, на гречиху, на лен, на коноплю, на картошку, на молоко, на мясо, на шерсть. Не уродил лен или конопля — купи и дай натурой. Выполнил полностью налог — появится продналог, так как в таком-то районе был слабый урожай и район не мог выполнить задания. Придет весна — опять давай какой-то налог. Государство так решило и требует. Словом, советское государство, как бездонная бочка: сколько ни сыпь—полно не насыплешь. За небольшое хозяйство, за которое крестьянин при Николае 2-ом платил три рубля в год, при диктатуре Сталина вынужден платить только деньгами 300 рублей, не считая всего того, что должен дать натурой.

Я видел, как один крестьянин вез в уплату налога восемь пудов ржи. Столько-же придется внести и овса. Остальных злаков немного меньше. Чистого клевера 8 пудов, лучшего сена — 6 пудов, соломы — три пуда, молока, если есть корова — 250 литров, т. е. 312 кварт. Но большинство крестьян не имеют коров и освобождены от молочного налога. Те, которые не имеют коров, но имеют лошадей, дают лошадей на обработку земли и получают взамен немного молока. За невыполнение, например, молочного налога, забирают последнюю корову и продают в счет невнесенного налога. А за невыполнение в

прошлом году зернового налога забрали в одной деревне у двух крестьян двух тощих свиней. Я был очевидцем. Словом, советские налоги не налоги, а грабеж среди бела дня. Грабеж безжалостный и беспощадный. Грабили при первой пятилетке, грабят при второй пятилетке и будут грабить при третьей и тридцатой, до тех пор, пока будут у власти большевики.

ХОЗЯЙСТВО КОЛХОЗНИКОВ

Количество колхозников неодинаково в колхозах. В одном — больше, в другом — меньше. Имеются колхозы, в которых насчитывается 40 колхозников. Есть и такие, в которых количество колхозников доходит до ста и больше. В среднем, в каждом колхозе имется шестьдесят колхозников. Сюда не входят жены колхозников. Женщины в колхозе хотя и считаются равноправными членами, однако их труд оплачивается ниже, чем труд мужчин. Только вдовы входят в число колхозников. Но труд их оплачивается наравне с женами колхозников.

Трудно сказать, сколько земли имеется в каждом колхозе. Часто это зависит от места, где находится колхоз. В некоторых колхозах много земли. Но имеются и такие колхозы, в которых земли меньше, но качество ее лучше. Колхозы, в которых земля лучше, меньше работают и больше производят. Они государству дают больше зерна и себе остается больше хлеба. Колхозники, имеющие плохую землю, завидуют тем, которые имеют лучшую землю. На этой почве возникает недовольство.

В теории любой колхозник имеет право перейти из одного колхоза в другой, на деле-же это редко практикуется. Советский бюрократизм, волокита не позволяют переходить из одного колхоза в другой. В общем, на каждого колхозника приходится от 8 до 12 десятин земли. Земля находится в одном отрубе и обрабатывается совместными силами. Кроме земли в колхозе, имеется мертвый инвентарь, состоящий из жилых построек, сельско - хозяйственных орудий, которыми обрабатывается земля, повозок, телег, сбруи и т. п. Все постройки, которые были в частном владении у крестьян до вступления их в колхоз, за исключением изб, сеней при них и небольших кладовых, становятся собственностью колхоза после вступления в него крестьянина. Остались они все на прежнем месте.

Рядом с колхозниками живут частники. Только земля последних отделена от колхозной. Чрезполосица уничтожена, земля в нескольких кусках. Распределение снопов и сена в колхозах производится так: в одно гумно свозится рожь, в другое—овес, в третье—пшеница, в четвертое—клевер, сено и т. д. В хлевах, таким-же порядком содержится колхозный скот. Когда начинается молотьба, легкую конную молотилку становят в одном гумне, обмолачивают все, что в нем было, а затем перевозят в другое, третье и т. д. Живой инвентарь колхоза состоит из лошадей и рогатого скота. Каждый крестьянин, вступая в колхоз ,передает ему свою лошадь. На каждого колхозника в колхозе имеется в среднем одна лошадь. Этими лошадьми и обрабатывается колхозная земля.

Рогатого скота в колхозе мало. Он имеется в ограниченном количестве и является, главным образом, собственностью колхозников. Только немногие колхозы имеют до 100 голов рогатого скота. Многие колхозы только собираются разводить рогатый скот. Остальных домашних животных — свиней, овец, кур, собак, котов совсем нет в колхозах. Рядом имеются колхозы по разведению свиней. Отсутствие котов способствует размножению мышей и крыс, которые стаями, как саранча, кочуют из одного гумна в другое и пожирают большое количество колхозного зерна.

Если кому-нибудь предоставлена свобода и воля в Советской России, так это крысам и мышам. Крысы и мыши свободно разгуливают по всем городам, деревням и колхозам. Советское правительство издало специальный декрет против крыс и мышей несколько лет назад. Но эти маленькие животные не боятся декретов и ударных бригад, охотящихся на них. Они неуловимы, и прячутся при появлении вооруженных чекистов.

ТРУДОДНИ

Работа на земле не требует больших знаний и специализации, нужных на заводах, фабриках и в мастерских. В первые годы организации колхозов— в 1929--1930 г.г. — все колхозники работали сообща, часть их труда отдавалась государству в качестве налога, часть оставлялась для хозяйственных нужд колхоза и посевов. Остальную часть разделяли поровну между всеми колхозниками. Теперь-же иные порядки. Каждый колхозник и колхозница имеют тру-

довые книжки. В эти книжки записываются бригадиром колхоза трудовые дни, выработанные колхозником и колхозницей. Записываются трудовые дни весь год и в конце года, после того, когда все с поля убрано и обмолочено, делается подсчет—сколько трудодней выработал каждый колхозник. Выработал больше — больше получает, выработал меньше — меньше получает. Расплата производится натурой—зерном.

Чтобы подстегнуть голодного и равнодушного к «строительству» рабочего, большевики на фабриках ввели сдельщину. Завели ее они и в колхозах. Например: на один трудодень требуется вспахать около 75 сотых десятины, засеять около четырех десятин, выкосить около 30 сотых десятины, нажать серпом 90 снопов и т. д. Кто физически здоров, еще молод и сможет, начав с раннего утра и проработав до позднего вечера, выработать в полтора или в два раза больше нормы, тому запишут уже не один трудодень, а полтора или два. Но имеются и такие работы, которые не всегда позволяют выработать определенное количество работы. Работа, например, при жатвеннице, молотилке, сноповязке. Машина часто нагревается или по какой-либо другой причине останавливается. В таких случаях трудодень определяется в девять часов. Нужно работу закончить—колхозники работают больше и в их книжки записывается один трудодень с четвертью, полтора или два. Проработал четыре с половиной часа — записывается половина трудодня.

Имеются и такие работы, на которые заранее определены трудодни. Работа ночных сторожей, ох-

раняющих колхозное хозяйство во время уборки с полей и раз'езжающих на лошадях с 11 часов вечера до 5 часов утра, определяется в три четверти трудодня. За доставку «нарихтовки» (налога) в ссыпные пункты — один с четвертью трудодня. За доставку в город из леса дров — один с четвертью трудодня и т. д. Колхозник ухитряется вырабатывать до трех трудодней в день в летнее время. Имеются и такие колхозники, которые работают круглый год ежедневно и вырабатывают больше трудодней. Это — плотники и кузнецы. Во время дождей или выпада большого снега многие колхозники сидят дома и сказки рассказывают один другому. Другие-же в это ревмя работают и количество их трудодней все больше и больше растет.

За неявку на работу — штраф в 5 трудодней, или 5 рублей золотом за каждый день. Каждый колхоз разделен на бригады. Во главе бригады—бригадир. Он избирается на общем собрании колхоза на один год. Не избирается ,конечно, а назначается: собрания не могут считаться собраниями, раз в СССР нет свободы слова и народных прав. Советские собрания — фикция. Если, скажем, в колхозе насчитывается 60 колхозников и столько-же лошадей, то этот колхоз разделен на три бригады, в распоряжении каждого бригадира имеется 20 колхозников и 20 лошадей. Этот бригадир и руководит этими людьми и лошадьми по своему усмотрению. Он-же ответственен за всю работу, возложенную на него. Отвечает он перед районными комиссарами.

В распоряжении бригадира находится одна треть всей земли колхоза. Этот бригадир, как бывший эко-

ном у помещика, по приказу комиссаров из района, указывает колхозникам, этим советским батракам, что, когда и где делать. Никто не имеет права возражать ему, указывать на его ошибки. Бригадир для отвода глаз избран самими колхозниками, но отвечает он за свою работу перед районным начальством. Не убрал бригадир со своими батраками во время с поля, его за это судит район. Посеял не во время и урожай получился плохой — тоже отвечает. А суд советский суровый — 2—3 года каторжных работ. Хотя бригадир физически мало работает и трудодней ему больше полагается, чем подчиненным, его работа самая ужасная и опасная. На него, как на бедного Макара ,все шишки валятся. Он не рад своей должности, но он не имеет права отказаться от нее. Приказано и должен.

Бригадиры получают по одному с четвертью трудодню ежедневно и во все дни в году. В иных колхозах — по 40 трудодней в месяц. Если же они иногда работают больше, то себя, конечно, не дают в обиду: припишут и себе несколько десятков трудодней за сверхурочную работу.

Очень немногие женщины вырабатывают равное количество трудодней с мужчинами. По семейным и другим обстоятельством они не могут сравняться с мужчинами и не в силах выработать столько трудодней, сколько мужчины. Семейная колхозница вырабатывает от 75 трудодней и больше в году. Бездетные и молодые в два и очень немногие — в три раза больше. В среднем колхозница вырабатывает 125 трудодней в году. Дети колхозников, работающие в колхозах, не имеют книжек до совершеннолет-

него возраста и их трудодни записываются в книжки матерей. А на сдельной работе мать пишет в свою книжку столько трудодней, сколько полагается за определенную работу, сделанную ею вместе со своими детьми. Отцы и матери, имеющие сверх 60 лет и живущие не самостоятельно в колхозе, а при взрослых детях, трудовых книжек не имеют. Они считаются нетрудоспособными Таким нетрудоспособным, по советским законам, выдается пенсия: но эту пенсию колхозник видит так, как свои уши. Они с голоду умерли-бы, если-бы дети не помогали им. Государство советское способно на обещания, но дать ничего и никому не желает и не дает.

Первый сноп в колхозах должен быть сдан государству. Не снопы с соломой сдаются, а чистое и отборное зерно всех сортов, посеянных в колхозе. Сначала сдается общий налог, затем продналог, потом добавочный налог за недосданный тем или другим районом. Когда все эти налоги, продналоги и сверхналоги выполнены на сто процентов, создаются фонды колхоза: семенной фонд, фонд для магазинов, фонд на оборону «социалистического отечества» и, наконец, фонд, который идет на уплату за трудодни. Предположим, что в колхозе имеется 60 колхозников и что каждый из них, в среднем, выработал 240 трудодней в году. Помножив 60 на 240, получим 14,400 трудодней, выработанных колхозом. В фонд колхоза для колхозников отчисляется, скажем, 1,800 пудов ржи. Разбив эти пуды в фунты мы получим 72,000 фунтов. А разделив на количество всех трудодней в колхозе, получим на каждый трудодень колхозника пять фунтов ржи. Иначе говоря, на каждо-

го колхозника придется по 20 пудов ржи в год. Таким-же порядком делятся овес, ячмень, гречиха, картофель и т. д. Ржи и картофеля дается больше всего колхознику, остальных-же злаков по нескольку пудов. В среднем на каждый трудодень колхознику приходится 1 кило (2,4 ф.) зерна, по 4 кило картофеля. Женщина получает около 75 процентов заработка мужчины. На языке советской власти это называется уравнением женщины в правах с мужчиной. Лучшее зерно, как и лучшие овощи, отдается правительству.

Для каждого колхозника, напр., полагается четыре пуда огурцов. Все отборные огурцы колхоз вынужден отдавать государству,а тем, кто их выращивал, достаются самые плохие.

СОБСТВЕННОСТЬ КОЛХОЗНИКА

Собственность колхозника состоит из небольшой избы, покрытой соломой, сеней, небольшой кладовой, где хранится зерно, части хлева для одной коровы, одной свиньи, овцы и 2—3 кур. Больше построек и животных колхозник не имеет. По старой привычке пожилые колхозники хотели-бы иметь для разнообразия по одной собаке и лошади. А их жены рады-бы иметь цыплят и хоть по одному коту для ловли мышей и крыс. К сожалению, ни того, ни другого колхозники не могут иметь. Колхозник может раз в месяц взять колхозную лошадь для семейных надобностей. В случае болезни членов семьи колхозника, колхоз отпускает лошадь. Но если колхозник пожелает взять лошадь и поехать по своим делам,

то на это он должен иметь разрешение и за колхозную лошадь уплатить 5 рублей золотом в день.

В десяти колхозах, осмотренных мною, я нашел, что 26 колхозников из ста не имеют собственных коров. А по одной корове полагается иметь. Даже был декрет о том, чтобы каждый колхозник имел корову. Около года назад всероссийский диктатор Сталин приказал, чтобы в 1935 году каждого колхозника снабдили теленком. Особые совхозы, разводящие рогатый скот, должны вырастить этих телят. Не думайте, что телята будут даны в подарок колхозникам. Таких подарков не знают граждане «единственной социалистической страны в мире». Сами главари соввласти на своем партийном с'езде признали, что скот в СССР уменьшился на половину по сравнению с довоенным временем. Имеются и такие районы, где число скота упало до 40 процентов.

При избе каждый колхозник имеет огород размером в полгектара. В этом огороде колхозник имеет полное право садить капусту, картофель, морковь, бобы и т. д. На этой площади районные власти не указывают, что должен сеять колхозник и как садить.

Отсутствие сахару на рынке в СССР и ужасная дороговизна его заставили многих колхозников и единоличников разводить пчел. Многие колхозники имеют по одной-две и изредка по три колоды пчел. Прежде ульи делались из толстых колод. Теперь такого дерева достать нет возможности и крестьяне делают коробки из досок для ульев. Многие крестьяне были в плену в Германии и там научились разводить пчел и ухаживать за ними. Мед — единствен-

ное лакомство в деревне. Все остальное горько и незаманчиво.

ПОСТРОЙКИ В КОЛХОЗАХ

Я посетил десять колхозов и только в нескольких нашел новые постройки. Остальные-же — все старые, перешедшие к колхозам вместе с людьми. В колхозах построили пока небольшие амбары из обыкновенных бревен, покрытые соломенной крышей.

Остались и прежние небольшие зерновые магазины, но они пусты, зерна в них нет и колхозник, как и частник, вынужден занимать хлеб перед новым урожаем не в магазине, а у частного лица.

Осенью прошлого года, по приказу районных властей, начали строить большие сараи для лошадей и рогатого скота. Построены фундамент и стены и на некоторых положены стропила для крыш, но дальше этого дело не пошло. Эти сараи расчитаны на сто лошадей и столько-же голов рогатого скота. Ширина — около 20 шагов и длина — около 150. Фундамент из простого дерева, стены—из глины, тонких бревен. Гонт выделывают сами колхозники, а лес отпускается государством. Но нет гвоздей: не только частник, но и колхозник не может купить их — все еще не налажено производство.

Колхозник, как солдат, обязан работать тогда, когда ему прикажут, и исполнять такую работу, на какую его поставят. Если-же у него нет хлеба и семья пухнет с голоду, то большевики об этом нисколько не беспокоятся.

ОТКУДА КОЛХОЗНИК БЕРЕТ ОДЕЖДУ И ОБУВЬ?

За свои трудодни в колхозе, колхозник получает зерно, которое надо продать, чтобы удовлетворить потребностям в обуви, одежде и прочем. По всем городам и местечкам в СССР существуют два базара: вольный и казенный - государственный. На казенном базаре установлены твердые цены на товары. Но не всегда и не все товары, нужные крестьянину, можно купить на этом базаре.

Советская власть бесчеловечно обирает крестьянина на базаре. Цены на товары устанавливают высокие, а на зерно — низкие. В прошлом году казна платила 1 р. 25 коп. за пуд ржи. Чтобы выманить у крестьянина зерно, сов. правительство даже «снизило» цены на товары. Но и после 50-процентной урезки цен, сапоги в казенных лавках продавались по 200 рублей пара, туфли—120 руб., неуклюжие галоши — 50 руб., ситцевая материя на женское платье — 40 р. и т. д.

Если в казенной лавке крестьянин квитанциями докажет, что им продан советским магазинам хлеб на известную сумму, то государство отпускает ему сапоги по цене в 35 р. Это в том случае, если крестьянин продал хлеб по государственным ценам. Пара сапог оценивается в 35 р., а пуд хлеба—в 1 р. 25 коп. И выходит, что пара сапог обходится крестьянину в 28 пудов хлеба.

И если даже понизить цену на сапоги на 50 процентов, т. е. до 17 руб., то и в таком случае сапоги все-таки будут стоить крестьянину 14 пудов хлеба. Но ему нужна не одна только пара сапог, а несколько, а также одежда, керосин и т. п. Спрашива-

ется — откуда крестьянин может раздобыть средства на удовлетворение всех этих потребностей?

Не надо забывать того, что советское правительство, взимая большие налоги с крестьянина, оставляет ему мало хлеба и других продуктов. В результате — нет ни хлеба вдоволь, ни одежды, ни обуви. Если удовлетворить самые насущные потребности в одежде и обуви, то получается недостаток хлеба и семья крестьянина обрекается на голод. Иными словами говоря, государство беспощадно грабит деревню непомерно высокими ценами на свои товары.

НЕ ХВАТАЕТ ХЛЕБА

В деревню я приехал в последних числах июля месяца. На полях скирды снопов. Крестьяне с раннего утра до позднего вечера в поле. Все трудятся, как муравьи, под палящими лучами солнца. Труд физический, тяжелый, но здоровый.

А крестьяне все-таки угрюмы, невеселы и грустны. Почему? Длинная, ухабистая и грязная проселочная дорога. По обеим сторонам — мелкий кустарник. Дорога упирается в ровное поле. Пара захудалых лошадей тянет жатвенную машину. Две молодые жницы подбирают срезанный овес и вяжут в снопы. Работают и о чем-то разговаривают. Я сел у куста, чтобы узнать, о чем они говорят.

— Кали ты думаешь, Параска, дадут нам немного хлеба? — спрашивает младшая у старшей.

— А хиба я знаю, кали они дадут. Я уже давно говорила своему Гаврилу: пойди в правление и скажи, што не можем рабиць без хлеба. А он мне ка-

же: «терпи жена, мы не хуже людей, пойдет подозрение, накличем беду, дадут людям — получим и мы».

На эту тему не раз приходилось слышать разговоры среди колхозников. Я узнал, что в среднем, каждый третий колхозник не имел от двух до четырех месяцѐв хлеба перед новым урожаем. Именно тогда, когда приходилось по 18 часов работать в поле. Хлеб забрало государство. Приходится занимать в долг в надежде, что новый урожай покроет сделанный долг. Расплата производится после уборки с полей. До этого колхозник не имет права получить ни одного фунта хлеба. Таково распоряжение государства.

Один старшина колхоза пошел навстречу нуждающимся, записал их имена и приказал правлению колхоза отпустить по два пуда ржи каждому колхознику, у которого не было своего хлеба. В колхозе этом насчитывалось 47 колхозников и 29 из них не имели своего хлеба. И какая у них была радость, когда они получили в счет своих трудодней по два пуда хлеба!

На третий день узнала об этом самоуправном решении старшины районная власть и приказала сельсовету немедленно снять его с должности, предать суду и на его место поставить другого.

— Вот какие у нас порядки! — говорили мне колхозники. — Хотят, чтобы мы соревновались, работали больше, Но разве можно работать без хлеба?

— Тогда у вас идиотское начальство?

— Нет, оно не идиотское: оно старается выполнить задание из центра — дать первый сноп государству.

— Тогда в центре сидят идиоты и ничего не понимают, не знают, что голодный человек не может работать и дать много продукции.

— Кали будете ехать через Москву, узнайте там — идиоты - ли они или нормальные, — говорит мне, лет 27, молодой колхозник.

Мои два брата в колхозах, а средний — частник. Последний—инвалид, жертва Мировой войны. Таких неохотно принимают в колхоз, и они сами неохотно идут туда. Имеется еще шурин. Тоже колхозник.

Старший брат имеет четверо детей от трех до 12 лет. Младший — двух детей, а шурин еще молодой и детей не имеет. У старшего брата жена слабого здоровья, а потому выработала в 1933 году всего лишь 56 трудодней. Жена младшего — выработала в том-же году 132 трудодня, а жена шурина (моя сестра) в том-же году выработала 178 трудодней. Да и шурин, будучи моложе моих братьев, выработал на 47 трудодней больше старшего брата. Получили они хлеба пропорционально выработанным трудодням. У последнего едоков было меньше, а, следовательно, и хлеба понадобилось меньше. Получил-же он больше.

Итог такой: шурин мой имеет хлеба вдоволь, младший брат с трудом дотянул до нового урожая, а у старшего брата вышел хлеб еще весною и он занимает его у родных и знакомых. В этом году, как и в прошлые годы, многие колхозники не будут

иметь своего хлеба к началу нового урожая. О частниках и говорить не приходится. Налоги на них с каждым годом растут. Жизнь не улучшается, а ухудшается. Это делается для того, чтобы загнать частников в колхозы.

ОХРАНА КОЛХОЗНОГО ИМУЩЕСТВА

В каждой отрасли советского хозяйства пахнет военщиной. Пахнет даже там, где ей не должно быть места. От начала зарождения русской деревни на полях не было никакой охраны. Даже крупные помещики и князья не имели охраны. Разве кому-нибудь жалко было, если у него порою проезжий крестьянин возьмет сноп овса или охапку сена для лошади? Не было расчета и смешно было на полях ставить охрану. Но советское правительство все прошлое считает «старыми предразсудками», и заводит новые казарменные порядки. Оно ставит вооруженных колхозников охранять зерно в поле. Оно верит в штык и без него не может обойтись. Как только колосья начинают созревать, колхозы обязаны ставить людей для охраны зерна в поле. С 11 часов вечера колхоз посылает людей на лошадях по всем проселочным дорогам, где растет колхозный хлеб. Они раз‘езжают до пяти часов утра.

Один мой родственник уже три года охраняет колхозное поле. Интересно было узнать от него— бывают-ли кражи хлеба. К моему удивлению, он ответил, что никаких краж не бывает.

— Очевидно, у других колхозников крадут, — говорю я ему, — иначе не ставили-бы сторожей.

— Очень редко бывают кражи, и все мелкие: один возьмет сена для усталой лошади, другой — несколько картофелин.

— Тогда зачем вам ставить сторожей?

— Это делают не колхозы: государство приказывает колхозам делать это.

— Тогда у вас не свободная колхозная жизнь, а военная?

— А вы разве еще не знаете, что мы, колхозники, являемся рабами государства?

— Тогда вы не коллективисты, а государственные батраки?

— А вы что думали? О нас пишут и говорят, что колхозники — хозяева коллективного хозяйства. На деле-же они — хуже прежних батраков.

Это говорил не кулак, а советский воспитанник, который только год назад отбыл военную службу, прошел советскую учебу и осел на земле.

Я имел поручение от знакомого навестить его мать в соседней деревне. Пока я ждал старуху, которая была в поле, наступил вечер. Как своего родного сына, она ласково встретила меня и угостила черствым хлебом, салом и советской водкой. Чтобы ободрить старуху, я рассказал об ее сыне много хорошего. Сына она не видала с 1910 года. Старуха чрезвычайно обрадовалась, когда от меня узнала о том, что ее сын в Америке горя и беды не знает.

Темнело. Нужно было идти через лес. Старуха дала мне в проводники сына. Мы прошли луга и лес. Начинается колхозное поле.

— Стой, кто идет?! — раздался чей-то голос из тьмы.

— Это мы, — ответил мой проводник.

— Кто мы?! Стрелять буду, если не остановитесь.

В это время я заметил впереди лошадь охранника. Он быстро повернул ее в сторону от дороги. Мы пошли дальше.

В другой раз я ехал к своему дяде, жившему в 24-х километрах. Ехал с родной матерью на старой лошади частника. Нам пришлось ехать около 20 верст 4 часа. Темной ночью едем через лес.

— Стой, кто едет? — раздался повелительный и громкий голос.

Я вспомнил о грабителях и дрожь по телу пробежала. Заберут деньги, часы, обратный билет и паспорт американский, — подумал я.

— Это я, служивый, — отвечала мать.

— Откуда едешь?

— Из города, сынок.

— Из какой деревни?

— Из колхоза, служивый.

— Здесь не встречала колхозных часовых?

— Не видала, сынок.

Незнакомец вихрем помчался назад в том направлении, откуда мы ехали. Сбоку у него висел большой наган. Он был в военной форме. Сидел в седле и на хорошей лошади. Это был контролер над колхозными сторожами, присланный из района.

Советское правительство карает десятью годами каторжных работ того, кто осмелится взять несколько колосьев или картофелин с колхозного поля.

ТРЕХПОЛЬЕ

В каждом колхозе строго проводится трехпольная система сельского хозяйства. Там, где посеяна

рожь, пшеница или посажена картошка и капуста в этом году, только через три года можно опять сеять рожь, садить капусту и т. д. Бригадиров строго наказывают, если они нарушают постановление района.

Получается настоящая неразбериха. На лучшей земле, вместо посадки картофеля или капусты, сеют овес или ячмень, которые, на удобренной почве, быстро растут и, до расцвета колосьев, валятся от ветра и дождей, и портятся. На низком месте садят картофель, капусту, огурцы и т. д. И известно — какой урожай получается от этого.

В родной деревне я знал каждый кусок земли, где и что можно сеять и садить. Земля осталась такой-же, какой была 21 год назад, когда я оставил ее. В Белорусии земля не черноземная, низкая, болотистая, и я был поражен, когда увидел, что около одной десятины низкого поля было засеяно капустой, которая росла вверх, а качаны ее были маленькие и вид напоминал безхвостых гончих собак.

— Что вы сделали? Неужели вы совсем рехнулись, посадив капусту на плохой земле и на низком месте? — говорю я бригадиру - колхознику.

— Прежде всего нужно разобраться в нашей жизни и порядках, при которых все это делается, — ответил бригадир.

— В чем разобраться? Ведь, дети знают, где капусту можно садить, а где нельзя.

Бригадир рассказал, что ему поручено засеять такую-то площадь капустой, а у него земли подходящей не оказалось и он посадил ее на плохой земле.

— Но её можно было посадить на двух других, более подходящих участках?

— Они были под капустой: один из них два года назад, а другой — год. Мы знаем, что нельзя садить капусту в том месте, где она посажена, но у нас имеется приказ о трехпольной системе.

В капиталистических тюрьмах заключенные имеют больше свободы, прав и независимости, чем колхозники. Из районов, где сидит кучка комиссаров, присланных из центра, отдают распоряжения, колхозники-же безпрекословно должны выполнять их.

Ранней весной колхозы получают из районов приказ, сколько и чего засеять и посадить на земле, принадлежащей колхозам. И бригадиры в колхозах должны распределить землю так, чтобы колхозная площадь могла удовлетворять требованиям района. Для бригадиров это самая трудная и тяжелая задача. Трехполье и ограниченность земли не всегда позволяют выполнять план. В этих приказах указывается, какую часть площади колхоз должен отвести под посев ржи, какую под овес, ячмень, гречиху, лен, коноплю, картофель и т. д. Указывается с точностью —сколько посадить капусты, бураков, огурцов, брюквы, редьки, моркови.

Вот для всего этого подходящей земли и не хватает. И бригадир, чтобы избежать суда и ссылки за нарушение постановления государства, вынужден садить капусту там, где она не растет, или сеять ячмень на низком месте За неурожай бригадиры не отвечают. За это отвечает мать-земля, которая не боится советских каторжных работ. Она спокойно терпит и молча все переносит. Только птицы да вороны ле-

тают над ней и смеются над теми советскими дураками, которые не знают, как разумно использовать мать-землю для того, чтобы она дала больше злаков с наименьшей затратой времени и труда.

ОРУДИЯ ОБРАБОТКИ ЗЕМЛИ

Колхозная земля обрабатывается старыми и простыми сельскохозяйственными орудиями. В однолемешный плуг впрягается пара лошадей и вспахивается земля. Две лошади тянут восьми или двенадцатизубчатый диск для разрыхления почвы. Одной лошадью и железной бороной боронят землю. Сеют руками. Только изредка употребляется сеялка для посевов. Из девяти осмотренных мною колхозов, я ни в одном не нашел ни одного трактора.

— Где-же тракторы? — спросил я одного колхозника.

— У нас нет расчета иметь их.

Года два тому назад в городах и местечках советской властью были организованы тракторные бригады. Туда доставлялись из фабрик тракторы. Там обучались бригады тракторному делу и весной посылались во все колхозы для вспашки земли. Тракторы и трактористы принадлежали казне. Колхозники отказались от тракторов потому, что государство, посылая трактор с трактористом, требовало с колхоза определенную плату за каждый день, проработанный трактором. В итоге получалось следующее: части трактора часто ломались, трактор и тракторист бездействовали по одной и две недели в ожидании новых частей с фабрики, а колхозы должны были платить за простой.

— Мы высчитали, — говорит бригадир колхоза, — что нам совершенно нет расчета иметь тракторы, особенно тогда, когда трактор слабо работает, а наши лошади и колхозники стоят без дела. Вот мы и отказались от них. К тому-же наша земля низкая и болотистая.

— Но ведь машина — не лошадь, — может вспахать легче и больше земли?

— Верно, товарищ. Машину нельзя сравнить с лошадью. Но вы не знаете наших машин. Советская машина хрупкая и деликатная. Она часто портится, ломается, а части доставать трудно. Вот и получается, что лучше без машины, чем с машиной.

Разговор происходил в поле и бригадир оглядывался во все стороны.

— Почему вы, товарищ, оглядываетесь?

— А разве вы не знаете, что у нас машина теперь поставлена выше всего?

— Но разве нельзя открыто сказать правду о ней?

— За правду у нас теперь по головке не гладят: сначала пришьют «контр-революцию», а затем, ночью, возьмут и сошлют в Сибирь, на каторгу.

Это был разочарованный советской властью молодой партиец, которому всего 24 года. Он прошел учебу комсомола, политграмоту партийца, был два года в красной армии, где был даже командиром, назначался на разные должности партийные. И после всех советских мытарств ,судьба забросила его в родную деревню, в колхоз, где он превратился в колхозного бригадира.

В каждом колхозе имеется одна-две жатвенных машины, одна-две сенокосилки и одна конная, пере-

движная молотилка. В большинстве случаев пользуются простыми серпами и обыкновенными косами. Нет только прежних цепов — их вытеснила колхозная молотилка.

Каждый колхоз имеет сепаратор, отделяющий сливки от молока. Им пользуются колхозники и частники, которые сдают молоко в счет налога. Ежедневно сливки доставляются в небольшие маслобойни, где превращаются в масло. Часть этого масла идет в магазины «Торгсина», а остальное отсылается за-границу в обмен на машины, покупаемые совврастью для своей индустрии.

Советский гражданин производит масло, но едят его англичане, французы и немцы. Им-же идет русский хлеб и сахар. А русский гражданин, производящий все это, не может поесть вдоволь черного хлеба, выпить чаю с сахаром, или купить селедку, которую труднее достать за деньги в СССР, чем безработному получить работу в Америке.

ЛОШАДЬ ДОРОЖЕ ЧЕЛОВЕКА

Всем известно, что человека, даже самого некультурного, нельзя сравнять с лошадью. Каков-бы человек ни был, он все-же умнее лошади. Тем не менее совправительство ставит человека ниже и дешевле лошади.

До войны Слуцкий уезд, отчасти, Бобруйский, славились лучшими лошадьми на всю Белорусию. Там было много породистых и племенных лошадей. Пришли большевики к власти, и лошадь, как и ее кормилец—крестьянин, начала недоедать, сохнуть, хи-

реть. По статистике большевиков, лошадей в СССР осталось не больше 50% до-военного времени. Оставшиеся лошади — не те жирные и большише лошади, которые были до войны. Таких не больше 10-15%. Остальные — захудалые. Количество лошадей уменьшилось, а работа в несколько раз увеличилась. По улицам Ленинграда лошади везут дрова, зерно, цемент, песок и т. д. При прорытии подземной дороги в Москве пользуются несколькими тысячами лошадей.

Количество населения увеличивается в СССР, а количество лошадей катастрофически падает. Было выпущено несколько декретов о лошади. «Лошадь— говорится в декрстах, — должна быть поставлена на высоту. Лошади должен быть уделен максимум внимания».

Советские декреты суровы, беспощадны, как и сами большевики. Если колхозник едет в поле пахать землю, или в лес по грязным и ухабистым проселочным дорогам, то он не уверен, что его старая и тощая лошадь не упадет в дороге и не подохнет. А за падеж лошади на работе, советский лошадиный декрет карает колхозника десятью годами каторжных работ и даже смертной казнью. К высшей мере наказания могут приговорить в том случае, если лошадь подохла от разрыва сердца, или побоев в дороге. Работу нужно сделать, надо во время доставить дрова из леса в город; крестьянин подгоняет лошадку кнутом. И горе ему, если она подохнет, а ветеринарный врач установит, что на ее теле имеются следы кнута. У такого колхозника слетит голова с плеч.

Если-же при ветеринарном осмотре следов истя-

зания лошади не будет обнаружено, то советский суд присуждает виновного к более «мягкому» наказанию — десяти годам каторжных работ. После такого приговора он и двух лет не проживет на белом свете.

Обесценен советский гражданин, а колхозник тем более. Он дрожит, как осиновый лист, когда берет колхозную лошадь и отправляется на работу. Особенно его пугают поездки в лес за дровами, которые он должен доставлять в город, в 20-30 верстах от колхоза.

Если случится несчастье с лошадью — пропадай головушка!

НЕТ ВОСКРЕСЕНЬЯ В СССР

На фабриках, заводах и в мастерских в СССР рабочая неделя не семь, а пять дней. Рабочие и работницы работают пять дней, а шестой считается выходным, днем отдыха. В теории это лучше, чем старая неделя. На практике-же, как я наблюдал, создает большую путаницу и неразбериху. Как-же эта пятидневка проводится в деревне? И что получается на практике?

Никакой пятидневки нет в деревне. Даже в колхозах ее не знают. О ней там только слышали и читали. И не больше.

Частники - крестьяне попрежнему, по старому, шесть дней работают, а седьмой считают днем отдыха. Даже в летнее время крестьяне строго придерживаются старого календаря. Другое дело в колхозах. Там не знают ни пятидневки, ни шестидневки. В колхозах работают, когда есть работа. Отдыхают, когда нечего делать: в дождливые дни и в зимнее

время, когда работ полевых нет, а других работ имеется немного. В летнее время в сельском хозяйстве работы много, лишь-бы было желание работать. А об охоте нечего говорить: в СССР приказывают работать и от приказа ни один гражданин не смеет отказаться: это идет вразрез с интересами государства, а советское государство пощады никому не дает.

И колхозник вынужден работать. Воскресенье-же — буржуазный предрассудок. С предрассудками «борется» государство и колхозник, как покорный слуга государства, должен соблюдать его интересы, и работать каждый день, даже ночью, если нужно обмолотить и сдать государству зерно.

В пролетарском государстве пятидевка для пролетариев. Крестьянин-же, особенно колхозник, считается полупролетарием, иначе говоря, кандидатом в пролетарии. А раз он еще не настоящий пролетарий, для него не может быть пятидневки. Так думают советские самодуры, сидящие в Кремле.

Летом всех частников насильно гонят на колхозные работы в воскресные дни. За работу колхозы не платят ничего. Даже поесть не дают. Работать должны крестьяне и крестьянки со своими лошадьми, если они имеются у них. Это делается для того, чтобы отучить крестьянина от празднования воскресных дней.

Не хочешь, мол, работать на своей земле, иди работать на колхозную, и этим всю дурь из твоей головы выгоним. Так рассуждают заправилы большевиков. Так «борятся» со старыми предрассудками крестьян. Карами и дубиной хотят искоренить праздничные и воскресные дни.

На советском языке это называется — мобилизовать все трудовые силы для полевых работ. И мобилизуют. Не дают бедным, усталым, изнуренным крестьянам, крестьянкам и их таким-же лошадкам отдохнуть не только в каждый шестой, но даже и в воскресный день.

7. КРЕСТЬЯНЕ—«КУЛАКИ»

Неимущие и малоимущие крестьяне, после революции, получали помещичью землю в надел и обрабатывали ее. Земли прибавилось, но пользы было мало, ибо большевицкая власть забирала хлеб у крестьян. Это привело к сокращению площади засева. В совхозах батраки получали очень мало хлеба, а работать должны были тяжело. Батраки разбегались из совхозов и они приносили государству убытки. Большевики тогда прибегли к хитрости: натуральный налог заменили денежным. Крестьяне почувствовали облегчение. Это было в период ленинского НЭП'а. Так продолжалось четыре года. Это были лучшие годы для крестьян.

Тем временем, совхозы разваливались, так как батраки получили в надел землю и обзавелись своим собственным хозяйством. Совхозы стали еще более убыточными для государства. Земельный декрет воспрещал покупку и продажу земли. Наемный труд был об'явлен незаконным. Крестьянину давалось земли по числу душ, сколько он мог обработать. Земля не передавалась по наследству, а считалась государственной собственностью. К наследникам переходила только часть построек. На душу полагалось 3—4

десятины земли. Лучшей—меньше, худшей —больше. Можно было жить легче и лучше, чем прежде.

Правда, крестьянина донимали высокими налогами, дороговизной товаров. Но со всем этим можно было еще мириться. В 1925—27 г.г. деревни посылали ходоков в Германию и они там покупали племенной рогатый скот, лошадей и свиней, и пытались создать культурное сельское хозяйство. Крестьянская зажиточность пугала большевиков: мужик с'ест пролетария, и они поступили с крестьянскими наделами так, как гоголевский Тарас Бульба: «Я тебя, сын, породил, я тебя и убью».

Насильно загнанные в колхозы крестьяне разбегались. Крестьянские мелкие хозяйства казались производительнее и устойчивее колхозов, и этого было достаточно для того, чтобы большевики обрушились на них со всей своей яростью. Они разделили крестьян на три группы: зажиточных, середняков и бедняков. В период хуторизации деревни бедняков приглашали в колхозы, на середняков делался легкий нажим, а на зажиточных посыпались все советские тернии и скорпионы.

Никаких богатств в деревне, разумеется, не было, но сов. власти надо было разорить деревню до тла. С этой целью и были придуманы в Москве такие эпитеты, как «кулак», «бедняк», «середняк», «колхозник», «частник» и т. п. В общем, надо было «опролетаризировать» крестьян, а потом загнать их в колхозы.

Я побывал в 11-ти деревнях и воочию убедился, что такое представляют люди, которых большевики называют «кулаками». Все они — бедняки, в сравне-

нии с которыми самый захудалый коммунист (этот новый советский дворянин) представляется богачом. «Кулаки» влачат жалкое существование и немногие из них имеют свой собственный хлеб до нового урожая. Большинство-же из них — настолько затравлены, несчастны и бедны, что их нельзя сравнять даже с прежними захудалыми и бедными помещичьими батраками.

Государство безжалостно грабит и кулаков и не кулаков всевозможными налогами. До войны самый бедный крестьянин лучше заботился о своей собаке, чем большевики о русском крестьянине. Они жалеют даже обглоданной кости, которая когда-то бросалась собаке. Многие крестьяне не имеют лошадей, а у тех, кто их имеет — они настолько стары и слабы, что извлечь большой пользы для себя и государства нельзя.

Коллективизация насаждается не везде одинаково: в некоторых районах больше колхозников, в других — еще преобладают частники. На Украине в колхозы загнано больше крестьян, чем в других местах СССР. В Белорусии-же насчитывается 60% частников и 40% колхозников. Еще несколько миллионов людей угробят большевики, чтобы коллективизировать деревню на сто процентов.

Как-же на практике проводится коллективизация? Сельсоветы на местах ежегодно предлагают известному числу крестьян вступить в колхоз. Крестьяне уклоняются от этого. Им дается определенный срок «подумать». Срок прошел. Тогда власть накладывает на непослушных непосильный налог. Внести его крестьянин не может, и «тройка» из сельсовета заби-

рает у него последнюю корову, лошадь, свинью, курицу, оценивая их в самую низкую сумму.

Если всего этого мало на покрытие налога, то забирают одежду, обувь, посуду и все, что окажется в доме «недоимщика». Двери и окна в хате забивают досками, все опечатывают и об‘являют, что «кулак» раскулачен. Постройки и земля такого «раскулаченного» переходят к государству. Через некоторое время постройки продаются с публичного торга. «Кулака»-же с семьей вселяют в какую-нибудь непригодную для жилья хату. Случается и так, что в ней помещают несколько раскулаченных семейств.

Ни одежды, ни обуви, ни одного фунта хлеба этим несчастным не оставляется. Их тщательно обыскивают и забирают последнюю копейку, если найдут в кармане. Эти люди умерли-бы с голоду, если бы им не помогали, тайком и с опаской, их родственники, соседи и даже колхозники, — последние с риском быть выброшенными из колхоза за помощь «кулаку».

Раскулаченные остаются на положении безпризорных. Их дети уже — не их дети. Они не могут их кормить, и малышей, как прежде щенят, забирают родные и знакомые, а сами раскулаченные могут умирать с голоду на «свободе». Паспорта раскулаченных забирает сельсовет. А без паспорта нельзя выехать в другой район и нет возможности жить на месте: никто не принимает на работу, даже за ломоть хлеба, или простую похлебку потому, что закон запрещает пользоваться наемным трудом. Колхозы летом нуждаются в наемном труде, им позволяется нанимать людей, но они «кулаков» не берут — госу-

дарство запрещает. Раскулаченные пробуют иногда добиваться прав. Они обращаются в район. Там обещают рассмотреть их жалобы. Из районов жалобы направляются в сельсовты на рассмотрение. В сельсоветах кладется печать на жалобах и делается приписка: «раскулачены по закону и рассмотрению не подлежат».

Эти жалобы идут опять в район и кладутся в архив. Некоторые крестьяне, особенно старики, настойчиво добиваются пересмотра дела. Они даже едут с жалобами к президенту своей республики. Эта волокита длится более года. За это время на местах происходят перевыборы сельсоветов, куда попадают другие лица. Раскулаченные завязывают с ними связь и жалобы немногих рассматриваются в новых сельсоветах. Если сельсовет признает, что раскулачен был не по закону, район жалобу рассмотрит и вынесет решение — восстановить в правах незаконно раскулаченного. Но за все взятое имущество дают только нескоько обезцененных рублей. Виновников за разоренное хозяйство не наказывают.

Раскулаченных молодых «кулаков» забирают и ссылают вглубь страны на государственные работы. Срок ссылки — от трех до семи лет. Будет хорошо вести себя, выполнит на 90% задание, отпустят домой. Но большинство ссыльных не выдерживает голодного режима и погибает на сов. каторге. По возвращении домой, ссыльного ожидает другая беда— трудно достать паспорт и получить право на жительство в родных краях. Особенно это тяжело достать в пограничной полосе, на протяжении 80 километров от границы. Без паспорта-же поехать нельзя никуда

— можно попасть в руки ГПУ и опять угодить в ссылку. Только преждевременная смерть спасает от ужасного издевательства и тяжелых мук.

Раскулаченным старикам немного легче: им не грозит ссылка, как молодым. Обзаводятся они паспортами и доживают свой век у родных в качестве нянек. Но в СССР они считаются лишними людьми. Таких раскулаченных имеется несколько в каждой деревне. Все они не живут, а прозябают. Нет ничего худшего, чем положение несчастных крестьян, очутившихся за бортом жизни.

8. НАЛОГИ... НАЛОГИ... НАЛОГИ...

В конце года колхозник в среднем, при хорошем урожае, получает не больше 10 фунтов зерна за трудодень, включая и картофель. Для колхозника и его семьи с ограниченными потребностями хватило-бы хлеба, если-бы государство не обирало его налогами.

Налоги натурой и деньгами установлены для того, чтобы выжать из колхозника побольше соков. Имеющий жену и корову колхозник платит государству 29 рублей в год. Это — индивидуальный налог. Имеющий детей и не имеющий коровы—платит меньше. Затем следуют налоги: общий — 28 рублей, культурный — 16 руб. (на школы). Страховка построек — от 30 руб. и больше. На государственный заем — 20 рублей. Но если крестьянин хочет застраховать себя от сибирской каторги, то должен купить государственных облигаций не на 20, а на 100 рублей. На покупку облигаций займа второй пятилетки 100 руб. (10% годовых, которые никогда не

выплачиваются). Паспорт — 3 рубля, возобновление его — 1 рубль. Все сов. граждане старше 16-летнего возраста должны иметь паспорта.

Налоги натурой: огородный налог (полгектара огородной земли находится в распоряжении колхозника) — 19 пудов картофеля. За корову вносится государству 140 литров (175 кварт) молока. Единоличник-же вносит 250 литров (312 кварт). Колхозник сдает на 110 литров молока меньше единоличника, но зато вынужден покупать корм для коровы на зиму, а у единоличника — свой корм. Кроме того, за ту-же корову приходится давать государству 27 килограммов мяса (65 фунтов). С овцы — 300 граммов шерсти, от свиньи надо отдать кожу, за которую крестьянин получает 3 обесцененных рубля.

Всего надо внести налога деньгами от 150 до 250 рублей в год. Уплативший 250—300 рублей налога колхозник считается «ударником». Хуже всего приходится советской буренушке, обложенной двойным налогом: она должна поить комиссаров молоком и давать им еще мясо. Как-же это делается? Колхозники и единоличники сговариваются, сообща убивают несколько коров, делят мясо и вносят мясной налог госудрству.

Колхозники и единоличники обязаны нести дорожную повинность. Мужчины до 45 лет и женщины до 40 лет обязаны одну неделю в году работать на дорогах, починять и проводить новые. Единоличник обязан являться на работу с лошадью. Дорожное строительство из под палки развивается слабо. Навезенный весной песок к осени размывают дожди. Навезут осенью — весной размоет вода. И работа-

ет бедняга - крестьянин впустую вместе с своей заморенной лошаденкой.

— Нас государство давит большими налогами. Мы работаем на государство. Нас разоряют налогами. Мы являемся полными рабами государства. Мы выращиваем хлеб, но его забирает у нас государство и нам приходится голодать.

Так говорят крестьяне, когда вступаешь с ними в разговор. Говорят, конечно, с оглядкой и опаской, чтобы даже мыши не услышали. В первую неделю моего пребывания в деревне, частники и колхозники не проявляли никакого недовольства советской властью. Наоборот, все родные и односельчане как будто-бы были довольны жизнью. Колхозники даже твердили: «наша жизнь лучше, чем частников».

Но это было не так: крестьяне просто остерегались меня, воздерживались от откровенных со мной разговоров, пока хорошенько не убедились, что я — «не из их шайки», т. е. не большевик. От недавних восхвалителей советской власти я услышал потом совсем иные речи и такие, например, частушки:

«Власть не пашет и не жнет,
Из деревни все берет,
И сама-же пожирает...».

А без хлеба не сладко живется колхознику и крестьянину и в песне поется:

«Воля наша, воля,
Нет тебя без хлеба.
Тяжела неволя —
Нищета заела».

В СССР ничего определенного и твердого нет. И с колхозника и с частника берут до тех пор, пока

больше брать нечего. В деревнях есть даже такие чиновники, которые определяют — какой длины должен быть колос и сколько зерен должно быть в каждом из них. Но матушка земля не считается с комиссарскими мудростями и не родит зерно по декрету.

КОЛХОЗ ОБЯЗАН СДАТЬ ПЕРВЫЙ СНОП ГОСУДАРСТВУ

Первый сноп государству означает, что колхоз обязан сдать ему определенное для него количество пудов ржи, овса, ячменя, гречихи и проч. И только после внесения всевозможных налогов, колхоз может распоряжаться оставшимся зерном. Впрочем, рспоряжается он этим зерном только в относительном смысле слова. Район приказывает сколько и чего оставить на посевы, сколько внести в разные фонды. Имеется даже лошадиный фонд — в среднем шесть фунтов в день зерна на коня.

Трудно себе представить все то, что творится во время сдачи хлеба государству. Нужно несколько дней хорошей погоды, чтобы он высох. Так делается всегда. Но государству нужен хлеб поскорее и чем побольше. Москва нажимает на районы, а последние из кожи лезут вон, чтобы исполнить приказы начальства.

Беспрерывно работают телефонные провода, связывающие сельсоветы с районами, принимают приказы о сдаче хлеба и рассылают их по колхозам. Хлеб лежит в скирдах и сохнет. Опять приказы: мобилизовать все силы, убрать с поля хлеб, обмолотить и дос-

тавить в ссыпные пункты, расположенные у ближайшей железной дороги.

Начинается лихорадочная работа: днем и ночью, 24 часа в сутки, одни колхозники свозят с поля снопы, доставляют их в гумна, другие — складывают снопы, третьи — молотят конными молотилками, четвертые — ссыпают зерно в мешки и развозят по избам для сушки в печах и на печах.

Снопы еще сырые, мокрые, зерно влажное, мягкое. Нужно, чтобы они сохли в скирдах несколько дней, но сов. власть спешит. Молотилки гудят, шумят, давятся от мокрых снопов, останавливаются, но реализация социалистического урожая идет.

В нагретых печах и на печах колхозных изб зерно лежит 10—12 часов. Затем его выгребают, насыпают в мешки и колхозники везут в ссыпные пункты. А там очереди. Сотни колхозников привезли и ждут, пока зерно взвесят, запишут, выдадут квитанцию, что такого-то числа из такого-то колхоза сдано такое-то количество зерна. Ссыпные станции находятся в городах и при станциях железных дорог.

На ссыпных пуктах, как и в колхозах, работают 24 часа в сутки. Люди усталые, измученные и тощие. Лица у всех злые, ходят лениво, медленно. Они пробуют выполнять работу скорее, но их усталые ноги отказываются двигаться быстрее. Все они знают, что дают свое зерно государству, а дома, на столе нет ржаного куска хлеба. Это злит и беспокоит их. Но они бессильны и беспомощны сказать, что — голодны, не могут работать на государство, что им самим нужен хлеб.

Государство с этим не считается. Оно, как без-

душная машина, не знает человеческих страданий и мучений. Оно, как бездонная бочка, требует хлеба, больше хлеба, хлеба без конца... Хлеб этот колхозники обязаны дать. Он куда-то спешно посылается и кому-то отдается. Но этого колхозник не должен знать. Он должен знать одно: вырастить и сдать государству больше хлеба. Имеется где-то «рабочая» власть, которая ведает всем этим.

В таком «пожарном» порядке колхозники вынуждены сдавать государству рожь, овес, ячмень, гречиху, лен, коноплю, картофель, огурцы, капусту, морковь и даже подсолнухи. Все должны сдать. Даже то, что не уродилось, или за отсутствием подходящей земли, не было посеяно или посажено.

Например, колхоз вынужден продать часть ржи из колхозного фонда и купить столько-то пудов льна или капусты, и сдать натурой государству, если у последнего не уродил лен или капуста. А бывает и так: в счет налога колхоз сдает всю рожь и для себя ничего не оставляет. Тогда колхоз должен просить у государства, чтобы ему дали его-же собственного хлеба. И пройдут месяцы, пока комиссии расследуют, признают факт сдачи всего хлеба и колхозники, работавшие над выращиванием хлеба, получат его от тех, кто не сеял, не жал, не молотил, но кто владеет им.

КОЛХОЗЫ ВСЕГДА ДОЛЖНЫ ГОСУДАРСТВУ

Каждый колхоз задолжался государству. **Эта задолженность с каждым годом увеличивается.**

Вот что пишет «Правда» от 24 декабря 1934 года:

«В целях дальнейшего хозяйственного укрепления колхозов, СПК СССР и ЦК ВКП (б) постановляет:

«Оказать государственную финансовую помощь колхозам, сняв с них всю числящуюся за ними задолженность по сельско-хозяйственным ссудам Сельско-хозяйственному банку, выданным до 1-го января 1933 года, вместе с неоплаченными на эти ссуды процентами, в общей сумме в 435,639,000 рублей....» Затем идут указания — какая республика, область и сколько задолжали государству.

Если считать задолженность колхозов по так называемым сов. республикам, то мы видим, что долг Украинской ССР — 80,438,000 рублей. За ней следует Дальневосточная — 27,869,000 руб., Белоруская — 19,702,000 р. Самая меньшая задолженность Армянской республики — 4,849000 рублей. Всего 415,424, 000 руб. и процентов 20,215,000 руб. Общая сумма задолженности — 435,639,000 рублей.

Списывая колхозные долги, сов. власть позирует в роли благодетеля крестьянства. На самом-же деле большевицкое правительство в данном случае напоминает того вора, который залез в чужой дом и забрал все, что можно было забрать, а покидая его, вспомнил, что ничего не оставил тому, кто все это добро нажил тяжелым трудом, сжалился над обокраденным и оставил ему кое-что.

На возах крестьяне везли в «ударном» порядке государству нарихтовку (налог): мешки зерна, жестянки сливок, клевер, сено, солому, огурцы и даже мелкую молодую картофель. Это был второй или третий день сдачи нарихтовки. По приказу все спешили выполнить задание ,чтобы не попасть на черную дос-

ку. И, как на войне, тянулись длинные обозы, спешившие не отстать. Скрипели крестьянские телеги. Город был наводнен возами. Главное Пролетарское шоссе и прилегающие к ссыпным пунктам узкие и грязные улицы были запружены. У ссыпных пунктов стоят и ждут возы с босыми крестьянами, одетыми в длинные рубахи кустарной работы.

В Слуцке все бывшие торговые магазины и склады заняты под зерно. Вокруг самой большой церкви св. Николая, стоящей на возвышенном месте в центре города, сотни возов с мешками. Базар, расположенный возле церкви, полон возами. Прежде здесь стояли возы в воскресные и праздничные дни, на которых крестьяне приезжали в церковь помолиться Богу.

В церкви св. Николая не слышно пения на клиросе. Нет молящихся и старцев вокруг церкви. Теперь церковь разбита на закрома, куда ссыпают крестьяне рожь. Кучи зерна растут. Привозят много зерна и уже не для того, чтобы угодить Богу, а для того, чтобы насытить чрево самого кровожадного в мире «пролетарского» государства, ставшего единым богом для всех.

У станции железной дороги, за городом, растянулась длинная деревянная платформа, покрытая крышей из досок. Вдоль ж.-д. полотна и платформы — огромная пустая площадь. На этой платформе стоят десятки больших и малых весов и весовщиков. Здесь принимают зерно, сено, солому и т. д. И тут-же нагружают ежедневно десятки вагонов крестьянским добром и куда-то спешно отправляют.

Все взвешивается, записывается в книжки и на большие доски, покрашенные наполовину в черный и

красный цвет. На них записывают сдачи колхозного зерна. Вечером сюда приходят комсомольцы и комсомолки, копируют записанное и на утро печатают в стенных и обыкновенных газетах, которых никто не читает из крестьян, кроме комиссаров.

Неочищенное и невысушенное зерно не принимается. Влажное сено тоже не принимается. И колхозники и крестьяне забракованное зерно и сено везут назад, просевают, сушат в печах и назавтра опять везут. В солнечные дни влажное зерно и сено крестьяне тут-же сушат. Большая площадь буквально покрыта зерном и сеном. Крестьяне сушат, собираются группами в 2—3 человека и проклинают свою судьбу и тех, кто их грабит.

9. КОЛХОЗНЫЙ БАЗАР И СОВЕТСКИЙ БАЗАР

Однажды, утром, я вышел из Ново-Московской гостиницы (в Москве), перешел небольшой мост. По дороге заметил хвосты покупателей, стоявших возле киоска. Я насчитал 27 душ обоего пола. Все они шли на службу и стояли в ожидании, чтобы купить газету.

— Неужели, чтобы купить газету, нужно стоять в очереди? — говорю я одной гражданке.

— Конечно, нужно. Становитесь в очередь и купите.

Я стоял и ожидал очереди. Простоял 18 минут, пока моя очередь подошла. Я узнал, что в очереди здесь стоят по двум причинам: или мелкой монеты для сдачи не оказывается у продавца, или выйдут газеты

й за ними нужно послать рабочего. Киоск — государственный и в нем работают два человека.

Пройдя еще 3—4 квартала, я встретил нескольких бедно одетых и босых женщин, несших в торбах и в корзинках какие-то с‘естные продукты с базара. Ну, думаю, здесь поблизости советский базар; надо заглянуть туда и узнать, чем там торгуют. Я пошел по узкой и кривой улице. Шел 2—3 квартала, держа путь в направлении к тому месту, откуда шли с товарами женщины. Вижу милиционера с наганом на боку. Разношерстная публика проходит возле него в какой-то двор. Вижу большую вывеску: «Пятницкий колхозный базар». Следуя за толпой, вхожу во двор. Там полно народа. Базарная площадь, не больше 150 шагов длины и такой-же ширины. Торговля идет полным ходом: на земле сидят и стоят в рядах преимущественно женщины и девушки, одетые по-крестьянски в поношенную одежду из фабричной ткани и продают молоко, яйца, сыр, хлеб, огурцы, ягоды, маленькие пучки моркови и т. п. Большинство торговцев одеты бедно и скорее похожи на нищих, чем на торговцев.

— Вот где удастся купить колхозный хлеб. — подумал я и на душе стало как-то веселее.

Весело потому, что я заходил в три сов. пекарни и нигде не мог купить хлеба: везде спрашивали какую то карточку на право покупки хлеба. Когда-же я говорил, что я — турист, иностранец, меня посылали в лавку Торгсина. Мне-же хотелось купить именно там, где покупают советские граждане и на советские деньги. Так и не удалось там купить. Хлеб в сов. лавках какой-то темно-черный; даже «белый» похож

на американский «рай бред». Цена 60 коп. за кило.

— Сколько стоит хлеб? — спрашиваю у старухи, которая продавала булку хлеба фунтов 12.

— Хлеб не продаем, а меняем, — ответила она.

— На что меняете?

— На яйца, мясо, сало.

— Сколько считаете, когда меняете?

— По два рубля за кило.

Вижу продают яйца.

— За сколько продаете яйцо? — спрашиваю я.

— По одному рублю яйцо. Но на деньги не продаем, а меняем на хлеб и мясо, — говорит старушка. — Утром требуют по 2 рубля за кило хлеба, постоят и вечером отдадут по полтора рубля.

— Тогда и вам придется дешевле продать яйца, — говорю я.

— Что-ж, постоим, увидим.

На пути я встретил еще нескольких продавщиц хлеба и яиц, но никто из них не хотел продать на советские рубли.

— Сколько стоит мясо? — спрашиваю у крестьянской девушки, лет 17, которая продавала кусок свежей телятины фунта четыре.

— По 14.

— По 14 копеек?

— Не-ет, по 14 рублей, — с удивлением говорит девица. И начинает говорить, что мясо очень свежее, молодое.

— Какая цена молока?

— По 90 коп. мерка.

— А сколько содержит мерка?

— Половину кварты.

— По чем говядина? — спрашиваю у старика.

— По 12 рублей кило.

— По чем продаете сало? — спрашиваю у преклонных лет старухи.

— По 12 рублей кило.

Кило равняется 2¼ американским фунтам. Но крестьянки продают и на фунты. Цены на базаре были следующие: яблоко — 1 р., груша — 1 р., огурец — 60 копеек, помидор — 60 коп., пучек моркови— 25 копеек, стакан вишен или малин — 50 копеек.

Товаров на базаре очень мало. А народу скопилось много. Пройти трудно. Базар бедный, как бедны и сами продавцы. Все товары проходят через милицию, которая пересматривает и пропускает. На жбан каждого торговца не больше 20 кварт молока накладывается печать, если освидетельствование покажет, что молоко хорошее. Конечно, с каждого жбана государство берет по две мерки — по кварте. Продается здесь все, что является личной собственностью колхозника. А собственность его: корова, курица, свинья и овца. Но у многих нет ни коровы, ни свиньи, ни овцы. Колхозы не имеют права продавать колхозных продуктов на частном рынке. Они обязаны сдавать государству по установленным ценам. А цены эти очень низки летом и осенью. Если колхозник захочет весною купить у государства зерно на посевы, то уплатит в 30 раз дороже, чем он получил за хлеб от правительства.

Лавок с товарами в Москве очень мало. А товаров еще меньше. Цены непомерно высоки, особенно, если сравнить заработную плату всех категорий. Если-же сравнить на американские доллары по курсу

размена на черной бирже (по 40—50 рублей за доллар), то оказывается, что цены на все товары такие-же, как и в Америке. Но советский рабочий получает рубли, а не доллары. Заработок чернорабочего в Москве — 90 рублей в месяц, заработок чернорабочего вне пределов столицы — 60 рублей в месяц. Конторщик получает 150 рублей, простой механик — 200 рублей, шоффер — 250, плотник — 350 р., инженер — 400 руб., комиссары — 450-500 рублей и т. д. Цены же в сов. лавках: сапоги — 200 рублей, женские туфли — 150, мужский простой костюм — 650---700 рублей, женское простое платье — 80—100 рублей, трехдолларовые карманные часы — 150 рублей, мужская простая рубашка — 20—25 рублей, галоши простые 55 рублей, подбить подошвы стоит 25 рублей и т. д.

ВОЛЬНЫЙ БАЗАР

Кроме казенного советского базара существует еще, так называемый, вольный базар. На этом базаре крестьяне могут покупать товары, нужные для дома. Конечно, вольный базар, как и казенный, не всегда имеет товары. Цены на этом рынке зависят от времени и погоды. Тут цены на товары устанавливает сама сов. жизнь, породившая эти вольные рынки.

Когда государство устанавливает твердые цены на хлеб в 1 р. 25 коп. золотом за пуд, на вольном рынке хлеб стоит в 2—3 раза дороже. Но зато на вольном рынке откуда-то выплывают те или другие товары и приобресть их гораздо выгоднее для крестьянина, чем в казенных лавках и на казенном базаре.

Цены на хлеб и на товары осенью и весною так разнятся, как расстояние между небом и землей. Цены меняются весною на вольном и на советском базаре. Цены на хлеб в государственных лавках в 1933 году были: 1 рубль за пуд, весною-же 1934 года в тех-же лавках и тот-же хлеб государство продавало по 30 руб. пуд. На вольном рынке цены весной были 40-50 рублей пуд. Это в Белорусии, где раньше никогда недостатка в хлебе не было. В промышленных центрах СССР весной и летом пуд хлеба стоил 100—125 рублей. А на два месяца во время уборки хлеба вольный рынок совсем был закрыт для продажи хлеба. И цены еще больше возросли.

Колхоз свой хлеб должен продавать только в казенные лавки и по установленным государственным ценам. Покупать колхоз обязан у государства и то -же по твердым ценам. И получается, что государство берет осенью зерно у колхозов по 1 р. за пуд, а весною, эти-же колхозы вынуждены платить государству по 30 рублей за пуд, т. е. в 30 раз дороже. Это—государственный грабеж. Каждый колхозник имеет право продавать свое зерно на вольном рынке, если он находит это нужным. Можно продавать молоко, яйца, мясо и сало.

Частник и колхозник стараются сохранить свой хлеб до весны. Весною они за свой хлеб могут взять дороже и расплатиться с государством, требующим в среднем до 300 рублей налога деньгами с двора. Такие скачки в цене—зло, с которым государство бессильно бороться. В борьбе с государством интересы «частника» и «колхозника» одинаковы. Как ловкий паук, распустивший свои сети для поимки мух,

сов. государство завело систему, посредством которой выжимает все соки из беззащитного крестьянства. Государство берет налоги, обкладывает крестьян разными продналогами; с колхозов берет больше половины хлеба, затем еще берет налог с того, что колхозник получил за свои трудодни с колхоза.

10. НА СВАДЬБЕ КОЛХОЗНИКА

В колхозах не всегда и не всем в будние дни имеется работа. Но в воскресные дни работа найдется для всех. Таков приказ района. Это делается для того, чтобы отучить колхозника от «буржуазных предрассудков». Этим и старики и молодежь очень недовольны. Но свое недовольство они должны таить внутри себя и не давать даже малейшего повода обвинить их в нежелании работать в воскресные дни. ГПУ возьмет и сошлет в Сибирь на каторгу. Жених и невеста, как и все родные их, обязаны весь воскресный день работать в поле, а вечером наскоро принарядиться, с'ездить в сельсовет, записаться, уплатить за это 3 рубля, возвратиться к невесте, выпить, закусить, поделить каравай и разойтись по домам. На другой день, как солдаты в казарме, должны явиться на колхозную работу. Этого требует «рабочее» государство и никто не должен нарушать этого порядка. Не позволяют даже повеселиться на свадьбе. Советское государство не для сов. граждан, а граждане для государства.

На колхозную свадьбу я был приглашен заранее. Прибыл в 8 часов вечера. Почти одновременно приехали и жених с невестой из ЗАГС-а. Приехали спокойно и без всякой помпы. Встречи с хлебом и ме-

дом, как встречала прежде молодых пожилая женщина в кожухе, вывернутом наизнанку, не было.

Такой-же хутор, такой-же двор, такая-же музыка и почти столько-же народу во дворе, как и на свадьбе частника. Церемонии одни и те-же. Разницы никакой. Разницу между ними знает только государство, делающее одного землероба частником, а другого — колхозником.

Во дворе играла музыка; молодежь танцовала. В избе шла подготовка к встрече невесты, жениха и приглашенных гостей, которых было не больше 40 душ. Танцы и свадьба начались при закате солнца во дворе и закончились при лунном свете после 12 часов вечера.

Лет 50, сват жениха с выбритым лицом и одетый в простую рубашку фабричной ткани, сел в углу стола. Его жена села с правой стороны, а жених с левой. Меня, как гостя, посадили по другую сторону стола против жениха. Передо мною стоял узкий, длинный стол, покрытый белой скатертью домашней работы. На столе стояла литровая бутылка «рыковки», ломти нарезанного ржаного хлеба, большая глиняная миска с яичницей, на двух тарелках куски сала без кожи, на одной тарелке — колбаса, на другой — куски вареного мяса, на третьей — пирожки не то из ржаной, не то из гречневой муки, похожие на поджаренные американские «бисквиты», но только без всякого вкуса. А на конце стола, перед самым носом свата и жениха лежала высокая булка, особо испеченная, называемая свадебным караваем. Позади меня стояли другие столы с водкой и закуской. Кроме советской водки на столе других на-

питков не было. Я взял деревянную ложку и с большим аппетитом стал уплетать стоявшую передо мной в большой глиняной миске яичницу. Она мне понравилась. Не нравилось мне только то, что, как только я положу ложку на стол, мои соседи, выпивши изрядно, брали мою ложку и то-же с большим аппетитом стали дальше есть яичницу.

Во время ужина музыканты играли в сенях, а молодежь танцовала при тусклом свете двух маленьких керосиновых ламп, висевших в углах небольших бревенчатых сеней. Гости выпили сорокоградусной сов. горькой и шумно вели разговоры. Немного спустя мужчины и женщины начали петь. Только не вместе, а отдельно и разные песни. А в песнях выражается подлинная жизнь народа, его жизнь и чаяния. Я не заметил ни одной веселой и радостной песни из всех песен, какие здесь пелись. Это показалось мне странным и непонятным. Но при тяжелой жизни веселых песен не поют. Вот о чем пели мужчины. Пели вместе и по одиночке:

«Эх, ты доля, моя доля,
Жизнь тяжелая...
И не видно ей конца...»

Мотив этой и других песен тяжелый, жалобный и грустный. Он похож на мотив нищих старцев, которые в старое время зимою ходили по деревням и пели свои песни. Только недоставало лиры, которая была у старцев и которая придавала более внушительный и жалобный тон песням. А, вот, песня молодых женщин, которую я, как и песню мужчин, дословно списал:

«Много, много раз,
Приходилось сухарь
С водой с'едать.
Надоела мне эта жизнь,
Я ищу другой.
Ах, умру я, умру,
И родные не узнают
Где могила моя...».

Мотив этой песни еще более тяжелый и душураздирающий. У женщин, как и у мужчин, я старался уловить хоть одну веселую и соответствующую свадьбе, а не похоронам. И не уловил ни одной. Все песни были пропеты на мотив жалобный и старческий. Веселая и сытая жизнь — веселые и довольные песни. Тяжелая и плохая жизнь — скучные и безотрадные песни.

Лет сто назад один русский поэт правильно сказал:

Рабы, влачащие оковы, веселых песен не поют».

Поразительно, как народ в своих песнях может отражать свою жизнь. Я просил женщин пропеть более веселые песни. Они начинали петь старые народные, веселые и приятные для слуха песни, но все они были переделаны на мотив русских старцев, на мотив скучный, грустный и печальный. Советские свадьбы — не свадьбы и не веселье души, а сплошное народное горе. Сов. гражданин не может радоваться и веселиться, когда он охвачен сплошным горем, терзающим его тело и ум.

Свадьбы, устраиваемые теперь в деревне (в городах не могут и не устраивают), делаются в склад-

чину: родные и близкие знакомые приносят понемногу муки, сала, колбасы и т. д. И из этого сбора и состоит свадебный «пир». Прежде те-же крестьяне устраивали свадьбы самостоятельно, на которых полно было людей и которые продолжались от двух до четырех дней. Даже кочующие цыгане устраивали прежде более роскошные и богатые свадьбы, чем теперь устраивают крестьяне в СССР.

11. КАК ЖИВЕТ РУССКИЙ НАРОД БЕЗ ЦЕРКВИ?

Русский православный народ когда-то верил, что «без Бога ни до порога», что «за Богом молитва, а за царем служба не пропадают». Пришло время и как будто-бы убедило людей в обратном. Народ окончательно перестал верить в царей, как помазанников божьих. Он сначала перестал молиться за них, а затем и совсем отвык от молитв.

В больших городах оставлено по нескольку церквей. В маленьких уездных городах и небольших местечках, которые назывались прежде волостями, оставлено по одной или две церкви. Остальные-же давно закрыты. Двери забиты досками и они стоят уже годами без дела. Открытые церкви влачат жалкое существование. Священниками в них оставлены дряхлые старики и, главным образом, живоцерковники, служащие не церкви и алтарю, а советской власти. Это — настоящие хулители той веры, которой они яко-бы служат. Многие из них — от'явленные пьяницы и отбросы общества, потерявшие человеческую совесть и стыд. Они служат не Богу и не

церкви, а власти, которая поставила их и зорко следит, чтобы они выполняли свое предательское дело. Что прикажет власть, то эти священнослужители и делают. Те, которые ослушались приказаний власти — давно сосланы в Сибирь на каторжные работы, а их места заняли хулители веры.

На каждые две деревни прежде была одна церковь. В каждом селе был приход и церковь, где находился приход, об'единявший десяток-другой деревенских церквей. Там жил священник и обслуживал свой приход. В деревенские церкви он заглядывал раз или два в году. В остальные праздники и воскресные дни сами крестьяне собирались, читали псалтырь, ставили свечи, молились как умели. И так жили много столетий. Пришла революция и все смешалось.

Большевицкая власть начала перестраивать деревню. Деревня противилась этому. И совласть насильно разбивала деревни на поселки, совхозы и колхозы. А священников в деревнях всех забрала и повысылала на каторгу. В селах Белорусии теперь ни одного священника и прихода нет. Все церкви закрыты и стоят без дела. Крестьяне больше в них не собираются, не молятся и не ставят свечей и не жертвуют. Стоят церкви забытые, убогие и одинокие. Не слышно больше в них призыва священников к молитве. Сталин не верит в молитвы, а верит в штыки и ГПУ, которое огнем и мечом охраняет его, насаждает рабство и гнет.

В городе я только у одного пожилого рабочего видел в квартире маленькую иконку, повешенную на стене. У остальных-же не оказаось ни одной. Под

давлением антирелигиозной агитации и того, что власти могут причислить к «контр - революционерам» тех, у кого окажутся образа в квартире, иконы были сняты. Сначала они были положены для хранения, но позже совсем выбросили. Постепенно народ начал отвыкать от церкви и икон и перестал молиться. Трудно было свыкаться с этим. Становилось скучно и однообразно, но в силу сложившихся обстоятельств, народ отвык от веры. При тяжелой и суровой советской жизни народ долго и упорно втихомолку молился.

В деревне я видел в каждой крестьянской избе хотя-бы одну икону, повешенную на стене в углу над столом. Даже у одного коммуниста висела икона. Рядом-же висело несколько портретов советских вождей. И на мой вопрос—почему этот образ висит рядом с портретом Ленина, Сталина, Ворошилова и др., мне ответил коммунист, что жена для приличия оставила один образ...

После пищи крестьяне преклонного возраста попрежнему крестятся. Молодежь-же равнодушно смотрит на это и не крестится. Во время выпивки только немногие крестьяне говорят: «дай боже здоровье». Прежде крестьяне молились перед сном и после сна. Теперь это делают только немногие и люди преклонного возраста. Посты ушли в область предания. Никто больше не говорит о постах и не идет исповедываться и причащаться. Очень небольшой процент крестьянок преклонного возраста постятся не больше двух дней перед Рождеством и Пасхой. Пятницы и другие посты стали обыкновенными днями.

В былые времена похороны взрослых никогда не обходились без священника. Только малых детей хоронили без священников и то редко. Теперь-же священников имеется очень мало. Только в редких случаях привозят священника на похороны.

— Сначала было как-то неловко, противно хоронить без священника, но мало-по-малу свыклись, и теперь похороны без священника стали обычным явлением, — говорил мне пожилой крестьянин, который за 60 лет своей жизни прошел огонь, воду и медные трубы, побывал в русско-японской войне, в последней мировой войне, три года пробыл в плену в Германии.

Если похороны совершаются в редких случаях по религиозным обрядам, то новорожденных детей в очень редких случаях оставляют без крещения. На этой почве возникают часто недоразумения между мужем и женой. Жены берут вверх. Они тайно везут новорожденного к священнику и совершают крестный обряд без ведома мужа.

— С женой, как с чортом, не поладишь: она ни за что не соглашается оставить ребенка без крещения, —— говорил мне один, лет 50, крестьянин.

— Почему вы, мама, не молитесь теперь так много, как молились прежде, — спрашиваю я 76-летнюю свою мать, которая вставши довольствуется тем, что перекрестится.

— Та правду кажешь, сынок, пришла война и революция, началась большая беда, люди много молились, а помочи не было. Потом стали молиться меньше, и совсем отвыкли. Нехай Бог нам простит за ето. Мы, старые, хоть перекрестимся — молодые и етого не робяць.

ПОХОРОНЫ В СССР

Если вы, читатель, думаете, что в СССР, «единственной социалистической стране в мире», всех одинаково хоронят, то вы глубоко ошибаетесь. Вот вам три примера похоронных церемоний, которые я видел.

В Ленинграде туристов везли на автобусах из Европейской гостиницы на фабрику, где устроена образцовая столовая. Недалеко от большой фабрики имени Ленина, на которой работает сверх трех тысяч человек, мы заметили медленно двигавшуюся худую белую лошадь с катафалком, покрытым черным покрывалом. Впереди сидел обросший волосами еврей, а сзади шло десять евреев, одетых в лохмотья. Хотя наш автобус быстро мчался, минуя похоронную процессию, но туристы - евреи, ехавшие в нем, просто пришли в ужас, увидев совершенно нищенскую процессию своих собратьев по национальности.

Не было ни музыки, ни цветов. Не видно было слез у бедных и измученных людей, хоронивших своего родственника. Быть может, шедшие за гробом были даже довольны, что ужасная смерть освободила покойного от кошмарной советской жизни.

В первый день нашего приезда в Москву, группу туристов посадили на большой автобус и повезли по городу, чтобы показать достопримечательности города. Нас везли, конечно, в лучшие места, останавливался автобус порою на несколько минут возле того или другого здания или фабрики. Девушка - гид в красной шапочке об'ясняла нам их историю и значение. Проезжая по узкой и глухой улице, мы заметили похоронную процессию из 16 душ. Худая и то-

шая лошадка везла медленно гроб с умершим. Только по кресту на покрывале и по публике, шедшей за гробом, можно было узнать, что хоронят православного и по православному обряду. Люди шли тихо, спокойно, без музыки и слез, понурив головы. Шли исхудалые, измученные в отрепьях. Кажется, легче было-бы самому лечь в гроб, чем смотреть на эту обнищавшую и униженную толпу, шедшую за гробом.

На третий день пребывания в Москве я вышел из Ново - Московской гостиницы в 2 ч. 30 мин. дня и пошел ко Кремлю по Москворецкому мосту. Я заметил стоявшую большую толпу по сторонам улицы. На другой стороне впереди, стояли стройно в два ряда милиционеры, державшие за руки один другого, как держатся в школе дети, собирающиеся танцовать. Все они были одеты в белые куртки и шляпы, синие широкие брюки и в сапоги.

Такой цепью были окружены десятки кварталов, прилегающих к Красной площади. За исключением имевших специальные пропуска, из прохожих никого не пропускали к Красной площади. Вскоре прибыл конный отряд полиции и очистил сначала улицы от публики, а потом и тротуары, говоря: «Граждане, давайте, давайте, давайте»! В начале я думал, что милиция, говоря «давайте», требует чего-то от публики. Но это — советский язык, означающий: не стойте, проходите.

Нужно было прохожим обходить несколько кварталов, чтобы попасть на службу или домой. Скоро прибыл отряд кавалерии в 1,000 человек и стройно направился к Красной площади. На Красную пло-

щадь пропускали только по билетам, выданным в ГПУ. Передавали, что туристам выдавали пропуски днем раньше, чтобы они видели торжественные похороны Довгалевского (б. советского посла во Франции).

О «торжественных» похоронах сов-сановника пришлось узнать на второй день из газет, сообщавших сколько публики участвовало в похоронах, сколько было возложено цветов и произнесено речей на могиле Довгалевского, урна с пеплом Довгалевского, умершего в Париже была привезена на аэроплане и после речей на Красной площади, положена в окошечко кремлевской стены, под стеклом, рядом с урнами Свердлова, Цеткиной, Катаямы, Менжинского. Так хоронят в стране «социализма». Одним отдается почесть и уважение, другим — ничего.

В деревне мне не пришлось видеть, как хоронят умерших. Но мне передавали крестьяне, что часто похороны совершаются без священников и религиозной церемонии. Все кладбища в деревнях и селах запущены, заборы осунулись, деревянные кресты сгнили, каменные памятники одни стоят, другие лежат. Зато памятник Ленину в Москве, стоящий на Красной площади и называемый Мавзолеем, содержится прекрасно и охраняется день и ночь парными часовыми.

На постройку Мавзолея, коммунистического «святого» бога, и на охрану его нашлись и деньги и люди. На деревянные-же заборы городских и деревенских кладбищ нет ни дерева, ни средств на уход за ними. Ухаживать за кладбищами — считается буржуазным предрассудком.

«СВОБОДА» РЕЛИГИИ

По советским законам народ может верить и исповедываться. Что-же мы видим на деле? 95% священников, раввинов, ксендзов и других служителей культа власть выслала в Сибирь на каторжные работы. Их жены и дети лишены всех сов. прав, оставлены на прозябание и медленную смерть. Священников-же выслали не за то, что они были священниками, а за то, что они яко-бы были «контр-революционерами». Священников так-же как и крестьян-«кулаков», высылают без всякого суда. Гепеу хватает и высылает. А когда кто-нибудь из представителей других стран пытается узнать за что высылают священников, им отвечают: «У нас религия — свободна, священников наказывают за контр-революционную работу».

И многие иностранцы наивно думают: раз священники проповедуют свержение сов. власти и хотят вернуть на трон царя, то сами служители церкви виноваты в том, что политику смешивают с религией. Такое мнение в корне не верно и ошибочно.

— А почему церкви закрываются? — спрашивают далее иностранцы.

И везде ответ: прихожане не хотят платить налогов и за неплатежи церкви закрываются властью.

Церкви в Сов. России обложены налогами наравне с другим недвижимым имуществом. А почему не платят прихожане налога? «це дило треба разжуваты», как говорят украинцы.

В городах, на производствах, в деревнях и селах поставлены комячейки. Это — слуги Гапеу. На их

обязанности лежит: смотреть зорко за тем, кто и как живет и чем дышет. На местах они все видят. От них, как назойливых советских мух, скрыться нельзя. И тех, кто посещает церковь и поддерживает священников и церковь, эта-же комячейка обкладывает без всякого стеснения и об'яснения особыми налогами. «На церковь и попов деньги есть, так давайте их государству лучше, а не на содержание паразитов,» — говорят молодые чекисты по приказу высшего начальства.

Иначе говоря, народ поставлен в такие безвольные и рабские условия, что вынужден стоять дальше от церкви. Еще было-бы полбеды, если-бы коммунисты, борясь со старой церковью, учили народ нравственности, чему учил Л. Н. Толстой вне церкви. Большевики этого не делают. Они сами одичали в борьбе за свой дикий социализм и насильственными методами навязывают эту средневековую иезуитскую пошлость. Учение большевиков — ложное и вредное учение. Морали и нравственности у них нет. Они сами не знают и не хотят иметь обязанности, а только другим навязывают. Большевизм — уродливое явление. Большевики — самые жестокие, лицемерные и безнравственные люди.

12. КОНФИСКАЦИЯ ЗОЛОТА

С тех пор, как партия большевиков стала у власти в России, «старое» золото неоднократно конфисковалось у народа. Я говорю старое золото, а не новое, советское. Советского золота никто не видит и не знает. Его знает только власть и та груп-

па рабочих, которая добывает его на золотых приисках.

В Сов. России все делается по декрету и в «ударном» порядке. Без декрета из Москвы советская власть на местах, как слепой без проводника, шагу не ступит. Появляется декрет в свет, власти на местах проводят его в жизнь. Все декреты, издаваемые Сталиным в Кремле, только требуют от народа и обещают. Но ни один декрет ничего не дает. От сов. граждан требуют — и они дают. Сов. гражданам обещают — они ждут. Годы проходят, старые обещания идут в вечность, в свет появляются новые обещания. И так из года в год. Русский народ сначала верил, что нужно ждать и обождать. Впоследствии он перестал верить в обещания.

Советская власть в последние годы много думает о золоте. Золото — буржуазный предрассудок, говорит эта «рабочая» власть, но вещь лакомая, соблазнительная. И под предлогом увеличения золотого фонда для строительства, сов. власть старается производить побольше золота и выжать оставшееся в народе. Ни одна страна в мире так не заботится о золоте, как сов. власть. В среднем, каждые три года в СССР производится генеральная конфискация золота. Конфискуют уже не у помещиков, купцов и буржуев. Последних уже давно нет в СССР. Они истреблены, их богатство давно конфисковано и с'едено сов. чиновниками.

Золото в последние годы ищут у простых, бедных рабочих и крестьян. Самодуры назвали часть крестьян «кулаками», а часть рабочих — «рабочими

с буржуазными наклонностями». И нажимают на них. Душа вон — подавай золото!

Последняя конфискация золота происходила осенью 1933 года. И вот как: Гепеу имеет много «своих» среди рабочих, колхозников и «единоличников». Они живут за счет казны. Живут не плохо и в насущном хлебе, как многие крестьяне, не нуждаются. А раз хозяин держит собак, он вправе требовать от них обязанностей — сторожить хозяйство и вынюхивать вещи, полезные хозяину, иначе хозяин перестанет кормить их.

Гепеу те-же хозяйские собаки в образе человека. Они дрессированы, как гончие собаки и имеют определенное задание. Нужно, например, государству золото — чекисты указывают у кого оно имеется. А так как почти ни у кого его нет, то нужно назвать таких-то граждан, у которых яко-бы имеется золото. А за то, что у них не окажется золота, сыщики не отвечают.

В среднем каждого десятого крестьянина и гражданина посылают в район и Гепеу, где заседает тройка райкома, ответственная перед губкомом. Там этих гражлан держат от одной до четырех недель. Берут их на допрос почти каждый день И требуют отдать спрятанное золото. Требование это сопрвождается угрозами: арестованный подлежит расстрелу, если не сознается в хранении золота и не передаст его государству. И горе тому, кто окажется слабым физически, будет дрожать на допросах и путаться в ответах. Кто смело и стойко всегда отвечает: «я не имею золота, можете расстрелять, не виноват», того через неделю отпускают. Через пару лет опять его возь-

мут на вопрос. Тех-же, которые безсильны стойко стоять, путаются и дрожат, держат до четырех недель. Таких обычно ставят голых по уши в бочку с холодной водой и ставят к стенке, где расстреливают из холостых. Сознавшихся в хранении нескольких десятков золотых рублей оставляют: пытки над ними возобновляются и их выпускают физически разбитыми. От холодной воды они получают суставной ревматизм, от стрельбы из холостых—нервное расстройство.

В дома лиц сознавшихся посылают отряды Гепеу и откапывают спрятанное золото. Бывает, расстроенная и больная психически жена арестованного (таких много в СССР) в истерике приходит в Гепеу и приносит несколько золотых монет. Она просит не ставить к стенке ее мужа, а отпустить на «волю».

— Нажали, сволочь кулацкую, сама несет. Нажмем еще и принесет остальные. — говорят диким и грубым языком чекисты.

И над арестованными производятся «социалистические» пытки. Их опять ставят в бочку «помыться» и к стенке. Ставят, пока признание не исчерпают до конца.

Крестьяне обычно отвечают: «пашу, сею, собираю с поля хлеб, этим живу и золота не имею». Горе-горькое, конечно, тем крестьянам, родители которых были более или менее зажиточными. От таких настойчивее требуют золото. Хуже с горожанами. Большинство горожан были причастны хоть к мелкой торговле, особенно евреи. В городах Белорусии они при царизме занимались в большинстве случаев мелкой торговлей. А некоторые и крупной. Вот

этим горожанам и ставят в вину прошлое: родные были торговцами, спрятали деньги, а вы давайте их сов. власти. И чем они могут доказать, что у них нет денег? Доказательства, что они работают и с трудом сводят концы с концами — неубедительны. Советские самодуры продолжают жестоко издеваться над этими жертвами.

Мне крестьяне говорили, что над горожанами - евреями хуже издеваются, чем над крестьянами. Золота ни у кого нет. Оно давно пошло на советский рынок. А при открытии магазинов Торгсина все золотые кольца и зубы переданы в Торгсины в обмен на одежду и обувь. У многих возвращенцев из Америки, ставших сов. гражданами, тоже «активно» требуют золото. И многие подвергаются мучению и пыткам. Двое из моих знакомых стали жертвами «золотой» болезни.

13. ГОЛОД НА УКРАИНЕ

О голоде крестьян на Украине в 1933 году, я услышал от самих украинцев, ехавших со мною в поезде из Ленинграда в Днепропетровск.

— Наши газеты ничего не писали о голоде на Украине, но мы были во время голода в деревне, сами пережили его и знаем, как много он унес крестьянских жизней, — со вздохом говорили мне две женщины.

От них я узнал, что несколько хлебородных уездов на Киевщине были захвачены сначала засухой, а затем повальным голодом и смертью. Много больших деревень и сел буквально разрушено, а жители их к концу лета умирали по 10—20 душ в день.

Даже и одной трети населения не осталось во многих деревнях и селах, охваченных голодом. В конце лета многие крестьяне и колхозники, уцелевшие от смерти, уходили куда-нибудь. Уходя, они брали с собой все, что могли взять: детей, одежду, обувь, подушки. Поезда в Сов. России — это государство в государстве. В них пассажиры более свободны и развязчивы, чем в других местах. Но страх советских граждан научил тому, что они прежде, чем ответить, озираются по сторонам. В Сов. России не только все граждане, но даже подростки-дети оглядываются, когда говорят с вами. Страх и боязнь, что кто-нибудь подслушает и выдаст, передан юному поколению и впился в кровь и плоть каждого.

— Помогали-ли власти голодавшим? — спросил я украинца.

— У нас не дают, а только берут, — скоропалительно ответил он.

— А у вас знают, что мы голодали? — задала мне вопрос одна женщина.

— Писали много, но я сомневался и решил проверить.

— Тогда у вас больше знают о нас, чем наши о нас.

— Правда, правда, мы слыхали, что у вас много писали о нас, — сказала пожилая женщина.

Спасавшиеся от голода и смерти украинцы хлынули в Белорусию. Они шли, ехали с детьми, с уцелевшей одеждой и подушками. Одежду и подушки по дороге меняли на хлеб и жили по цыгански в лесах и при костре. Скоро проели все ,что было, и начали ходить по крестьянским избам и попрошайничать.

Советский некоронованный царь И. Сталин, главный виновник голода в СССР.

Голодными была наводнена вся Белорусия. Их было так много, что каждый день безпрерывно шли и ради Бога умоляли дать корку хлеба. Шли старики, старухи и матери с грудными детьми. Молодые и здоровые направились в промышленные центры на заработки. И скоро теряли связь с отцами, женами и детьми.

Многие крестьяне рассказывали мне, что от 20 до 60 душ в день приходило за хлебом. Сначала всем давали и никому не отказывали. Но впоследствии оказались бессильны удовлетворить огромную армию голодных. Количество-же голодных с каждым днем росло.

На мой вопрос, что делали власти в Белорусии, и чем оказывали помощь, мне все, включая молодых коммунистов, отвечали:

— Ничего, молчали. Ждали. Селькомы спрашивали райкомов, райкомы обращались в губкомы, губкомы запрашивали Москву. Москва решила: признание наличия голода на Украине может сильно отразиться на иностранной политике. Америка может не признать Сов. Союза. Советская пресса продолжала писать: никакого голода нет на Украине.

Не получая нигде нужного хлеба, чтобы насытиться, голодные начали сами брать. В темные осенние ночи они приходили в крестьянские дворы и брали все, что могли. Брали снопы, брали кур, брали поросят, свиней и даже уводили коров. Белоруские крестьяне были в панике и в тревоге. Нашествие голодных могло разорить крестьянские хозяйства и заставить их самих голодать. Крестьяне собирали

сходы и требовали от сельских властей защиты. Им отвечали, что они ждут распоряжения из района.

Наступил холодный ноябрь. Положение голодающих еще больше ухудшилось. К голоду прибавился холод. Началась двоякая борьба с голодом и холодом. Около месяца так странствовали голодающие. И неизвестно чем-бы все это закончилось, если бы не пришли власти на помощь. В ударном порядке были мобилизованы бригады, которые ездили по деревням, собирали всех беженцев и везли на телегах в города и к ближайшим железнодорожным станциям. Детей водворяли в приюты: взрослых целыми эшелонами отправляли куда-то. Куда именно, никто не знал. Не знали и сами несчастные голодающие, которых везли.

Дети ежедневно умирали сотнями. Больницы и все городские учреждения были перегружены детьми голодающих. Для них не оказалось не только нужной пищи, но и людей, способных ухаживать за ними. К счастью районных властей, пришла детская болезнь, а за ней и смерть. Докторов и нужных медикаментов не оказалось и только немногие дети уцелели. Остальные умерли.

— Я был четыре года на последней войне, видел в ней много ужасов, но таких душураздирающих ужасов я никогда не видел, какие переживали голодающие украинцы и их дети, — говорил мне один колхозник.

Белоруские крестьяне передавали, что незначительная часть украинских детей осталась по деревням. Белоруские крестьяне оставляли себе по одно-

му «безпризорному». Они продолжают жить и расти, не зная, где их отцы и матери.

— Было-бы положение лучше, оставили-бы больше, — говорили крестьяне.

Пожилая крестьянка мне говорила, что одна молодая мать имела троих детей. Все малые. Старшего где-то раньше оставила, а сама ушла с остальными. У «опекунов» оставила среднего. Оставляя, мать обняла его, поцеловала, горько зарыдала, взяла младшее свое дитя за руку, в другую руку — узелок и ушла. Ушла, сама не зная куда и как долго хватит сил итти. И таких матерей было много. Их материнскими стонами и рыданиями оглушался воздух. Для умерших рыли не отдельные могилы, а общие «коммунистические» рвы, рыли те, которые на другой или третий день сами ложились в вырытые собственные ямы.

Засуха и неурожай не искусственное явление. В среднем каждые три года бывают неурожаи на Украине. Полоса неурожая охватывает несколько уездов, посевы и трава гибнут. Люди и домашние животные вынуждены тогда приобретать на стороне хлеб и все необходимое. Власть большевиков не желает считаться с этим фактом. Она забирает весь хлеб у крестьян и заставляет их голодать и умирать. Забрав хлеб, большевицкая власть должна была-бы отдать его тем, которые нуждаются в нем. Но эта власть не умеет давать. Она знает только брать. Берет все, что только может взять.

Точного количества умерших от голода на Украине в 1933 году никто не знает. По многим данным, число умерших превышает семь миллионов.

А так как засуха в то время была и в других частях России, то многие утверждают, что умерло до десяти миллионов душ по всей стране. «Рабочая» власть равнодушно смотрела, как крестьяне пухли от голода и умирали. Их хозяйства разорялись и дохода государству не давали. Убытки государства были огромны.

Спрашивается, почему «рабочее» государство не пришло на помощь голодающему населению? Ведь государство забрало хлеб у этих крестьян и обрекло их на верную гибель. Большевицкая власть не признала факта голода и не помогла нуждающимся.

14. ТОРГСИН

Торгсины — государственные торговые лавки, организованные сов. правительством. В этих лавках продаются товары на иностранную и золотую валюту. За обезцененные сов. рубли в Торгсинах ничего нельзя купить. В них продают только за доллары, франки, шиллинги, кроны, злоты, марки и за старое русское золото и серебро. Торгсиновские лавки разбросаны по всей территории Сов. Союза. Они имеются во всех губерниях, уездных и областных городах, начиная от Волыни, Украины и кончая далекой Сибирью. Насчитывается до 1,700 торгсиновских лавок. В центральных губернских городах имеется от двух до шести и больше. В Ленинграде — около дюжины, в Москве тоже. В небольших городах — по одной. Организованы они сов. правительством с двоякой целью: приобресть побольше иностранной валюты и выкачать все золотые и серебряные остат-

ки в стране. В торгсиновских лавках иностранные деньги, старое золото и серебро превращаются в золотые рубли. За один американский доллар дают 1 золотой рубль 13 коп. Старое царское золото, медные и серебряные монеты расцениваются по строму курсу: за один золотой царский рубль — 1 зол. сов. рубль. Рублей золотых, конечно, никто не видит. По указанному курсу в торгсиновских лавках берут американские доллары и золотые царские рубли и в обмен на них дают торгсиновские купоны. Эти купоны имеют вид и форму почтовых марок, от одной копейки до одного рубля каждый.

За эти купоны вы можете купить все товары, имеющиеся в торгсиновских лавках. Срок этих купонов ограничивается 3-мя месяцами. В течение 3-х месяцев вы можете приобрести нужные вам товары. Если за это время вы не использовали купонов, вы должны заявить об этом в конце срока и вам дают другие на оставшуюся сумму на следующие три месяца. Те, которые забыли возобновить во время, не имеют возможности использовать их нигде.

Старого золота давно нет в России. Оно конфисковано и конфискуется «ударным порядком» раз в 2—3 года. Но у некоторых сов. граждан сохранились ценные вещи: медные самовары, серебряные ножи, вилки и ложки, золотые и серебряные кольца, серьги, золотые зубы и другие ценности.

Нужда заставляет советских граждан собирать эти «буржуазные» побрякушки и сбывать их в лавках Торгсина. Когда-то считали, что подаренную вещь нужно беречь до самой смерти. Ценились и искусственные золотые зубы и венчальные кольца. Сов.

правительство считает это буржуазными предразсудками. Разумеется, жены сов. комиссаров в СССР и жены всех сов. послов за-границей могут носить и носят не только золотые кольца, серьги и зубы, но даже дорогие бриллианты. И это не считается сов. правительством буржуазным предразсудком. Советским вельможам можно все.

В каждой торгсиновской лавке сидит один член ГПУ с аптекарскими весами и химическим составом. Все приносимые вещи кладутся на весы и взвешиваются. Химическим раствором определяется ценность металла той или другой вещи. Этот «химик» и весовщик определяет цену вещи, а кассир выдает боны — марки по указанным ценам. Получив боны, сов. гражданин выбирает товары и навсегда расстается с дорогой для него вещью.

Когда вы посылаете американские доллары, ваши родные долларов не получают. Они получают повестку, с этой повесткой идут в Торгсин и получают там торгсиновские боны-марки. Нужно лично видеть сов. гражданина, чтобы понять, — с какой радостью он получает эти боны за присланные доллары. Он знает, что за эти купоны получит то, что ему больше всего нужно.

В Ленинграде я посетил две торгсиновских лавки, в Москве — 4, в Минске и в других городах — по одной. Имеются большие магазины и небольшие лавки. В лавках больших городов много разных товаров; в лавках-же провинциальных городов — большой недостаток. Лавки Торгсина двух сортов: одежные и бакалейные. В иных лавках имеются и бака-

лейные и мануфактурные товары. А в иных — бакалейные или мануфактурные только.

В одежных магазинах имеется: мануфактура, готовая одежда, мужская, женская и детская обувь. В бакалейных — колбаса нескольких сортов, творог, апельсины из Калифорнии, сушеная рыба, селедки, сов. водка, разные вина и шампанское. В центральных городах в лавках Торгсина продавался хлеб и булочки, а в провинциальных хлеб не продавали, а только муку двух сортов — ржаную и пшеничную.

Цены в торгсиновских лавках на товары почти американские. Некоторые товары немного дешевле американских, а некоторые — дороже. Мануфактура и обувь дороже, масло и творог — немного дешевле. Сов. селедка дороже американской. мануфактура, одежда и обувь — на 50% иностранная. Лучшие товары на 100% заграничные. Все с'естное — на 80% сов. производства. В СССР введена метрическая система мер и весов. Для стариков, привыкших считать все на фунты, эта система непонятна.

Фунт сливочного масла — 27 золот. копеек, сало — 22 коп., колбаса сов. — 27 коп., колбаса иностранная — 35 коп., сахар — 10 коп., рис — 8 коп., мука ржаная — 8 коп., пшеничная — 10 коп., хлеб — 8 коп., дюжина яиц — 40 коп., литр водки (5 чайных стаканов) — 40 коп., литр сов. вина — 50 коп., шампанское — 60 коп., велосипед — 40 з. руб. Мыло, сахар, крупа и другие с'естные продукты в два раза дороже, чем в Америке. Зато сов. водка в семь раз дешевле, чем американская. Вина и шампанское — в 8 раз дешевле. Водку и вино больше-

вики производят в большом количестве и стараются сбыть побольше за иностранную валюту, нужную им для торговых операций с иностранными государствами.

Пара сапог стоит 6 золотых рублей, туфли — 1 рубль, штиблеты — 3 р., кожа на пару сапог - 4 руб., метр среднего качества мануфактуры — 25 к., (4 метра для женского платья), галоши — 1 р. 50 коп. Готовая одежда гораздо дороже в Торгсине, чем в Америке. Кожа на сапоги и готовые сапоги немного дешевле, но штиблеты — немного дороже. Мануфактура тоже дороже. В лавках Торгсина имеется кухонная посуда, чайники и прочая мебель. Всех товаров, нужных в хозяйстве, нет. Но самые необходимые имеются. Например, соленых огурцов нет в сов. лавках, нет их и в Торгсине. Гвоздей трудно купить в сов. лавках, а в Торгсине совсем нет.

Сов. торговая система построена так, что нужно везде ожидать. Везде хвосты. Даже в Торгсине приходится ждать. В Москве я простоял 1 час 15 мин. пока купил туфли, фунт колбасы и хлеб. Это в самой большой торгсиновской лавке, занимающей два этажа, где работает 95 человек, в том числе 6 кассирш. В провинциальных торгсиновских лавках порядок получения товаров таков: 1) вы должны указать, какие товары желаете купить и сколько. 2) Полученную записку представляете кассиру и платите по счету. 3) Тогда вы идете с оплаченным счетом и забираете товар. От двух до четырех часов вы должны простоять в трех очередях ,чтобы сделать покупку на 5—10 рублей. Эти часы без привычки кажутся целыми днями. Но сов. граждане привыкли

к хвостам и с удовольствием простаивали-бы дни и ночи, если-бы почаще получали доллары из Америки.

В хвостах я многое узнал о житье-бытье советских граждан. Они только беспокоят американских туристов, которых узнают по одежде, предложениями об обмене советских рублей на доллары. За один доллар предлагают 35—40 рублей.

Служащие в сов. лавках и в Торгсине работают вяло, медленно, лениво. Винить их за это нельзя. Они получают 80 руб. в месяц. Какая плата, такая и работа. Лавки Торгсина открыты от 10 час. утра до 10 ч. вечера. Рабочие работают по 12 часов в день и каждый второй день — выходной. Рабочих много в каждой лавке, но работа их непроизводительна: один продает туфли, другой—сапоги, третий — колбасу, пятый — творог и масло, шестой — мыло и селедки. Приходит несколько покупателей. Продавец показывает несколько сортов и указывает цены на них без запроса. Все остальные ждут в очереди и не имеют права прикоснуться рукой к товару до тех пор, пока продавец не продаст первому покупателю. В Советском Союзе обезценен человек, обезценено и время. Продавцу неважно, кому он будет продавать. Он смотрит на часы и считает сколько часов осталось простоять. Он, как солдат на посту, простояв свое — уходит. А сов. потребитель вынужден покорно стоять и ждать. Не дождется сегодня, завтра придет.

Клиенты торгсиновских лавок — сов. граждане, которые получают деньги от родных, живущих заграницей. Нет и двух процентов таких клиентов, ко-

торые сбывают старые побрякушки в обмен на товары. Иностранная валюта идет из всех стран «буржуазного» мира. Идет на помощь «социалистическому отечеству» и его гражданам, которые вынуждены просить родных за-границей помочь их горю-горькому. Русские евреи, разбросанные по всем странам, больше всего помогают своим родным, живущим в СССР. Русских много за-границей, в частности в Америке. Но многие из них ленятся даже письмо послать своим родным, которые находятся в Сов. Союзе. Они ждут не только писем, но и денег. Многие сов. граждане, имеющие родных в Америке, просили со слезами автора этих строк розыскать и умолить их помочь деньгами.

15. ЖЕНСКОЕ РАВНОПРАВИЕ В СССР

Советская пресса любит писать о советской женщине.

Женщина уравнена в правах с мужчиной. Женщина — больше не рабыня мужчины. Женщина — свободна и независима от мужчины.

— Советский Союз — единственная страна в мире, где женщина не только равноправна, но и принимает активное и все возрастающее участие в общественной, политической и народнохозяйственной жизни, — пишут «Известия» от 26 октября 1934 г

В тех-же «Известиях» читаем, что в 1933 году в крупной промышленности было занято 1,826,200 женщин, почти втрое больше, чем в 1913 году, или 35,5% общего состава рабочих. Женский труд в промышленности до войны применялся на неквали-

фицированной работе и в текстильной индустрии. В Сов. Союзе в промышленности на руководящей работе — 9,2% женщин, на транспорте — 4,4, среди директоров и трестов — 5.8, среди научных сотрудников — 30.6 процентов и т. д.

На выборах горсоветов 1926 года принимало участие 42.8 проц., в 1927 — 49.8, а в 1934 году — 75,8 процентов — 6.082,000 человек. В деревне женщин - избирательниц возросло с 28 проц. 1926 года до 62,9 проц. в 1931 году — свыше 20 миллионов женщин.

По РСФСР в секции сельсоветов в 1931 году состояло 19.8 проц. женщин. в 1933 году — 29.7 проц. Сов. женщина, действительно, уравнена в правах с мужчиной. Но так как политических прав — свободы слова, собраний, организации, выборов некоммунистов и проч. — нет в Сов. Союзе для мужчин. то не имеет их и женщина. В этом отношении советская женщина — самая бесправная женщина.

Советская женщина не раскрепощена, а неслыханно закрепощена. Она выполняет самые опасные физические работы, которых не знает женщина в западных странах и в Америке. Сов. женщина работает с киркой и лопатой на железных дорогах. Она прокладывает мостовые в городах, таскает рельсы на железных дорогах, принимает участие в строительных работах, в тяжелой железной индустрии, в трамвае и в поездах вагоновожатым и кондуктором, на пароходе кочегаром, на фабрике и заводе нагружает вагоны, рубит лес, в шахтах и во всей сельскохозяйственной жизни. Она работает в аптеках, бакалейных, мясных и пивных лавках, в сов. обжорках, в

парикмахерских, в бане и т. д. Она не только месит тесто в булочных, но месит цемент для построек домов, фабрик и заводов. Много женщин работает в сов. учреждениях, а еще больше их занято при самых тяжелых работах. И за свой тяжелый восьмичасовый рабочий день она получает наравне с мужчиной — 60 рублей в месяц. Не более полутора американских долларов в месяц.

Русская женщина работает вместе с мужчиной и наравне с ним голодает. Нет жиров для мужчин, нет и для женщин. Не хватает хлеба мужчине, не хватает его и для женщины. Нет достаточно одежды и обуви для мужчин, не имеет их и сов. женщина.

Сов. женщина уравнена с мужчиной в праве трудиться и голодать. Великое «достижение» сов. женщины!..

Сов. женщина работает умственно, но больше физически. Она выполняет работы, которые прежде выполнял только мужчина. Она даже заняла место ночных дворников Ленинграда и Москвы. До 1927 года сов. женщине уделялось мало внимания в СССР. Она жила старой жизнью: знала кухню, могла родить детей и работать дома. Мужчин за пустяки власти арестовывали, брали на допрос в Гепеу, там их пытали, требовали признания в том, что будто они против сов. власти. Женщина имела свободу и право спрашивать—за что арестовали и протестовать, если «рабочая» власть невинно арестовала. За это требование не сажали в тюрьму сов. женщину и не посылали ее на принудительные работы вместе с мужчиной.

Теперь женщина уравнена: ее ссылают вместе с мужчиной в Соловки, в Сибирь, на принудительные работы, как рабочую силу, нужную «рабочему» государству для строительства «социализма». И там она одинаково живет на полуголодном пайке, выполняет каторжные работы и вместе с мужчиной умирает от голода и эпидемий.

Раз сов. женщина получила все «права» наравне с мужчиной, она обязана выполнять все то, что и мужчина. Так думает правящая партия большевиков. Так и поступает она с женщиной, не считаясь ни с ее женской слабостью, ни с материнскими обязанностями. Советская женщина работает днем и ночью. Днем она работает на службе, чтобы существовать. Вечером и ночью она трудится над тем, чтобы приготовить пищу для себя и мужа, накормить и уложить в постель детей. Утром идет мужчина на службу, жена обязана приготовить завтрак, одеть детей и идя на службу, завести их в ясли или к старушке-соседке, а вечером опять забрать. Сов. женщина вынуждена простаивать целые часы в очереди утром и вечером, чтобы получить в сов. лавках с'естное: в пекарне получить хлеб, в бакалейной и мясной — крупу и мясо. Она постоянно трудится и не знает отдыха. Еще полбеды бездетным. Имеющие детей — никогда не знают отдыха и не видят света божьего. Труд женщины тяжел — с этим еще можно мириться. Заботы и хлопоты о получении с'естных товаров и приготовление их на общей керосиновой плите — ад и кошмар для женщины. Сов. женщина постоянно усталая и измученная работой, днем на службе, вечером дома. Годы такой беспросветной и

постоянной работы делают ее физически усталой и нервной. Она пошатнулась физически, расстроена психически. Тяжела жизнь советской женщины!

Какого поколения можно ожидать от такой женщины? Сов. женщина — рабыня государства. Она закрепощена и закабалена так сильно и крепко, что только смена сов. системы может освободить ее. В противном случае — самое печальное в будущем ожидает сов. женщину. Советская система требует, чтобы женщина работала везде наравне с мужчиной. И она работает. Плохо, когда женщина бездельничает и живет паразитом за счет мужа. А еще хуже, когда женщина поставлена в такие условия, когда вынуждена без отдыха работать и растить детей.

Если сов. правительство уравняло в правах с мужчиной женщину, то сов. власти для полной справедливости нужно было-бы уравнять мужчин во всех правах с женщиной: обязать мужчин рожать детей, растить их и выполнять кухонную работу. Этого, конечно, сов. власть изобрести не сумела. А поэтому на долю сов. женщины выпала тяжелая ноша. И эту ношу она вынуждена нести. Исключение составляет сов. женщина в сельхозяйстве. В деревне русская женщина осталась попрежнему, какой она была до революции. Она занята дома над приготовлением пищи, уходом за детьми и смотрит за домашним хозяйством. Летом она работает в поле, зимой прядет пряжу и ткет полотно.

Ухудшается положение советской городской женщины тем, что браки чрезвычайно легки и свободно расторжимы. Нравственность-же мужчин, особенно молодежи, очень низка и заставляет мужчин менять

часто жен. Это пагубно отражается на женщине. Это больше всего наблюдается в среде новой советской буржуазии — комиссаров, комкомандиров, разных спецов и высококвалифицированных лиц, получающих высокие оклады жалованья и этим привлекающих, как мух на мед, сов. молодых женщин. Правда, жены сов. буржуазии имеют служанок и не знают тяжелого физического труда. Но это тогда, когда они имеют детей. Когда-же детей нет, семейная жизнь таких женщин неустойчва и шатка: их мужья сегодня могут пойти в ЗАГС и выписаться, а завтра пойти туда и записаться с другой. Сов. буржуазии немного. Впрочем, она растет и увеличивается с каждым годом Высокие оклады жалованья и привилегированное положение заставляют молодежь поддаваться соблазну, чтобы жить лучше других.

Быстрый рост индустрии ежегодно требует миллионов новых и новых рабочих и работниц. Соблазн города велик и магически тянет к себе молодежь из деревни. Деревенская женская молодежь старается не отставать от городской молодежи. Растут новые промышленные города. Пролетарская армия труда увеличивается с каждым годом. Растет и армия женского труда, а вместе с тем и увеличивается рабство сов. женщины.

Общие кухни и столовки пока доступны только советской буржуазии с высокими окладами жалованья. Ясли — тоже. В Сов. Союзе существует купля и продажа. Кто имеет деньги, тому все доступно. У кого их нет, тому приходится жить бедно и скромно, как не живет ни один рабочий пролетарий в Америке.

Освобождение советской женщины наступит тогда, когда рабочий освободится от государственного капитализма и нового рабства.

СОВЕТСКИЕ БРАКИ И ЛЮБОВЬ

В Советской России все старое считается плохим, устарелым, отжившим. Даже то, что вечно остается неизменным, как день или ночь. Легко превратить семидневную неделю в пятидневную, как это сделано в Сов. России. Но не легко превратить ночь в день, заставить луну выполнять роль солнца.

17 лет большевики, взявши судьбу России в свои руки, твердят, что любовь — чепуха, брак — отжившая вещь. Ломали перья, писали и много испортили бумаги, чтобы «научно» доказать, что любовь и брак умерли вместе со старым порядком в России. Но земля попрежнему продолжает вереться вокруг своей оси, дни и ночи чередоваться, молодежь влюбляться и вступать в законный брак. Почему? Да потому, что «любви все возрасты покорны».

Любовь и брак — частное дело. А так как в Сов. России идет обобществление всего производства и всей хозяйственной жизни, то любовь и брак должны соответствовать новым формам общественной жизни.

Так утверждают ученики «научного» социализма Маркса и Ленина. Производственный и общественный интерес должен стоять выше «любовных утех».

Будучи в Сов. России, я заинтересовался этим вопросом и старался выяснить его на месте. Для этого я посещал «Сады отдыха», театры, кино, гово-

рил с молодежью и со взрослыми, наблюдал за жизнью и убедился, что «учение» марксистов - большевиков разлагающе действует на молодежь и тяжелым бременем ложится на семейную жизнь.

Браки легко расторгаются, обязанностей и морали у молодежи нет, старая мораль уничтожена, новая не привита и не прививается. Да новой и нет. Любовь у советской молодежи — колонтаевская, мимолетная, временная, половая, — «захочу — полюблю, захочу — разлюблю. Я сердцем вольна, жизнь на радость мне дана».

В первые годы революции такими настроениями была охвачена не только молодежь Сов. России, но ими были заражены и болели люди средних лет. Даже деревня и та должна была переболеть этой большевицкой болезнью. Муж, проживший 2—3 десятка лет с женой, после легкой семейной ссоры, шел в ЗАГС и «выписывался». Жены проделывали то-же самое. А больше всего при малейших ссорах друг другу угрожали, что пойдут и выпишутся. В деревне считали, что пришел сам сатана на землю и отнял мозги у людей. А потому люди бесятся и творят чортово дело.

Гром перестал греметь, буря гудеть, ливень утих. Наступило затишье. Власть сделала эксперимент «легких браков» и заставила разведенных отцов платить алименты нетрудоспособным женам и на детей. Дело с разводами приутихло и «бракоразводная» болезнь понемногу прошла. В деревне теперь разводы стали редким явлением. Вступающая в брак молодежь продолжает жить по-старому: растить и воспитывать детей. Только детей перестали рожать по

старому — целыми кучами. В семье теперь в среднем трое детей. Для предупреждения беременности применяются и старые и новые способы.

В городах разводов гораздо больше. В беспартийной среде — меньше, в партийной — больше. Самый большой процент разводов — среди молодых партийцев. Последние чувствуют себя хозяевами положения и меняют чаще жен, чем в Америке буржуазия меняет перчатки.

Я видел таких, которые за три месяца сменили по три жены. Это — члены ГПУ и ответственники. В Сов. России женщины уравнены во всех правах, — так говорит сов. закон. А в жизни? В жизни мы видим иное: комсомольцам разрешается носить оружие, комсомолкам — запрещено. Вот вам и равноправие. Что-же получается? А вот что. К улыбнувшейся комсомолке приходит пьяный комсомолец, об'ясняется ей в горячей любви, предлагает пойти в ЗАГС. У нее на это нет желания и она отказывает. Получив отказ, он берет висящий у него сбоку наган и ставит ей к груди с требованием: «ложись добровольно, или убью». Совершив гнусный акт, советский герой удаляется. На другой день он идет к другой, к третьей и т. д.

Привлечь к суду и наказать насильника никто не может: любовь — частное дело и нет статьи в законе, по которой можно было-бы судить подлеца. Нередки случаи, когда комсомолок убивают на месте. Убийцу привлекают к суду и суд, разобрав дело и найдя, что убийца виновен, постановляет:

— Принимая во внимание заслуги в прошлом на ответственном посту в борьбе с «контр - революци-

онерами» за освобождение пролетариата и крестьянства, принимая во внимание, что любовь — дело частное и что убийство совершено на почве ревности и в нетрезвом виде, — подсудимый заслуживает снисхождения и присуждается к 7 годам общественных работ в «Исправительном Доме».

Через 2—3 дня убийцу из «Исправительного дома» берет какое-нибудь советское учреждение, нуждающееся в «незаменимых» и ответственных работниках. Все это делается для отвода глаз. Это знают все. Знают это и комсомолки, и дрожат, когда привязывается к ним не хулиган с улицы, а ответственный и стопроцентный коммунист, находящийся в пьяном состоянии.

Бывает и так: два партийца влюбляются в одну комсомолку. Оба нахально тащат ее в ЗАГС. Каждый из них требует чтобы она шла с ним, а не с его соперником. Комсомолке не нравятся оба и она уклоняется от ЗАГС-а. К ней неожиданно приходит один и застает своего соперника там. Тут советские «герои» показывают себя во всей своей наготе: из них окажется тот рыцарем, который раньше успел пустить пулю в лоб своему сопернику. И в этом случае советский суд поступает так, как с убийством комсомолки. Все те же шаблонные перечисления «принимая во внимание заслуги прошлого» и т. д.

Нередки бывают и такие случаи, когда коммунист, чтобы сойтись с другой и не платить на детей алиментов, просто убивает жену, а суд и в этом случае оправдывает убийцу.

Имеются развратные комсомолки. Но среди последних разврата наблюдается меньше, чем среди

комсомольцев. Долго сов. пресса о разврате молодежи молчала. Разврат рос и процветал. Только на 18-ом году совласти лидеры правящей партии спохватились и забили тревогу. Имена убийц и насильников теперь печатают в газетах, даются советы о любви, браке и семьи.

А. Милюков, партийный организатор со станции Сухотичи, Западной железной дороги, — пишет «Правда» от 13 апреля 1935 года, — в ночь с 27 на 28 марта убил свою мать и смертельно ранил жену. На допросе выяснилось, что Милюков в 1927 году отбыл 7-месячное наказание за ранение из револьвера своей первой жены. Вторую свою жену он ранил ножом в бок. Третья его жена, раненая в ночь на 28 марта, скончалась 2 апреля в Сухотической больнице.

Нередки случаи бросания мужьями жен и детей. Чичеров, член партии, «ответственник», работал в Серпухове на ново-текстильной фабрике, был женат, имел двое детей, и в одно прекрасное время исчез из города, а через год пишет первое и последнее письмо жене:

«Дорогая Елена, я к тебе больше не вернусь. Я жив, здоров, того и тебе желаю. Поцелуй детей. Прощай, дорогая. Искать меня не думай, все равно не найдешь».

Подсчитано, что свыше 200,000 детей в СССР находится таких, как дети Чичерова, брошенных на произвол судьбы («Правда», 11 апреля 1935 года).

Таких примеров в советской прессе в последнее время приведено много. Все они говорят о развращенности молодежи. Пишут и сами комсомольцы.

Женщина имеет широкий доступ во все области труда, науки и общественной жизни, — пишет ленинградская комсомолка Вера Кетлинская. Наши девушки летают на самолетах, управляют производством, ставят мировые спортивные рекорды... Однако мы знаем, что существует и личное счастье... А иногда некоторых девушек постигает горе, личное горе».

И среди наших девушек возникает вопрос:

«Зачем этот обман эта ужасная нечеловеческая ложь»?

Ложь эта выражается в том, что Анна подружилась с комсомольцем Николаем. Мечтала выйти замуж, «создать семью крепкую, здоровую, радостную». Николай думал о другом, оказался «молодцом с гусарскими ухватками» — «обманул, потешился и бросил». Комсомолка Лена подружилась с комсомольцем Колей, последний тоже оказался с «гусарскими ухватками», обманул, заставил «подвергнуться операции», потом стал презирать, бить, издеваться.

В Москве молодые девушки, работающие на мясокомбинате имени Микояна, — читаем в сов. прессе, — квартир не имеют, живут в бараках. По вечерам к ним вламываются ребята. Не хулиганы, а комсомольцы - ударники. Ведут себя с девушками нахально: просто в пальто и сапогах разваливаются на девичьих кроватях. Гармошка, пляска, выпивка, сизый дым, отборная ругань. Вечера часто кончаются пьяным дебошем. Про пьяных комсомольцев комсомолки поют частушки:

«Комсомольцы молодые напиваются,
«Комсомольцы молодые влюбляются.

А чтобы отвязаться от назойливых комсомольцев, комсомолки поют:

«Не ходи ты под окном,
Не звони ты шпорами.
Не морочь мне головы,
Пустыми разговорами».

Хотя воспитатели комсомола редко говорят и пишут слово «любовь», но комсомольцы его не забывают. Комсомолки поют:

«У садочку, в уголочку,
Травушка помятая.
Не работа парней сушит,
А—любовь проклятая».

В учреждениях по найму квартир или подысканию работы комсомолкам говорят: «Выходи замуж и комнату получишь». И смысл этой «шутки ясен»:

— Становись любовницей какого-нибудь администратора — будешь жить у него. Е. Ярославский, лидер Лиги безбожников, недавно в «Комсомольской Правде» писал, что «брать себе жену и воспитывать семью должен не только комсомолец, но и всякий рабочий. Это дело, конечно, нелегкое, пишет он, при нынешних условиях жизни в СССР. «Молодежь должна сочетаться браком, но не слишком рано. Иначе она превратится в моншескую организацию: «Цель брака — дети, за жизнь и воспитание которых отец и мать ответственны». И на вопрос—всегда-ли бывает так? — отвечает: к сожалению, нет. Бывают часто легкомысленные, временные браки, ничего, кроме скорого разочарования и разлада семейных отношений, не оставляющие».

Ярославский указывает ,что брак должен быть

основан не только на глубоком взаимном уважении мужа и жены, но и на равенстве обоих полов. Большевицкие самодуры, считавшие слово «равенство» большим обманом, на горьком опыте убедились, что без взаимного уважения и равенства не может быть счастья в семейной жизни.

«Если любовь вызвана, — пишет проф. А. Форель, — только внешней физической красотой и имеет часто чувственный характер, то она сохраняется обыкновенно не долго. Если же она обращена больше на духовные свойства и основана на согласии мысли и чувств, то сохраняется и в старости».

16. МОЛОДЕЖЬ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Все государства стараются влиять через школу на детей. Каждое государство желает воспитывать детей так, как того требуют его интересы. Капиталистическое государство воспитывает в капиталистическом духе. Демократические — в демократическом. Социалистические — в социалистическом. Фашистское — в фашистском.

Советское государство — «безбожное» государство. Оно воспитывает детей в марксистском и антирелигиозном духе. Капиталистические страны предоставляют право организации частных школ и воспитания в них детей в религиозном, социалистическом или анархическом духе. Днем все дети обязаны посещать государственную школу, а вне школьных занятий дети могут свободно обучаться тому, чему родители желают учить их. Ничего подобного нет и не

может быть в Сов. России. Там право организации и воспитания детей принадлежит только «пролетарскому» государству. Частного воспитания не разрешается. Частные школы строго преследуются, а родителей, посылающих туда своих детей, подвергают суровому наказанию — штрафам, конфискации имущества и ссылке на каторжные работы от трех до семи лет.

При таком режиме, конечно, нет ни одной частной школы в Сов. России. Там есть только государственная школа. В Сов. России всех беспартийных родителей считают людьми со старыми предразсудками. А так как там идет «борьба» государства со старыми предразсудками, то всех детей «пролетарское» государство старается оторвать от опеки родителей, восстановить детей против родителей и овладеть детскими мозгами.

Ни одно государство в мире не восстановляет и не натравливает так детей на родителей, как это имеет место в советском государстве, которое сеет вражду между детьми и родителями. И результаты такой дикой и некультурной работы — самые отвратительные.

Все это делается для того, чтобы им поскорее и легче овладеть детьми и приготовить их на службу государству. Когда-то Ленин на митинге сказал: «Мы, коммунисты, должны учиться ненавидеть». А так как Ленина большевики считают своим земным богом и высшим авторитетом, то эту ненависть они восприняли и проводят в государственном масштабе. Ненависть в Сов. России красной нитью опутала всю хозяйственную и бытовую жизнь всех народностей.

Эта зоологическая ненависть насаждается в школах. Ею одурманиваются юные мозги детей.

Любовь и мораль — буржуазный «предрассудок». Вместо любви и морали насаждается большевицкий принцип, основанный на ненависти и животной борьбе. Вместо закона Божьего поставлены Ленин и Сталин, возведенные в боги. Этим безбожным большевицким вожакам посвящено много песен, которые поются детьми.

Ленин, Сталин и Буденный — вот три большевицких бога сегодня, которых дети должны возносить до небес. Ленина — за то, что «свергнул» царизм в России, Сталина — за то, что провел коллективизацию, Буденного — за то, что организовал красную армию — защитницу «социалистического отечества».

Между городом и деревней Ленин и Троцкий проводили «смычку». Сталин продолжает эту смычку. Но пропасть между деревней и городом осталась. Смычка осталась смычкой, интересы города и интересы деревни остались разными. Советские города, как и города других стран, полны соблазна и разврата. Советская деревня, как и деревня в капиталистических странах, далека от соблазна и разврата. Дети в деревне более спокойны, смирны и не развращены. Они находятся под влиянием и опекой родителей, а не государства. Улица деревни — не улица города. Дух школы в деревне — тот же самый, что и в городской школе. Но влияние школы не то, что в городе. Это — величайшее счастье для деревни, которая сумела за 18 лет не поддаться большевицкому разложению.

Другое дело — город. Там агитация больше-

ков, направленная на оторвание детей от родителей, пустили глубокие корни. Государство, построенное на неслыханной демагогии, лжи и обмане, сделало свое дело. Родители оказались бессильными контролировать своих детей. Государство взяло детей под свою опеку. Городская улица содействовала государству.

С болью в сердце я наблюдал за детьми в сов. государстве. А еще хуже становилось мне, когда горожане передавали о распустве детей, ускользнувших из-под опеки родителей.

Возле 14-ой школы Баумановского района, в Москве, — пишут «Известия» от 3-го марта 1935 года, — имеется пивная, возле которой дети собираются и устраивают «шумные побоища». Участились случаи воровства. Крадут верхнюю одежду, портфели, книги. Крадут шляпы, перчатки. Ученики 4-го класса стащили у своего товарища деньги, которые он получил от родителей на завтрак. Школа существует 2-й год, в ней — 1,800 школьников. Дети учатся в две смены. Школа имеет семь шефов, т. е. семь нянек, а дети остаются без надзора. В школе 19 пионерских отрядов.

В Ростове в школе № 2 имени Крупской срывают шапки с прохожих, а трое из них ухитрились срезать провода и продать их на базаре, — пишут «Известия» от 1-го марта 1935 года. Там-же читаем: «Шесть подростков украли из ростовской школы № 45 — 18 пальто и продали их на базаре. На улицах Новороссийска можно ежедневно видеть группы из 20—30 учеников, играющих в орлянку.

— Драки, удары финкой, подкалывание в школах

Рязани стали не редкими явлениями, — пишет «Комсомольская Правда» от 11-го марта 1935 года: убит пионер Штепа, ударили ножом в руку Октябренка Смирнова. Убийца Штопы Евг. Лупичев, 13 лет, сын коммуниста, управляющего районным отделением с.-х. банка. В Иванове покончил самоубийством ученик школы № 9 Николай Виноградов,—пишет «Правда» от 24 февраля 1935 года. Отец Виноградова, член партии с 1920 года, работает на жел. дор. станции. Мать — домашняя хозяйка. Семья материально вполне обеспечена, но ни отец, ни мать не интересовались жизнью ребенка. Отец часто являлся домой пьяным, мать систематически била сына. Учитель Побединский, у кого учился Виноградов, по сообщению того-же номера «Правды», не мог влиять на учеников. Отдел народного образования не знал, что делается в школе.

Из Московской школы № 1 Октябрьского района бежали на Юг 9 учащихся, в возрасте от 9 до 11 лет. По улицам Омска в 11 часов вечера, — пишет «Правда» от 10 апреля 1935 года, — нельзя ходить: толпы мальчиков плюют в глаза каждому прохожему. На улице Республики дерется группа парней. Хулиганят безпризорники. Они подкололи рабочего Дружинина, который умер в госпитале, они-же делают налеты на квартиры, магазины и склады. Эти хулиганы делают налеты на школы, проломили голову ученику Буянцеву, держали школу имени Вахтова долго на осадном положении...

В рабфаке автодорожного института студенты и студентки уединялись во время занятий в пустовавших помещениях...

В январе на научного работника Ященко напали четверо неизвестных, вырвали из рук портфель и избили, пишет «Правда» от 12-го апреля 1935 года. 18-го марта ночью хулиганы избили и ранили нескольких студентов и студенток. На двух работниц фабрики «Красная Звезда» М. и Г. напали трое неизвестных. Одной удалось убежать, а другая была изнасилована.

Американский телеграф принес новые сведения из Москвы: в одном московском суде (только в одном?!) перед судом предстали 54 юноши. Суд вынес постановление: «Все юноши - преступники, достигшие 12-летнего возраста, подлежат высшей мере наказания, — расстрелу».

Я привел несколько фактов, взятых из советских газет, чтобы показать тем, кто по своей наивности, даже не допускает и мысли о том, что в Сов. России — ужасный разврат среди молодежи. Таких примеров можно было бы привести много. Прежде сов. печать скрывала их. Теперь сама казенная печать открыто говорит об этом. Все эти и многие другие печальные факты говорят о том, что нищета и развращенность молодежи в Сов. России доводят до краж, убийства, самоубийства, подкалывания, бандитизма и так далее. Зло большое и оно пустило глубоко корни. И виновники этого зла — не родители и не воспитатели, как пишет сов. пресса, которая сваливает всю вину на других, а сама советская диктаторствующая система, доведшая страну до разорения и воспитавшая молодежь в хулиганском духе.

Большевики начали сознавать это. В обширной статье «Школа и семья», Л. Сосновский от 6-го марта 1935 года в «Известиях» говорит устами родителя:

— Если вы, целый школьный коллектив опытных специалистов - педагогов, не сумели добиться успешных занятий и хорошего поведения, то что-же могу я, не имеющий ни времени, ни опыта, ни специальных знаний?»

И родители вполне правы. Жизнь поглощает все время горожан и они не могут уделять должного внимания своим детям. Тем более, что советская система все время старалась «освободить» детей из-под «буржуазного» влияния родителей. И «освободила»...

Вот что говорила одна мать учителю о своей дочери: «Повлияйте на мою дочь, чтобы она дома вела себя лучше. Она ни с кем слова спокойно не скажет. Ничего не желает по хозяйству делать, чайной чашки после себя не вымоет». («Известия», 10 марта 1935 года). Это — ученица 10-го класса. Ей уже должно быть лет 16.

Школа советская отталкивает ее от труда и сделала такой дикой, что «она ни с кем слова спокойно не скажет».

В Ленинграде мне говорили мои знакомые, имеющие 17-летнюю дочь Пелагею, что с тех пор, как их Пелагея поступила в Комосомол, они боятся сказать даже слово против нее.

— В чем заключается эта боязнь? — спросил я.

— В том, что она может выдать нас.

— Кому выдать?

— ГПУ.

— За что?

— За ничто... Скажет, что ее родители против советского государства...

— И что-же? — допрашиваю я.

— Пришьют контр - революцию и пошлют на каторжные работы. А то еще поставят к стенке.

— Вы могли не отдать своей дочери в Комсомол?

— Да. Мы это делали. Но к нам частенько придиралось ГПУ, пришивало темные дела, угрожало.

— Значит, вы сами отдали ее в Комсомол?

— Вынуждены были отдать.

— А как вы с ней живете?

— Живем-то вместе, кушаем то-же, спать она идет в свой уголок и все. Днем она учится, вечером где-то гуляет. У нас ничего общего с ней нет.

— Думаете-ли вы, что в Комсомоле плохо воспитывают?

— Разврат там полнейший.

— Чем окончится все это?

— Когда станет совершеннолетней, начнет сама жить, тогда или поумнеет, или свернет себе шею.

Родители девочки — образованные и нравственные люди. Отец — народник. Они и дочери своей старались дать образование, воспитывать ее в хорошем и нравственном духе. Но они не могли этого сделать. Дочь ускользнула из их рук, попала под влияние большевицкой школы и городской улицы.

Я видел Пелагею, говорил с ней. Она худенькая, низкого роста, чернобровая и со сверкающими глазами, большая энтузиастка. Говорит, как попугай, с энтузиазмом о Советском Союзе и строительстве.

Таких в городах насчитываются миллионы. Таково огромное большинство городских детей. Только немногие сумели не подпасть под влияние улицы и комсомольского разврата.

Надо, — говорил Ленин на III-ем с'езде Комсомола, чтбы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической «морали». Мы говорим: нравственность это — то, что служит разрушению старого эксплоататорского общества и об'единению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов».

Передовик «Известий» от 26 февраля 1935 года, цитируя вышеуказанную «мораль» Ленина, указывает, что нужно молодежь именно воспитывать так, как учил «гениальный» Ленин. То, что эта ленинская «мораль» оказалась аморальной, внесла в школу путаницу и посеяла разврат, передовик этого не замечает и старается сваливать все зло с больной головы на здоровую, — на родителей и учителей.

Восемнадцать лет насаждали в школах ленинское разлагающее воспитание. И воспитали детей так, что даже в Москве, под самым носом у Сталина, они хулиганят, устраивают побоища, совершают кражи, убивают одни других.

Не лучше дело обстоит и с педагогами, которые вынуждены работать в две смены, чтобы жить самой скромной жизнью. Педагоги советских школ получают в среднем по 200 рублей в месяц. Если перевести эти деньги на торгсиновские товары, где продают все с'естное, обувь и одежду только на иностранную валюту, то получится, что советские педагоги получают не больше шести американских долларов в месяц.

Тетрадей и карандашей часто не хватает в шко-

ле. Советская бумага очень скверная и педагоги жалуются на то, что школьникам выдают негодные тетради. Педагогов не хватает. Труд педагога в деревне оплачивается еще ниже, чем труд педагога в Москве.

Советское государство взимает большие налоги с крестьян и рабочих. На иностранную пропаганду большевизма тратятся огромне суммы денег. На постройку-же новых школ, на жалованье учителям и на покупку школьных принадлежностей денег нет.

Правда, теперь в СССР есть обязательное общее обучение детей, настроено много школ и число учащихся в них очень выросло по сравнению с довоенным временем. Но это еще не доказывает, что сов. правительство имеет большие заслуги перед другими странами. Далеко нет: в Польше, Латвии, Эстонии, Финляндии и в других крошечных республиках, отошедших от России в 1917 году, то-же введено всеобщее обучение, и процент учащихся то-же увеличился.

Судя по советской статистике, *) количество низших и средних школ по всему СССР увеличилось с 1915 года по 1933 год на 157,2%, учащихся — на 279.6%. В школах и группах начального образования увеличение на 251,2% и в школах и группах среднего образования — на 643,6%.

Всех городских школ по всему СССР в 1933 го-

---

*) Взяты из книги «Социалистическое строительство СССР». 1934 г. Москва. Союзоргучет и из «The Higher School in the USSR», 1933 г., том III.

ду насчитывалось 11,120 с 4.904,161 учащимся и в сельских школах — 156,135 с 16,909, 291 учащимся. Число учащихся в технических школах 43,3% и в сельских школах 18,9%.

Количество Вузов и Втузов (высшие учебные заведения в СССР и высшие технические учебные заведения) возросло с 1915 года на 792% и учащихся в них с 125.000 до 377.000. Техникумы (Технические учебные заведения) увеличились на 258% и Фзу (фабричные заводские учреждения) — с 267.000 до 657,600 учащихся.

Комвузов (коммунистических высших учебных заведений) в 1933 году насчитывалось в СССР 76 с 30,500 учащимися и совпартшкол (советских партийных школ) — 230 с 40.000. Рабфаков (рабочих факультетов для подготовки в Вузы) — 926 с 352,700 учащимися.

Социальное положение вузовцев в 1933 году: женщин — 33%, рабочих — 50.3%, колхозников и крестьян — 16.9%, партийцев и кандидатов — 22,5%. В техникумах: женщин — 31%, рабочих — 41,5%, колхозников и крестьян — 39.8%, партийцев 5.9%. На Рабфаках: женщин — 34%, рабочих — 16,8%, колхозников и крестьян — 21.6% и партийцев 18,2%. В Фзу: женщин — 29.6% и партийцев — 52.6%.

По национальностям: в Фзу русских — 66.4%, украинцев — 17.7%, белорусов — 2,5%, евреев — 4,2% и проч. В техникумах: русских — 58%, украинцев — 15,8%, белорусов — 2,5%, евреев — 5,8% и проч. В Вузах: русских — 56%, украинцев —

15,5%, белорусов — 2,7%, евреев — 12,2% и т.д. Остальные национальности имеют по одному и даже меньше процента.

75% учащихся в Сов. России получают казенные стипендии. Получают они: в высших технических школах от 55 до 175 рублей, в технических — от 40 до 90 рублей и во всех остальных — от 45 до 55 рублей в месяц. Ученики живут в государственных домах и по нескольку человек в комнате.

Преподавание в школах в СССР происходит на 70 различных языках. Такова советская статистика о школах. Но этой статистике верить нельзя — она ложная. Кажется, Аверченко когда-то сказал, что советская статистика — настоящая проститутка. Выражено довольно грубое, но вполне подходящее к советскому правительству.

Конечно, школы общеобразовательные и, главным образом, технические растут с каждым годом в СССР. Следовательно, увеличивается количество учащихся. Государство нуждается в комиссарах и в техниках. И количество их растет. Даже из среды крестьян и пролетариев выдвинулось много техников и комиссаров.

Появляется вопрос: раз государство обучает робочих и крестьян занимать ответственные должности в стране, то, следовательно, пропорционально их росту должна и жизнь в стране улучшаться и строиться на социалистических началах. Ничего подобного не замечается.

КОММУНИСТЫ И ШКОЛЫ

Дети обязаны посещать начальную школу. Не

все имеют право посещать школу второй и третьей ступени. Лишены права учиться дети бывших помещиков, священников, дьячков, «кулаков», лишенных свободы и т. д.

Трудно многим учащимся пробраться в рабфаки (рабочие фаультеты для подготовки в Вузы). Нужно принадлежать к комсомолу, чтобы получить право на поступление в Рабфак. Не комсомольцы не попадут туда. А если чудом и попадают, то ничтожный процент.

Вузы — высшие учебные заведения в СССР. Чтобы попасть в Вуз, нужно родиться от бедных родителей, от коммунистов - большевиков. Тогда будут шансы попасть туда. Кроме того, более способных и активных отбирают в Вузы.

Часто на экзаменах в Вузы многие проваливаются и на тех предметах, которые не имеют никакого отношения к образованию, больше всего — на политграмоте. Нужно хорошо знать политику большевиков, чтобы попасть в Вуз.

Для того, чтобы лучше знать политграмоту, учащиеся должны поступать в Комсомол — Коммунистический Союз молодежи, в котором насчитывается до пяти миллионов членов. В Комсомол начинают попадать дети, только поступившие в начальную школу. Всех детей приглашают поступать в комсомол. На отказывающихся детей и на их родителей делается нажим.

Обычно родители на вопрос Политпросвета (Политическое просветительное управление) — почему не посылают детей в комсомол, — отвечают, что они ничего не говорят детям своим, что им в школе

нужно делать. Они своих детей посылают в школу и не знают — чему и как они там учатся.

Родители не могут сказать, что они против комсомола: это посчитают прямой вылазкой кулака против сов. власти. И за это родители подвергаются аресту, а хозяйства их, если они крестьяне, конфискуют.

Экономические недостатки и политический гнет в СССР настолько велики и видны для всех, что их ощущают не только взрослые, но и дети. Заботы и хлопоты о насущном хлебе, охи и вздохи о тяжелой и беспросветной советской жизни всасываются в кровь и плоть детей еще во чреве матери. Дети понимают все эти недостатки. Из бесед родителей они узнают, почему эти недостатки существуют и не прекращаются.

С другой стороны, дети, посещая школу, слышат разные «агитки» о пятилетках, советских достижениях и т. д. А последние резко расходятся с действительной жизнью. Дети начинают разбираться в этой запутанной советской жизни.

Вот почему часто советская пресса бьет тревогу о недостаточной бдительности за воспитанием детей. Сов. дети в огромном большинстве живут и дышут не советским духом. Они, правда, вынуждены петь советские хвалебные песни и плясать под музыку советскую. Но в душе они с отвращением относятся к этому искусственному воспитанию, которое в корне противоречит реальной жизни.

Этот родительский дух и влияние самой жизни сказываются и на тех детях, которые поступили в Комсомол. Чтобы дать детям образование, многие

родители советуют им поступать в Комсомол. Отцы и матери прекрасно знают, что жизнь сильнее партийных иллюзий, и возьмет верх. Пичкать ерундой юные головы можно. Это делается в буржуазных государствах. В Советском Союзе это делается более организованно и систематически. Но от этого получаются плохие плоды: дети вырастают и жизнь учит иному, чему учили их в школах. Даже там, где политграмоте и коммунизму уделяется максимум внимания, результаты получаются отрицательные. Я говорю о специальных коммунистических высших школах, где пекут стопроцентных коммунистов. В этих школах — комсомол на сто процентов. Да к тому еще передовой, более активный и отборный. Окончившие эти школы посылаются на ответственные коммунистические должности — разными директорами, заведующими, ревизорами, в ГПУ и т. д. Когда их обучали коммунистической теории, большевизм для них представлялся в розовых красках. Им казалось, что стоит только занять важные в государстве должности вместо буржуазных спецов, и коммунизм начнет процветать.

Заняв ответственные должности, они неожиданно для себя наталкиваются на целый ряд препятствий, преодолевать которые у них нет ни сил, ни возможности. Препятствия эти — государственный бюрократизм. Он заключается в том, что учреждений в Сов. России очень много. Чтобы получить малейшую вещь, нужно простой бумажке побывать в целом ряде канцелярий. А так как теперь идет спешно «стройка» второй пятилетки и таких простых клочков бумаги находится в ходу безконечное множество, то по-

лучается, что простой бумажке приходится путешествовать долго, чтобы попасть к месту назначения. По плану нужно выполнить задание. Бумажка путешествует по советским учреждениям. Это сильно раздражает молодых партийных директоров и ответственных работников. Они начинают волноваться, грозить виновникам, требовать аккуратности и т. д. Но воз погрязает в советском болоте, называемом бюрократизмом.

Находят виновных. Производят аресты. Судят. Отправляют от 3 до 5 лет на каторжные работы за «саботаж». Собака собаку пожирает. Ежегодно ведется борьба с раз'едающим и губительным советским бюрократизмом. Почти в каждом учреждении находят «саботажников». Их сменяют ответственными коммунистами. Последние через год или два то же попадают на скамью подсудимых и идут на каторгу.

Вся эта ненормальная волокита сильно бьет по нервам и изматывает силы юных ответственников, взявшихся с энтузиазмом за новую «стройку». Нервное расстройство остро бьет по организму. От переутомления «умственной» работой здоровье надрывается. А в больном организме — больной дух. Наступает советская болезнь и... разочарование. Сомнение появляется обычно тогда, когда было сделано несколько хороших попыток, кончившихся неудачей. Неудач в Советской России много, — жизнь там идет по ложному пути и плодит их. Они-то и вызывают сначала сомнение, а затем и разочарование. Хороший хозяин знает свою лошадь и кладет на нее поклажу в зависимости от состояния дороги и силы лошади.

Советский ответственник — та-же лошадь. Его хозяин — государство, которое не знает меры и силы. И поэтому советский ответственник быстро подрывает свои умственные силы и организм.

Советский Союз — величайшее кладбище. Советские граждане — мертвецы. Годы недоедания, вечная угроза попасть в «контр - революционеры», убийство всякой инициативы, лишение элементарных прав, постоянное требование «подтянуться» и обманные обещания лучшей жизни создали в советском гражданине апатию, породили безразличие и убили всякую веру в творческую жизнь и самодеятельность. Все это не может не отражаться на той многочисленной советской молодежи, которая закончила все учебы и начала жить среди обездоленных, униженных и озлобленных советских рабов.

БУДУЩЕЕ МОЛОДЕЖИ

Когда-то американский президент Абрагам Линкольн, освободитель чернокожих, сказал, что обмануть часть народа можно, можно даже обмануть весь народ, но обманывать весь народ всегда нельзя. В Сезетской России обманут весь народ правящей партией большевиков. И эта партия, очутившаяся обманным образом у власти, обманывает 165 - миллионный народ вот уже 18-ый год. И думает обманывать всегда, всю жизнь.

Народу обещали, когда захватили власть в 1917 году, обещали при первой пятилетке, обещают теперь, при второй пятилетке. Приготовили давно третью пятилетку с новыми обещаниями. Обещали кре-

стьянину землю. Землю он получил, но хлеб, производимый на этой земле, государство забирает. Обещали брать меньше налогов, а с каждым годом берут все больше и больше. Колхознику обещали все земные блага и полную, зажиточную жизнь. На деле-же, колхозник стал полным батраком государства, потерял и то, что имел прежде.

Рабочим обещали фабрики и заводы. Рабочие остались рабочими, старые хозяева фабрик и заводов устранены и поставлен на их место один хозяин — государство. Прежде рабочий добивался права бастовать, организовываться в профсоюзы и улучшать свою жизнь. Теперь и это право отнято у него. Свобода стала «буржуазным предрассудком». Стремление к улучшению личной и общественной жизни считается «контр-революционным», борьба со всем старым идет организованным, государственным порядком. Борьба, борьба, везде борьба со старым. Всех призывают на борьбу со старым государственным порядком, которого уже давно нет. От старых требуют, молодежи приказывают. Старое везде разрушают, а нового создать не могут.

Детям и молодежи большевики хотят доказать, что все старое—плохо, все новое—хорошо. Верить в православных «святых», церковь и в мощи—неразумно и вредно. Верить в Ленина, в его нетленные мощи, лежащие в Мавзолее — разумно и полезно. Верить в пустые обешания Сталина о социалистическом рае — нужно и необходимо. Русский народ давно перестал верить большевицким краснобаям, хорошо зная, что баснями соловья не кормят. Советские дети верили и ожидали увидеть рай.

Время шло. Дети становились взрослыми. Начали жить не старыми думами, мечтами и жизнью, как их родители, а настоящей советской жизнью. И что-же? Стали-ли они лучше жить, больше кушать и лучше одеваться? Ничего подобного! Хлеба насущного не хватало при военном коммунизме Л. Троцкого, когда дети были еще малы. Не хватает его и теперь, когда они выросли и начали жить семейной и общественной жизнью. В одежде и обуви тогда был большой недостаток, но тогда были еще старые излишки. Новой одежды и обуви государство пока не наделало. Хлеб уходил тогда на военные нужды. Теперь он идет на «строительство».

Чтобы узнать все то, о чем думает и мечтает советская молодежь, нужно быть не коммунистом и не приверженцем старого строя. Нужно родиться там, дышать русским духом, смотреть на положение с точки зрения свободы и справедливости, тогда только сов. молодежь откроет вам свою душу.

Советская школьная молодежь настроена про-советски. В деревне с меньшим энтузиазмом, в городе — с большим. Эта молодежь, как и всякая молодежь — не самостоятельна, ибо живет и дышет влиянием школы и среды, в которой она воспитывается. Молодежь эта в возрасте до 18 лет живет за счет родителей и государства, когда учится. Но не вся молодежь имеет возможность учиться. В Вузы и высшие учебные заведения в СССР только незначительная часть молодежи имеет доступ. В городе больше, в деревне — меньше.

Судя по советской статистике, в советских средних школах и в университетах насчитывалось в 1933

году на каждые 10,000 населения 30 студентов. Следовательно, огромный процент советской молодежи не имеет доступа в высшие школы. Большинство молодежи дальше семилетки не идет, т. е. заканчивает свое учение во втором классе старой русской школы.

Быстрый рост советской тяжелой индустрии засасывает молодежь. Беспросветная жизнь в деревне с ее неслыханными налогами заставляет часть молодежи идти в город. Театр и кино тянут в город деревенскую молодежь. Но огромное большинство деревенской молодежи продолжает оставаться на земле, работает в колхозах. Там меньше развлечений и веселья, но за то больше жиров и хлеба.

На фабриках, заводах и в колхозах советская молодежь после 18-летнего возраста с первых лет самостоятельной жизни ощущает все недостатки советской жизни, начинает переносить все тяжести ее на своих собственных плечах, и на практическом опыте убеждается в обратном тому, чему учили ее в школах. И эта суровая действительная советская жизнь оказывается сильнее и убедительнее всяких теорий. Начинается «переоценка всех ценностей». Для молодежи наступают постоянные будни. И чем дальше, тем острее эти будни дают себя чувствовать. Предположение, что советская власть улучшит положение — исчезает. В душе появляется злоба и ненависть к тем, кто не дает жить лучше и свободнее. Эта злоба растет и углубляется.

Свобода, которую советское правительство предоставляет детям и комсомолу, урезывается. Молодежи не дают ни думать, ни жить, ни дышать. Как

и старшие, молодежь берется на учет комячейками, разбросанными везде по производствам и в колхозах. За малейшее проявление недовольства, молодежь подвергается арестам и ссылкам на каторжные работы. А в некоторых случаях еще хуже: высшей мере наказания — смертной казни.

Доказательством тому служит убийство в Ленинграде Кирова Николаевым и расстрел без суда 117 молодых коммунистов в связи с этим убийством. Большинство расстрелянных, как и сам Николаев, — юные коммунисты, бывшие воспитанники советской школы. И это была вторая расправа с бунтовавшей молодежью. Первая вспышка имела место в 1932 году, когда Л. Троцкого выслали за-границу. Тогда было арестовано и выслано до 40,000 молодежи. Все это — цветочки. Ягодки-же впереди. Зло не в Николаеве и не в расстрелах, а глубже, — в самой советской системе, построенной на хитром и неслыханном обмане.

Советская молодежь — не старая молодежь довоенного времени. Она выросла на картошке, в юности пережила тяжелое лихолетие, воспитана против всякой эксплоатации и в революционном духе. И Сталину не удается запугать ее расстрелами: вся молодежь недовольна сталинским гнетом; она ждет удобного случая, чтобы расправиться со сталинским режимом. Темные тучи слишком сгущены и еще больше сгущаются. Недовольство среди молодежи растет и крепнет. И это составляет самую большую опасность для сталинского режима и его диктатуры над пролетариатом.

Когда-то Маркс в расцвет капитализма сказал,

что он роет себе яму и попадет в нее. То же самое можно сказать о большевицком государственном капитализме в России. Капитал в капиталистических странах играет доминирующую роль. Он является настоящим господином и в СССР. Разница небольшая: в капиталистических странах капиталистов много, а в социалистической России — один всемогущий и всесильный капиталист — государство. Принцип заработной платы и эксплоатации трудовых масс один и тот-же. Разница небольшая: частный капитализм огражден законами, государственный-же капитализм не знает никаких ограничений. А потому, он более алчный, ненасытный и жестокий.

Государственный капитализм не терпит ни малейшей свободы и критики. Он с корнем уничтожает всякую оппозицию. Взрослая советская молодежь прекрасно сознает, что ей нужно. Ей все время твердили большевики, что она должна быть хозяином (хозяевами) страны, строить новое бесклассовое общество на социалистических началах, без частной эксплоатации. Из книг и от старших молодежь узнает, что государственная эксплоатация далеко превзошла частную эксплоатацию в капиталистическом обществе.

Хозяин будущей России — русская советская молодежь. Эта молодежь выросла при самых тяжелых условиях и воспитывается революционно. Она закалена в борьбе и ей, кроме цепей, терять нечего. Россия осталась на 80% крестьянской страной. Большинство советской молодежи — крестьянская молодежь, которая мало испорчена властническими тенденциями. Русское крестьянство всегда было наст-

роено против центральной власти. Советская власть не вытравила из молодежи отцовских стремлений. Наоборот, сов. власть подлила масла в огонь: русское крестьянство на горьком опыте убедилось, что даже «рабочая» власть умеет только брать и не давать ничего взамен. Городская молодежь то-же настроена против советской власти. Природа всякой власти: командовать и повелевать. Природа каждого человека — быть свободным и независимым. Русскому человеку, особенно крестьянину, противны всякая власть и понукивания.

Молодежь возьмет свою судьбу в собственные руки и начнет строить свободную Россию на началах кооперации, общественного производства и неэксплоатации человека человеком. Кооперации деревни с городом, свободы организации, собраний, печати, совести, советов на местах и их контроля, — вот чего требует сегодня советская молодежь.

17. КРАСНАЯ АРМИЯ

«Красная армия — наша сила. Красная армия — защитница социалистического отечества. Красная армия — угроза и смерть капиталистическим странам. Красная армия — армия советского пролетариата и крестьянства. Красная армия хорошо вооружена, обучена и готова на бой с врагами. В Красной армии около миллиона лучших стрелков. В случае войны против Союза Советов — мы удесятерим количество красной армии. — На культурном фронте мы всех перегнали. Всех перегнали и в военной

подготовке и тренировке», — так пишет «Молодая Гвардия».

— Прежде норма пехотинца была — 120 шагов в минуту. Иначе говоря: за час — 5 с лишним километров. Эту дистанцию мы покрываем за 25—27 минут.

Хвастовство и хвастовство без края и меры. Такие громкие и хвастливые выкрики часто находим мы в советской печати о красной армии и обороне «социалистического отечества». Хвастовства здесь больше, чем живой действительности.

У большевицких вожаков хвастовство и демагогия в высшей степени развиты и в моде. Но известно, что люди, которые много хвастают своими делами, похожи на пустую бочку. Умные люди всегда скромны и никогда себя не хвалят. Немцы, получившие пять миллиардов франков от Франции в счет контрибуции за «победу» в 1871 году, использовали эти деньги на военные цели, на подготовку к войне. До последней войны Германия была самая сильная и вооруженная страна в мире. Этой силой и военной мощью немцы никогда не хвастали. В Сов. России показного энтузиазма больше, чем во всех остальных странах, вместе взятых. Сегодняшняя Россия — страна колоссального энтузиазма и великих порывов. Но эти энтузиазм и порывы дутые, безжизненные и фальшивые. Под угрозой пули и каторжных работ они искусственно привиты народу, преимущественно молодежи. На штыках, страхе и неслыханной демагогии сидит советская власть с ее диктатурой над обнищалым пролетариатом. Штык и угроза создали в стране такое положение, выработа-

ли такую замаскированную психологию, что все, начиная с детей и кончая стариками, горой стоят за советскую власть и ее вождя Сталина - Джугашвили. Везде и все сильнее стараются выражать свою лойяльность партии большевиков. Это особенно делается публично. Но все это — фальшь. В этой фальши нет ни капельки искренности и народной души. Эти церемонии выражения «верноподданнических чувств» вождю Сталину — мыльные пузыри, дутые для потехи. «Чем-бы ребенок ни тешился, лишьбы не плакал», — говорит пословица. А положение граждан СССР плачевное.

Я был глубоко поражен, когда узнал об этом от самих советских граждан. Даже коммунисты наедине говорили мне совсем не то, что они говорят публично.

Красная армия — народная армия. Она является подлинным зеркалом и выразительницей народной жизни и чаяний. Она живет и дышет тем-же духом, что и русский народ, вырастивший ее. Как при царизме, в Сов. России существует воинская повинность. Достигнувшие 20-летнего возраста здоровые молодые люди призываются в армию. Исключение составляют: дети бывших помещиков, князей, священников, «кулаков» и лишенных права голоса граждан. Последних в красную армию не берут. Они кандидаты на Соловки и в Сибирь на каторжные работы, называемые «исправительными».

Срок военной службы троякий: во флоте — 3 года, в Сибири и на Дальнем Востоке — 4 года, а в остальных местах — 2 года. Дисциплина в красной армии строгая. Военная тренировка выматывает

силы. Каждый день тренировка продолжается до пяти часов. И в течение всего срока службы. Ежедневно 3—4 часа уходят на обучение политграмоте и на разные внутренние работы.

В Красной армии — новейшая техника и приемы. Все новое, изобретенное в области военной техники, воспринимается красной армией и очень тщательно. Но красная армия неуспевает воспринимать все новейшие методы военной техники. Не успев овладеть одним важным изобретением, как за ним, вот, уже появилось другое, лучшее и более соответствующее текущему времени. Красноармейцу приходится поспевать за техникой, выматывать все свои силы. Мне говорили об этом сами рядовые красноармейцы и даже командиры их. Они передавали, что все то, что было ново два года назад и на что они потратили много сил и энергии, теперь устарело и считается негодным.

— А что будет еще через два года с военной техникой? — спросил я одного из командиров полка.

— То-же, что и прежде.

— Тогда зачем так основательно изучать все новейшие изобретения, раз на них приходится тратить много труда, а получать мало?

— Мы лишены права задавать такие вопросы и требовать ответа. Мы выполняем приказание свыше.

— Но вы — партиец и должны требовать то, что лучше для страны.

— На все у нас имеется генеральное задание и план, и партийцы не могут возражать против него.

Крсная армия хорошо вооружена и одета. Крас-

ноармейцы чисты, побриты и сыты. Пайков не знают, нужды в пище и в одежде не ощущают. Они выглядят гораздо лучше и живее, чем остальные советские граждане. Но какая-то придавленность тяготет и над красноармейцами. И это оттого, что они живут в тяжелой окружающей их атмосфере, находятся в неволе, вдали от родных и знакомых. Неприятные письма от родных действуют на них удручающе. Как и прежде, из одной части страны новобранцев посылают на службу в другую часть. В Ленинграде я встретил сибиряков, кавказцев, украинцев, белорусов. В Белорусии — то-же самое. Очень редко можно встретить красноармейца, рожденного вблизи места службы.

По вечерам рядовые красноармейцы и их командиры свободны. В казармах и на постах оставляется только часть, нужная для несения охраны и выполнения внутренней работы. Это — после 10 часов разных занятий. Красноармейцы свободно разгуливают по городу. И не одни, а с комсомолками. Все города переполнены военщиной. Они идут в Сады отдыха, в театры, в кино. Чести командирам рядовые не обязаны отдавать вне службы. Но во время занятий требуется не только знать, как отдавать честь, но и знать, кто низший, а кто высший из командиров. Их узнают по звездочке на фуражке и по нашивкам на груди и на плечах. Это знают даже комсомолки.

Партийцам армейцам разрешается брать наганы, когда идут из казармы в город. Беспартийным запрещается. Все получают по семь рублей в месяц. Этих денег даже на табак не хватает, а курят почти

все. Безденежье и неволя заедают красноармейцев. Они, как птица в клетке, ждут своих сроков, чтобы уйти. Советский Союз — казарма. Но военная советская казарма еще хуже. Краткосрочные отпуски к родным немного оживляют военных. Лучше тем, чьи родители побогаче и присылают рубли. Хуже тем, кто не ждет и не может получить денег.

Судя по речам делегатов 7-го с'езда Советов, закончившегося 6-го февраля 1935 года — в красной армии находится на службе 940.000 человек. Эту огромную армию непроизводителей содержит обнищалая страна, вынужденная кормить и одевать молодых бездельников. Управляется армия «Народным комиссариатом обороны», в котором находятся 63 виднейших представителя военной техники. Во главе всех вооруженных сил страны стоит Ворошилов, правая рука Сталина. Внутри армии имеется «Политуправление армии», состоящее из агентов ГПУ. На обязанности последних, прикомандированных к каждому полку и даже роте, лежит искоренение недовольства и «контр - революционных» выступлений в армии.

В командном составе около 68 процентов партийцев. Среди рядовых — 49 процентов партийцев. Пять процентов единоличников крестьян. Остальные — колхозники и городская комсомольская молодежь. Это — советская статистика. Служившие и служащие теперь в красной армии говорят совсем обратное. По их мнению, беспартийных гораздо больше, чем партийных. Да не в этом суть.

Суть в том, что партийные и беспартийные в армии составляют огромное большинство трудящихся, рабочих и крестьян. Это — сыновья тех родителей,

которые переносят теперь величайший гнет, переживают средневековое рабство и пытки. Красноармейцы, кто-бы они ни были, партийные или беспартийные, страшно недовольны положением, которое существует в СССР. Это недовольство загнано в подполье и существует скрыто. Но живет и множится. Оно стихийно возникает, неорганизованно растет. Большевицкие демагоги чувствуют это и стараются предотвратить его разными агитками, обещаниями, угрозами и жестокими расправами. Недовольство захватило и верхи командиров. Это показывает то, что даже к партийным командирам приставляют отборных агентов ГПУ. Последних часто меняют. Это из-за боязни, что они могут сговориться и делать «контрреволюцию».

К «контр - революционерам» в последние годы прибавились «троцкисты». А они — стопроцентные партийцы. Они — оппозиционеры, недовольные политикой Сталина. Последние являются хорошо тренированными, скрытыми и трудно уловимыми. Их много. С каждым годом их количество растет. В их руках находилось даже ГПУ в Ленинграде, которое Сталин переарестовал, часть расстрелял, а часть выслал на каторжные работы, после убийства Кирова в январе текущего года.

Тщательная бдительность и слежка не только за беспартийными армейцами, но, главным образом, и за партийцами в среде командного состава очень усилилась после убийства Кирова и разгрома Политбюро в Ленинграде. Между командным составом и наблюдающими за ними агентами ГПУ прежде существовали натянутые отношения. Теперь-же они еще

больше натянулись и, конечно, далеко не в пользу Сталин и К-о.

Если говорить в общем о красной армии, то кадры ее мирного состава являются довольно серьезной силой. Если-бы вспыхнула война, то в первый момент вооруженной борьбы она нанесет чувствительный удар противнику. Но это лишь в первый период войны. Позже начнутся серьезные препятствия из-за плохого транспорта, снабжения, продовольствия и т. д. Через 2—3 месяца войны может вы-

В. Ворошилов, советский полководец, грудь в крестах и орденах, как у царского генерала.

литься наружу то сильное и придавленное недовольство, которое таится внутри каждого красноармейца теперь. Это — самая опасная угроза для Сталина. Избежать ее Сталину не удастся, если он будет продолжать и впредь свою дурацкую политику.

Вооружением, тренировкой и искусственно привитым угрозами энтузиазмом врага не победишь. Для этого нужен сильный патриотизм в рядах армии. А его нет. Был-бы он в такой сильной мере, Москва не раболепствовала-бы перед крошечной страной микадо.

— Начнется война и мы перережем всех насильников и возьмем свою судьбу в собственные руки, — говорят теперь в СССР.

— Будет война, будет обязательно перемена, — слышится теперь везде.

— Довольно над нами издевались, мы положим конец этому издевательству, поскорее-бы только война.

Такое мнение возникло несколько лет тому назад. Оно, как зараза, облетело все уголки Советского Союза. Оно возникло стихийно. Стихийно и распространяется. Породили его сами большевики своими жестокостями и безчеловечным обращением с народом.

Сталин и его группа считается самой сильной тиранией в наше время. История-же показывает, что все тираны и душители свободы и правды свергались во время войн. Этого, повидимому, не избежать и Сталину. Русский народ знает это и желает войны, какой угодно войны, но лишь-бы войны. Знает это и Сталин. А поэтому он на словах готов всегда вое-

вать, на деле-же — боится войны даже с Японией.

— Что станет с Россией, если начнется война и будет свержен Сталин и его рабский строй? — спрашивал я многих из военной молодежи.

— Мы расправимся окончательно со своими внутренними врагами и будем до последнего драться с теми, кто посмеет вторгнуться в нашу страну и попробует завладеть ею, — говорили красноармейцы.

— Что вы сделаете на месте Сталина?

— Мы научены горьким опытом и знаем цену всем диктаторам. Мы уничтожим небольшую кучку душителей и угнетателей и образуем Свободный Союз Советских республик, — был ответ.

18. ПЯТИЛЕТКА

Первая пятилетка началась осенью 1928 года и должна была закончиться в конце 1933 года. Закончилась-же на один год раньше. Первая пятилетка наметила централизацию всей индустрии, всего сельского хозяйства страны и увеличения производительности в среднем в пять раз.

Борьба за организованное по плану хозяйство родилась вместе с советской властью. Без плана, утверждал Ленин, немыслима «стройка» социалистического отечества. По плану было намечено: за пятилетие повысить легкую промышленность на 180%, а тяжелую — на 230%. Добычу угля около 40 миллионов тонн в год увеличить до 75 миллионов, нефти — с 11 миллионов тонн до 22 миллионов тонн; чугуна — с 4 миллионов тонн до 10 миллионов тонн. На Путиловском, Харьковском и Сталинградском заводах

увеличить выпуск тракторов с 5,000 в год до 20,000 в год; выпустить 20,000 инженеров, 20,000 техников и 11,000 агрономов. Было намечено сооружение огромных металлургических заводов — Днепростроя (бывший Екатеринослав), Магнитки, Кузбасса Криворожского. В пятилетний план входило развитие химической, одежной, обувной, домостроительной и другой индустрии, в том числе сельского хозяйства.

В 1928 году городское население России составляло около 18%, а сельское — 82%. В это время в Германии городское население составляло около 65%, во Франции — 64%, в Англии — 70%.

По теории Маркса и Ленина, успех социализма возможен только в индустриально развитых странах.

— Мы погибнем, если не создадим тяжелой индустрии, — утверждал Ленин.

— Поднимая и развивая тяжелую индустрию, мы этим опираемся на ее плечи и поднимаем сельское хозяйство, иначе говоря, кладем крепкий фундамент социалистического общества, — утверждали инициаторы пятилетнего плана.

160-миллионная страна превратилась в военный лагерь. Все было организовано, централизовано и направлено для выполнения пятилетнего плана. Слово «машина» стало священным. Все начали работать для пятилетки. За пять лет создадим индустриальную страну. За пять лет поднимем производительность так высоко, что все население страны будет хорошо одетым и обутым, получит вдоволь продовольствия....

— За пять лет мы не только догоним Америку, но и перегоним ее.

Так писали и говорили большевики в России, когда приступали к осуществлению пятилетки. Народ отчасти верил большевкам и усиленно работал для пятилетки. Он голодал, холодал, переносил все унижения и оскорбления от тех, кто толкал его напрячь все внимание и усилия, чтобы провести полностью пятилетку. Кто сомневался в этом, слабо работал и равнодушно смотрел на безумные планы большевиков, тех власть уничтожала огнем и мечом. Пощады не было.

На третьем году пятилетки у большевиков получилось настоящее головокружение от успехов. Страна строилась и росла. Выросли десятки крупных заводов и сотни мелких фабрик. Вместе с ними росли новые промышленные города и увеличивались старые.

Казалось-бы жизнь трудового народа в России, для которого пятилетка строилась, должна материально улучшиться, как это было в промышленных странах. Но в России получилось обратное.

Недоедание, тиф и холера уносили в могилу сотни тысяч людей на Украине, Урале, Волге, в Сибири. в Средней Азии.

Недовольство и отчаяние, вызванные тяжелыми условиями жизни, возросли в народе. Все думали и говорили, что пятилетка несет не довольство, а смерть для людей и гибель для страны.

ВТОРАЯ ПЯТИЛЕТКА

Вторая пятилетка — продолжение первой. 1-ая

пятилетка, по мнению большевиков, положила фундамент для тяжелой промышленности. Вторая-же должна воздвигнуть здание промышленности и вместе с тем завершить постройку нового социалистического общества.

Обманув народ первой пятилеткой, большевики больше уже не обещали полного довольства, а утешали разговорами о том, что «у нас все работают». Рост тяжелой и легкой промышленности в Советском Союзе идет быстрым темпом. Такого быстрого под‘ема и развития индустрии не знает история. Не знает история и таких многочисленных человеческих жертв: на человеческих костях строится «социалистическое общество».

Тяжелая индустрия сконцентрирована в Кузбассе, Днепрострое, Магнитогорске и Криворожске. Легкая — разбросанг по всей огромной стране. Новая промышленность родила 32 новых промышленных города с населением в сотни тысяч душ.

Судя по советской статистике *) производство чугуна в 1913 году — 4,216,000 тонн; в 1933 году — 7,133,000 тонн. Плавка стали в 1913 году была 4,231,000 тонн, в 1933 году — 6,835.000 тонн. Производство чугуна увеличилось на 60.8%, стали — на 56,2%.

В 1934 году насчитывалось 109 доменных и 291 мартеновская печь. Выпущено 145,646 котлов, паровых машин — 28,845, тракторов — 284.000, комбайнов — 33,000, грузовиков — 34,000.

---

*) Статистический ежегодник Цупху Госплана СССР. Союзоргучет. Москва 1934 г.

Добыча угля в 1913 году составляла 29,040,000 тонн, в 1932 году достигла 64,315,000 тонн, и увеличилась на 221%. Добыча нефти в 1913 году составляла 9,234,100,000 тонн, в 1932 году — 21,375,800,-000. тонн. Прежде было электрифицировано 178 городов, теперь-же — 620. Производсто обуви увеличилось в 12 раз. Экспорт в 1913 году составлял 1,250 миллионов рублей, в 1933 году — 495,600 миллионов сов. рублей. Импорт в 1913 году составлял 1,375 миллионов рублей, в 1933 году—около 348,020 миллионов.

В мировой промышленности СССР занимает 5-ое место. Сов. Россия, судя по советской статистике, скоро догонит индустриальную Америку, а социализма в СССР со свечой трудно найти.

Большевики умеют быстро строить, но они-же умеют и разрушать. Например, в течение 1934 года в стране было 62,000 крушений поездов, уничтожено или повреждено 7,000 локомотивов и 64,000 вагонов. С ростом индустрии росло и количество рабочих и служащих, занятых в ней. В 1924 году по всему Советскому Союзу количество рабочих и служащих составляло 8,532,000 человек, а в 1932 году — 22, 942,800 человек. В одной крупной промышленности занято 6,302,600 человек.

Во всей советской промышленности введена пятидневная рабочая неделя. Рабочие и служащие работают пять дней в неделю, а шестой день считается выходным — праздником. Рабочий день в среднем 8 часов. В тяжелой индустрии введен 7-часовый рабочий день.

В последние годы в широком масштабе практику-

ется тейлоровская система, — сдельщина, против которой борются рабочие в капиталистических странах. Советский рабочий устал от недоедания и не может дать той продукции, которую дает сытый рабочий в капиталистических странах. Но сов. правительство не хочет считаться с этим и требует увеличения продукции.

В Сов. России также везде введено соревнование — кто больше и скорее выполнит задание. На соревнование один завод идет с другим заводом, фабрика с фабрикой, колхоз с колхозом и т. д.

Это нелепое и детское соревнование сильно отразилось на качестве продукции. Машины выпускаются плохие, быстро изнашиваются, портятся. Средняя заработная плата рабочего в легкой промышленности — 115 рублей в месяц. В тяжелой — 321,4 руб.

Оплата производится по труду. Квалифицированные рабочие, техники, инженеры и комиссары получают за свой труд в несколько раз больше, чем чернорабочие. Равенство оплаты труда, выдвинутое Русской Революцией, Маркс и Ленин считали обманом. И получается: кто больше зарабатывает, тот в лучшей квартире живет, чище одевается, жирнее питается.

Месячная заработная плата чернорабочего в 1934 году составляла 60 рублей. На эти деньги рабочему трудно сводить концы с концами.

Наблюдая за жизнью советского рабочего, я пришел к заключению, что семейный американский безработный, получающий помощь из городской кассы, имеет больше хлеба, жиров, обуви, одежды и лучшую квартиру, живет гораздо обеспеченнее, чем пос-

Группа ударников-большевиков на работе.

тоянно работающий советский чернорабочий. В хлебе, одежде и обуви в СССР ощущается острый недостаток. Пройдет еще несколько таких пятилеток, а нужда в предметах первой необходимости не исчезнет, если положение дел будет так продолжаться.

Пятилетка подняла индустрию и повысила продукцию, но от этого жизнь сов. рабочего не улучшилась, а скорее всего ухудшилась. Улучшится-ли она в будущем — вот вопрос, который мучит советского рабочего и крестьянина. Это уже не говоря о миллионах человеческих жертв, принесенных во имя пятилеток. Зачем и кому нужны были эти миллионы жертв? Америка и другие промышленные страны росли и процветали без этих жертв. Польша, например, и другие Прибалтийские страны, отошедшие от России в период русской революции, строили и продолжают строить индустрию в своих странах без шума, бума и колоссальных человеческих жертв.

Городское население в Сов. России составляло в 1914 году 24,686,600 душ, в 1933 году оно возросло до 39,739,200 душ. Таким образом, мы видим, что несмотря на колоссальный рост тяжелой и легкой промышленности и постройку новых городов, население городов СССР меньше одной четверти всего населения. А это показывает, что Советский Союз, попрежнему остается страной земледельческой, а не промышленной.

19. СОВЕТСКАЯ ВОДКА

Вводя монопольную продажу водки в России, при царе, Витте расчитывал на продажу 44 миллионов

кварт водки в год. Распродавалось гораздо больше. По смете 1925 года, сов. правительство расчитывало продать не 44 миллиона кварт, а 75 миллионов кварт рыковки, такой-же сорокаградусной и горькой, как царская водка.

Восстанавливая царскую монопольку, совправительство ожидало получения 500000,000 рублей от водки на свое существование. В 1924 году в Сов. России было выпито 800,000 ведер водки, в 1925 году — 4,100,000 ведер, в 1926 году — 20,500,000 ведер. Росло количество и выпиваемого в России пива: в 1924 году было выпито 17,200,000 ведер, в 1925 году — 20,000,000 ведер, в 1926 году — 31,-000,000 ведер и в 1927 году — 32,000,000 ведер. В 1927 году в среднем выпивалось 125 бутылок на душу. В 1925 году в одном Ленинграде от пьянства умерло 85 человек, в 1927 году — 292; в 1927 году отравилось водкой в четыре раза больше, чем в 1925 года, — 21,5%. В одном Ленинграде в это время насчитывалось до 900 пунктов по сбыту рыковки.

Статистические данные говорят, что на 100,000 населения в Ленинграде умирало 6.4 душ от алкоголизма в 1925 году, в 1926 году — 10,9. Число задержанных в пьяном виде в Ленинграде увеличилось с 2,088 человек в 1923 году до 11,000 в 1924 году, до 21,000 в 1925 году и до 95,000 в 1926 году. Вместе с увеличением заболеваний и смертных случаев от алкоголизма росли преступность и хулиганство. Пили и продолжают пить в СССР не только взрослые, но и малолетние дети. Пьянство в первые годы введения рыковки в СССР разлилось широкой волной по

всей стране. Для «борьбы» с пьянством совправительство организовало так называемое общество трезвости, в котором насчитывалось до трех миллионов человек. Совласть одной рукой насаждает пьянство в стране, а другой — пробует тушить пожар керосином.

С 1928 года совласть перестала опубликовывать статистику о водке и пьянстве в СССР. Повидимому, устыдилась своих собственных дел. Подлинный социализм борется против всякого насилия, эксплоатации, рабства, за свободную и трезвую жзнь. В Сов. России ничего подобного нет. А раз насаждается рабство, то необходимо иметь и пьянство, облегчающее власти задачу управления пьяным народом.

Мои наблюдения в СССР показали, что в стране производится много водки и не ведется никакой пропаганды против того, чтобы люди меньше пили, перестали совсем пить. И это понятно: винтрест, изготовляющий рыковку и вина, дает стране больше дохода, чем несколько других трестов вместе взятых. Водка оказалась прибыльной статьей дохода.

— Пьем мало и редко, но пьем от поры до времени, — говорили мне и в городе и в деревне.

— Зачем советское правительство производит и продает везде водку, которая притупляет мозги, а не просвещает людей? — спросил я у гида в Ленинграде.

— Советское правительство — рабочее правительство. Оно ведет пропаганду в прессе (?) против пьянства, рабочие пьют мало: цены на водку высокие и они не в состоянии пить. Пьют спецы, техники и другой несознательный элемент. Они зарабатывают

больше и в состоянии пить. Не делай наше правительство водки, они-бы сами делали самогон, как делали его в первые годы революции и пили-бы худшую водку, а государство от этого не имело-бы никакого дохода. Когда этот чуждый революции элемент станет сознательным, он престанет пить, как перестали пить мы, коммунисты.

— Но и коммунисты пьют, — вставил я.

— Пьют те, которые недостаточно уяснили себе коммунизм и не отрешились от старых вековых предрассудков.

Только наедине, в интимной беседе, когда, кроме советских мух и тараканов, никто не слышит, мне говорили и партийцы, и беспартийные, и крестьяне, что советская власть мало заботится о просвещении народных масс, а больше всего о том, чтобы продержаться как можно дольше у власти.

20. ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО СССР

Со дня захвата власти, в интересах ее укрепления, партия большевиков организовала «Политическое бюро», первым председателем которого был Ленин. В этом бюро находится 9 старых членов партии большевиков.

Это то Политбюро, которое в ноябре 1917 года об'явило «диктатуру пролетариата», ставшую вскоре диктатурой над пролетариатом. Политбюро фактически является высшей верховной властью. «Президент республики» Калинин, или премьер - министр Молотов (председатель совнаркома) лишь простые выполнители воли Политбюро, или вернее главы его—Сталина.

В самом начале Октябрьской революции, коммунисты выработали конституцию для России. В силу этой конституции, вся власть в стране принадлежит Всероссийскому с'езду советов, созываемому раз в году. Этот с'езд выбирает Центральный исполнительный комитет, во главе которого, по сов. конституции, стоят по очереди представители «9-ти Союзных республик». Публике фактически известен только один из них, -- Калинин.

Фактически с'езды, однако, созываются крайне нерегулярно: между последним и предпоследним три с половиной года перерыва. За 17 лет в Сов. России было созвано всего 7 с'ездов. Последний Всесоюзный с'езд советов состоялся в феврале месяце 1935 года при участии около 2.000 делегатов. Этот с'езд избрал Исполком из 607 человек.

СОВЕТСКИЕ РЕСПУБЛИКИ

России давно уже нет. Имеется — СССР — Союз Советских Социалистических Республик. Только иногда называют — Сов. Россия. Реже — в России, чаще — за рубежом.

Сов. Россия подразделяется на 11 больших республик и 7 малых. Автономия в этих республиках сводится к праву пользоваться местными языками и к праву руководить здравоохранением. Вся остальная политическая и решительно вся хозяйственная жизнь подчинены центру — Москве.

Всесоюзный с'езд советов избирает ЦИК—Центральный Исполнительный Комитет автономных республик, в который входят 150 человек. Кроме рес-

публик, Сов. Россия делится еще на целый ряд автономных областей и округов.

Всесоюзный ЦИК назначает народных комиссаров — министров. Фактически все назначения зависят от диктатора Сталина. Как и при царизме, все должности занимаются назначенцами, хотя их и называют избранными «волей народа». Все чиновники подчинены центру и должны беспрекословно исполнять волю диктатора.

С'езды советов — только ширма для прикрытия большевицкой партийной политики. В Сов. России существуют советы на местах, но они бесправны. Чтобы иметь право, нужна свобода слова, печати, собраний, неприкосновенность личности и т. п. Большевики ничего этого не признают. За малейшую устную критику, сов. гражданину грозит ссылка от 3-х до 7 лет и даже высшая мера наказания — смертная казнь. Существуют фиктивные выборы в советы Партия заранее назначает кандидатов из своих партийцев, или беспартийных, из'явивших согласие стать членами партии. Последних нарочно оставляют без партийных билетов, чтобы показать, что они — «беспартийные» и подлинные представители народа.

Комедия выборов разыгрывается в следующем порядке Сгоняют на собрание, на котором оглашаются имена намеченных большевиками кандидатов.

— Кто против такого-то, товарища? — спрашивает председатель собрания.

Все молчат. Председатель приказывает секретарю записать в протокол, что «избран единогласно».

Если-бы кто осмелился возразить против «кандидатов», то такого смельчака через несколько дней

арестуют и без всякого суда и следствия сошлют на каторжные работы.

Сталинская система породила невиданный бюрократизм. В Сов. России больше чиновников, чем в нескольких европейских странах вместе взятых. В одной Москве насчитывается до 300,000 чиновников. В тяжелой промышленности их насчитывается 847,400 человек. В учреждениях, ведавших выдачей хлебных карточек, на 1-ое января 1935 года числилось 50,000 чиновников. И оказывается, что чем больше чиновников, тем хуже для населения. Бюрократизм породил хвосты, очереди на станциях, в поездах, в лавках, на почте, в парикмахерских, в банках, словом, — везде и всюду.

21. СТРАНА БЕСПРАВИЯ

Стоит только двум советским гражданам пойти в ГПУ и сказать, что такой-то гражданин, скажем, вчера в беседе сказал, что Сталин своей коллективизацией не улучшил положения в стране, а во много раз ухудшил, или что партия большевиков ввела в стране такой режим, где граждане советские потеряли даже ту свободу, которая была при царизме, и невинную жертву ночью возьмут и без всякого следствия и суда вышлют на каторжные работы.

Возьмет более года, пока родные или друзья невинно арестованного через партийцев узнают — за что арестовали и кем был сделан донос. А таких доносов делается много в Сов. России. Преследованиям подвергаются не только беспартийные, но и честные партийцы. Об этом ежегодно пишут глава-

ри партии, когда производят чистку членов коммунистической партии.

«На «Русском дизеле» комиссия по чистке, — читаем мы в сборнике статей «Первые итоги чистки партии», издание Партиздат 1934 года, — исключила старого рабочего, мастера - литейщика Кузьмина. Когда его в партию принимали, то его портрет был помещен в газете, его чествовали, и сейчас также дали его портрет в газете, но уже не хвалили, а «расписывали» совсем в другом стиле. Какие же обвинения ему пред‘явили? Платил он членские взносы 9 руб. в месяц, а потом потребовали с него еще 6 рублей, потребовали неправильно, вопреки Уставу. Тов. Кузьмин сказал, — и правильно сказал, — что больше он платить не должен. Но ячейка отказалась принимать от него членские взносы, ему было пред‘явлено обвинение в нарушении дисциплины».

Другой случай там-же: «В Волховском районе исключили председателя колхоза Боголюбова. Что с ним сделали после исключения? Его сразу раскулачили, составили опись имущества, решили обложить его хозяйство. У него сын коммунист и две дочери комсомолки, так и их сняли с работы.... за связь с чужаком. Мы занялись, — пишет комиссия по проверке чистки, — проверкой правильности этого решения. Спрашиваем у председателя комиссии по чистке: «За что вы его исключили?» Отвечает: «За то, что общественное стадо свиней не разводит, а у себя три свиньи держит». А после проверки оказалось, что у Боголюбова даже не три свиньи, а одна. Я говорю:

— К одной свинье придрались, а вы не знаете,

что мы хотим, чтобы у каждого рабочего была свинья?

— Да у меня самого есть свинья.

— Ну вот, а ты хочешь чтобы у крестьянина не было свиньи, и придираешься, как к кулаку.

— А у него хороший дом.

— А тебе что нужно, чтобы у него дом развалился?

Поехали туда выяснить, в чем дело. Оказалось, Боголюбов из бедной семьи, но при советской власти построил себе хороший домишко; да и не у него одного, а и у других колхозников в этом селе есть хорошие дома. Вот как поняли лозунг т. Сталина о том, чтобы сделать каждого колхозника зажиточным».

Еще один пример. Дело было в 1927 году, когда по программе Ленина разбивали деревни и села на хутора. Один крестьянин имел 200 рублей золотом. По закону он мог вложить, использовать их на расширение хозяйства. Так он и сделал. Он построил на отведенном хуторе новый домик и покрыл жестяной крышей. Местная комячейка через год дом забрала себе, а хутор крестьянина передала ближайшему колхозу. Владельцу-же дома и хутора отвела хутор в лесу и приказала жить у соседа в одной хате, в которой помещалось 13 душ. Крестьянин, видя, что над ним издеваются, решил не стеснять соседа и поселился в доме знакомого, бездетного.

За ослушание этого крестьянина и его жену выслали в ссылку в Архангельскую губернию на лесные работы. Жена в дороге простудилась, заболела воспалением легких, стала чахоточной. Видный и «незаменимый» доктор, брат высланного крестьянина, по-

ручился и выписал на свой счет больную жену брата. Сделал он это во имя троих детей, оставленных на произвол судьбы. Он больную взял к себе в качестве служанки, лечил ее и вылечил через три года. Об успехе своего метода лечения доктор рассказал молодому медику - коммунисту. Тот донес в ГПУ и выздоровевшую женщину забрали и отправили опять на лесные работы. Через шесть месяцев эта женщина заболела и умерла. Муж-же ее умер на 2-ом году ссылки.

При поддержке доктора и других родных оставленные дети растут и учатся теперь. Мальчику уже 18 лет. Он в комсомоле. Когда я его спросил — знает-ли он о трагедии своего отца и матери, он ответил, что хорошо знает и никогда не забудет того злодеяния и издевательства, которые были совершены над его отцом и матерью и совершаются над многими другими, такими-же невинными крестьянами как и его отец и мать.

За-границей распространено такое мнение, что Ленин был добрый коммунист, хотел сделать так, чтобы рабочие и крестьяне жили лучше. В Сов. России знают Ленина и его идеи лучше, чем знаем мы за рубежом. Вот что говорят в Сов. России о Ленине и его идеях:

«Хороший человек был Ленин. Очень жаль, что он умер. Лучше-бы жил, а его идеи умерли».

ЗА ОДНОГО УБИТОГО КОМИССАРА УБИВАЮТ 10 НЕВИННЫХ

Правящая кучка большевиков совершенно обнаглела, одичала, озверела. Она дико, безчеловечно и

зверски расправляется с беззащитным и безоружным русским народом. Для своей самозащиты она прибегает к средневековому средству, — без суда, пачками расстреливает невинных рабочих и крестьян. За одного убитого коммуниста берут вблизи места убийства 10 молодых и здоровых людей, и публично, на глазах тысяч рабочих и крестьян, женщин и детей, насильно согнанных на сход, расстреливают.

В 20-ом веке даже дикари в африканских джунглях подобных мерзостей и зверств не устраивают. — Советский Союз — это страна полного беззакония и произвола. Там издано так много разных законов - декретов, что даже передовой партиец не знает, какой из них последний, на который нужно опираться. И если дело доходит до обвинения или защиты, то получается полнейшая неразбериха. Обвинить каждого легко. Оправдать труднее: требуется длительная советская волокита по учреждениям. В результате получается: осужденного оправдают, но его семью и хозяйство, если он—крестьянин, совершенно разорят. Наказать-же виновных за разорение не удастся: они к этому времени уйдут из учреждения, переведутся, а их место займут такие-же «ответственники», которые не меньше сделали вреда другим, чем прежние.

Возьмем для примера исключение колхозников. Вот что «Правда» от 10 августа 1934 года пишет:

«Колхозник Гончаров, Тихон Федорович, из колхоза «Путь Ленина», Манычской МТС, Азово-Черноморского края, серьезно заболел. Правление колхоза, не долго думая, исключило его из колхоза. Бывший

ударник, работавший честно и преданно, оставлен без всякой помощи и внимания. Другой случай. Колхозник Мозговой из колхоза «Путь Ильича», Иллийского района, Алмаатинской области, по условию с председателем правления ушел в город на заработки. К чему-то придравшись, правление исключило из колхоза Мозгового и его жену. Когда жена стала протестовать, то ей заявили: «Разводись с мужем и подавай заявление в колхоз, тогда примем, а раз муж не работает, то и тебе в колхозе нет места».

За малейшую провинность, а иногда без всякой причины, люди пачками выбрасываются из колхозов. Такие факты имели место в Новоанненском, Даниловском и Калачевском районах. Районные организации в два счета проштемпелевали списки исключенных, а их жалобы путешествуют из канцелярии в канцелярию.

За последнее время случаи незаконных исключечений из колхозов участились, к исключениям подходят чрезвычайно легкомысленно».

Вот типичный пример произвола, о котором я узнал от крестьян. Под давлением невыносимого обложения налогами, 75-тилетний крестьянин соглашается вступить в колхоз. Дело было весной. От него требуют зерно на посев. В колхоз требуют — овес, лен и картошку. Крестьянин имеет только немного картошки и овса. Ему говорят, чтобы он купил остальное зерно. Но у него нет денег. Что-же получается? А вот что: на третий день его изгоняют из колхоза, как «злостного кулака», не желающего внести зерно на посев. Взятые в колхоз ко-

рову, коня, свиней и двух овец, не считая воза и всего, что было в хозяйстве, ему не возвращают. Забрали, конечно, все постройки, оставив лишь одну хату и сени. Два пуда хлеба и пол-пуда сала тоже забрали и не вернули. К тому-же, его лишили всех прав и ему нельзя находиться в пограничной полосе, в ста километрах от границы.

— Меня на старости лет поставили в такое положение, что хоть живым полезай в гроб, которого даже не из чего сделать, — говорил мне седой и измученный крестьянин. — Но я не пал духом, начал хлопотать, добиваться прав, зная, что меня разорили незаконно. Мой 18-летний сын заставил меня это сделать.

Вот результаты: дело в суде тянулось один год и два месяца. Высший суд слуцкого района признал незаконным поступок сельсовета, разорившего его, и присудил вернуть пострадавшему 800 рублей за все взятое для колхоза. Взято-же было, судя по оценке сельсовета, на 9,500 рублей. Одна лошадь оценена в две тысячи рублей, корова — в 1,500 рублей. Кроме того, его 18-летнего сына через неделю после изгнания из колхоза осудили на 10 лет по той-же статье, по которой судили отца: за несдачу зерна на посев колхозу и за «кулацкие тенденции». Суд, признав незаконным раскулачение старика, тем самым признал незаконным осуждение и 18-летнего юноши.

Этот невинный юноша проработал в ссылке один год и три месяца на прорытии Поволжского канала и был возвращен на 16 месяце заключения. За это время из него каторжным трудом, без всяких жиров, на хлебе и воде, советская власть успела высосать

все соки, оставив только один скелет. Не будь кожи на нем, его все кости, кажется, разсыпались-бы в прах. Таких примеров можно было-бы привести много. Миллионы молодых, сильных и крепких людей, лучших крестьянских сыновей, сосланы сов. властью на каторжные работы. Все они — крестьяне-бедняки.

КРЕСТЬЯНЕ НА ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТАХ

До коллективизации многих крестьян расстреливали. Делалось это с той целью, чтобы запугать остальных, заставить их молчать и покорно выполнять все обязательства перед государством. А обязательства эти таковы: побольше давать государству податей и не роптать на жизнь. Позже советские самодуры, которые сидят в Кремле и пекут законы и приказы, немного поумнели. Крестьян перестали ставить к стенке. Только в редких случаях делается это.

Крестьян начали ссылать на принудительные работы. От этого государство получает пользу. Ссыльные крестьяне, выполняя каторжные работы, приносят государству доход. У крестьян сильные мускулы. Эти мускулы, эту простую физическую силу в Москве решили использовать. Для чего? Для проведения железных и шоссейных дорог, прорытия каналов ,для постройки мостов, для рубки леса и других работ.

И начали брать крестьян. И продолжают брать и отправлять в отдаленные места целыми эшелонами. Москва нажимает кнопку, районное начальство, как солдаты во время тревоги, встают на ноги и отправ-

ляются в деревню за добычей. Добыча — это крестьянские мускулы, нужные государству.

Поздней ночью, когда крестьяне спят крепким сном, ГПУ врывается в крестьянскую избу, приказывает кормильцу семьи одеваться. Никто не имеет права не подчиниться «рабочему государству». Крестьянин знает, чем это пахнет. Он лениво со вздохом встает и одевается. Он собрался и начинает прощаться с женой и любимыми детьми, вставшими при входе непрошенных гостей. Стоны и плач оглушают избу. Хозяина дома насильно выталкивают оружием чекисты из избы, а жене и детям ставят ультиматум, что если они не успокоятся, немедленно будут истреблены огнем и мечом. Перед страхом смерти они успокаиваются. Ранним утром, словно по телеграмме, вся деревня уже знает, кого взяли. И все гадают, поставят-ли взятых к стенке, или вышлют в ссылку.

Взятых на крестьянских возах, как дрова, привозят утром на ближайшую железнодорожную станцию, бросают в заготовленные скотные вагоны и днем отправляют туда, куда из центра приказали. Только через 2—3 месяца от них получается письмо: родные и дети узнают, где находится их муж и отец. А через год узнают, сколько лет им придется пробыть на каторжных работах. Через месяц, или два повторяется такая-же процедура. Районы получают наказы опять дать такое-то количество «рабсилы». Едут в деревню, берут и дают. В каждой деревне я старался узнать, сколько уже взято и сослано крестьян. Крестьяне неохотно говорят об этом. Особенно, когда не знают человека. Но я привозил

приветы от родных из Америки и говорил им, что находящиеся в Америке родные хотят знать все, что делается в деревне. И только тогда они мне говорили с тяжелым вздохом, а многие со слезами, когда были наедине. В присутствии других даже плакать в СССР опасно и рискованно. Этим можно навлечь гнев и подозрение ГПУ. В 11 деревнях я насчитал 154 взятых в ссылку. По меньшей мере, 14 взято из деревни. А в одной деревне насчитали 29 человек, среди них четыре партийца, геройски боровшихся с поляками и «белогвардейцами» и получивших за свою геройскую работу особые значки и уменьшения податей от сов. власти. В среднем приходится 14 человек на деревню. В числе 154 — 27 женщин. Средний возраст ссыльных — 34 года. Самым старшим из них — 54 года. Подавляющее большинство — советская молодежь в возрасте 27 лет. Много и таких, которые еще не отбыли воинской повинности — в 19-20 лет

Взяты они все не потому, что за ними числились какие-нибудь государственные преступления, а просто потому, что государству нужна «рабсила». Под этим предлогом отчасти раскулачивают и ссылают. Никакого суда над ними не делается в районах. Да и за что их судить, когда они ни в чем не виноваты. 44 из 154 давно не писали родным. А это значит, что они не выдержали тяжелого и голодного режима и ушли из этого мира. Писать полагается раз в месяц.

Читал я десятки писем ссыльных и ужасом веет от них. А с некоторыми лично говорил. Только немногие сумели вернуться: это те крестьяне, кото-

рые оказались неправильно раскулаченными и те, которые отбыли по два-три года каторги и вернулись на родину из далекой Сибири.

В Белорусской деревне, считающейся самой отсталой в России, меньший процент «контр-революционеров». Многие деревни на Полтавщине, где было сильное партизанское махновское движение, просто разорены. Там процент ссыльных в несколько раз больший, чем в Белорусии. Трудно сказать, как велико количество ссыльных в СССР. Власти скрывают это. Во всяком случае их не менее трех миллионов. Городских рабочих в ссылке тоже много. Пожалуй, больше, чем крестьян. Особенно много комсомольцев — оппозиционеров. А об анархистах и социалистах и говорить не приходится. Они уже давно томятся в разных ссылках и многие из них умерли и умирают от чахотки и цынги. Имеются еще и такие заключенные, которые находятся на местах. Каждый губернский и уездный город имеет заключенных.

В гор. Слуцке их насчитывается 600 человек обоего пола, в Бобруйске — 150. В прежних тюрьмах они только ночуют. Днем выполняют государственные работы. Обычно до двух месяцев находятся под строгой охраной и конвоем, а потом распределяют на работы без конвоя. Но они, как невольники, вынуждены выполнять определенные работы ежедневно и являться на ночь в тюрьмы и бараки, специально построенные для них.

Партиями их гонят на работы и обратно. Молодежь здесь преобладает. Живут на полуголодном пайке, работают по 8 часов в день. Срок заключе-

ния — от одного до двух лет и за разные преступления. Половина срока снимается тем, кто исправно выполняет задание «рабочего» государства и не протестует против нищенского пайка. Заключенным полагается полный паек, а дают всего полтора фунта хлеба, три кусочка сахару, кипяток и тарелку супа с гнилой рыбой. Выглядят ужасно худыми, тощими и вялыми. Если сравнить количество сов. ссыльных с числом ссыльных при царском режиме (мартовская революция 1917 года застала и освободила 600,000 царских каторжан), то получится такой итог: советская власть побила рекорд жестокого режима Николая «кровавого».

ЖИЗНЬ ССЫЛЬНЫХ

Я в ссылке не был и не видел, как там живут ссыльные. Но я, будучи в СССР, встречал многих, которые были в ссылке. Они, хотя и неохотно и боязливо, передавали о том, как жили там. Ссыльные в СССР делятся на две категории: «свободно-ссыльных» и принудительно ссыльных. К «свободно ссыльным» относятся такие, которые высылаются из центра в отдаленные места России. Эти ссыльные оставляются там на «свободе» и могут свободно умирать, так как им, как ссыльным, трудно достать какую-либо работу. Периодически они обязаны являться в ГПУ и давать знать о себе, что они еще прозябают на этом свете.

Принудительно - ссыльные находятся в казармах, как солдаты, под конвоем и наблюдением обязаны выполнять работы, возложенные на них. Таких

ссыльных называют в СССР «рабочей силой» или «гражданами на исправительных работах». Советская власть думает этим превратить своих непокорных граждан в покорных. Сроки всех ссыльных от трех до 10 лет. Выдержит организм ссыльного тяжелый климат и каторжный труд на полуголодном пайке, — отпустят домой после истечения срока. Будет точно и полностью выполнять работы на 90 проц., срок сокращается.

За выполнение задания по сооружению Беломорско - Балтийского канала, построенного ГПУ, освобождены 12.484 ссыльных и сокращены сроки наказания 59,516-ти другим. Невыполняющим задания, сроки ссылки увеличиваются. Нередки случаи, что отбывшим дают еще столько. За что — никто не знает. Работа всех ссыльных определяется сдельно. Сдельщина во всей индустрии введена в СССР.

Введена она и среди ссыльных. Это с той целью, чтобы поднять производительность, падающую ежегодно. За определенную работу полагается определенный паек. За невыполнение задания, лишают пайка. Мало того, над людьми поставят агента ГПУ и вы будете голодный работать безпрерывно 24 часа, пока не выполните задания. Рабочие на «воле» в СССР не имеют достаточно жиров, нужных для организма. Все жиры государство высылает за-границу. Советские каторжане имеют еще меньше их. А без масла и машина не работает. Немногим ссыльным присылают жиры из деревни родные. По 8 кило (20 фунтов) разрешается посылать в месяц и 75 рублей деньгами. Полученные посылки ссыльные вынуж-

дены использовать сообща: их негде спрятать и все равно соседи украдут.

Среди ссыльных много женщин. До коллективизации женщин в СССР арестовывали редко. Последние много шумели и отстаивали свои права и права своих мужей. С 1929 года начали наравне с мужчинами арестовывать и женщин. Значит, уравняли женщину в «правах» с мужчиной.

Один 20-летний деревенский юноша пробыл 1 год и два месяца на принудительных работах в гор. Коврове, Иванопромышленной области, в 45 километрах от Москвы, по прорытию канала Волга—Москва-строй. Работали по 10 часов, 6 дней в неделю, а седьмой день — слушали лекции и изучали политграмоту. А последнее — хуже физической работы, говорил юноша. Каждый видит и знает, как нагло врут большевики, но обязан слушать — иначе лишат пайка.

Полагается два раза в неделю мясо. Но его не дают. Местное начальство само пожирает. Инспекция посещает раз в месяц. Почти у каждого спрашивают, получает-ли он в пищу то, что полагается. Каждый должен говорить «да». Ибо сзади наблюдает «свой» комиссар и тому, кто осмелится сказать правду, зададут больше задания, отнимут паек, а на паспорте отметят, что «задания выполнял плохо, вел себя скверно». И таким сроки увеличиваются. Легче верблюду пролезть в ухо иголки, чем сов. каторжнику добиться «прав». Пища каторжан состоит: 1 кило хлеба; если задание выполнено на 100 проц., то каша, рис, чечевица и чай. Изредка — суп с гнилой рыбой. Мяса и жиров никто не видит.

На прорытии канала Волга — Москва работало 135,000 человек. От 35 до 50 лет немного. Большинство — молодежь. Заключенные, как солдаты, распределены на роты и батальоны. Встают и становятся на работу по свистку. Оканчивают работу не в одно время. Более здоровые — раньше, слабые — позже.

— В нашей роте, — говорил бывший ссыльный, — было 300 человек. Все молодые, здоровые, отборные, но худые, усталые и измученные от недоедания.

От сов. каторжан требуют окончания работы во время. Не все справляются. Из этого образовываются «прорывы». Эти прорывы распределяются на могущих работать. А так как прорывов много, то работа все увеличивается и увеличивается, — говорил мне деревенский юноша, отца которого «раскулачили» за то, что не хотел итти в колхоз.

76-летнего отца оставили на «воле», а его, 19-летнего юношу, выслали на каторгу. Отец добился пересмотра дела, район рассмотрел и нашел, что раскулачен неправильно и подлежит восстановлению. Отцу вернули хозяйсво, сына освободили. Пока это было сделано, взяло ровно 14 месяцев.

— Смертных случаев много было в вашей роте? — спрашиваю я юношу.

— В зимнее время доходило до 50 в месяц.

— Отчего?

— От простуды и недоедания.

— Кем заменялись они?

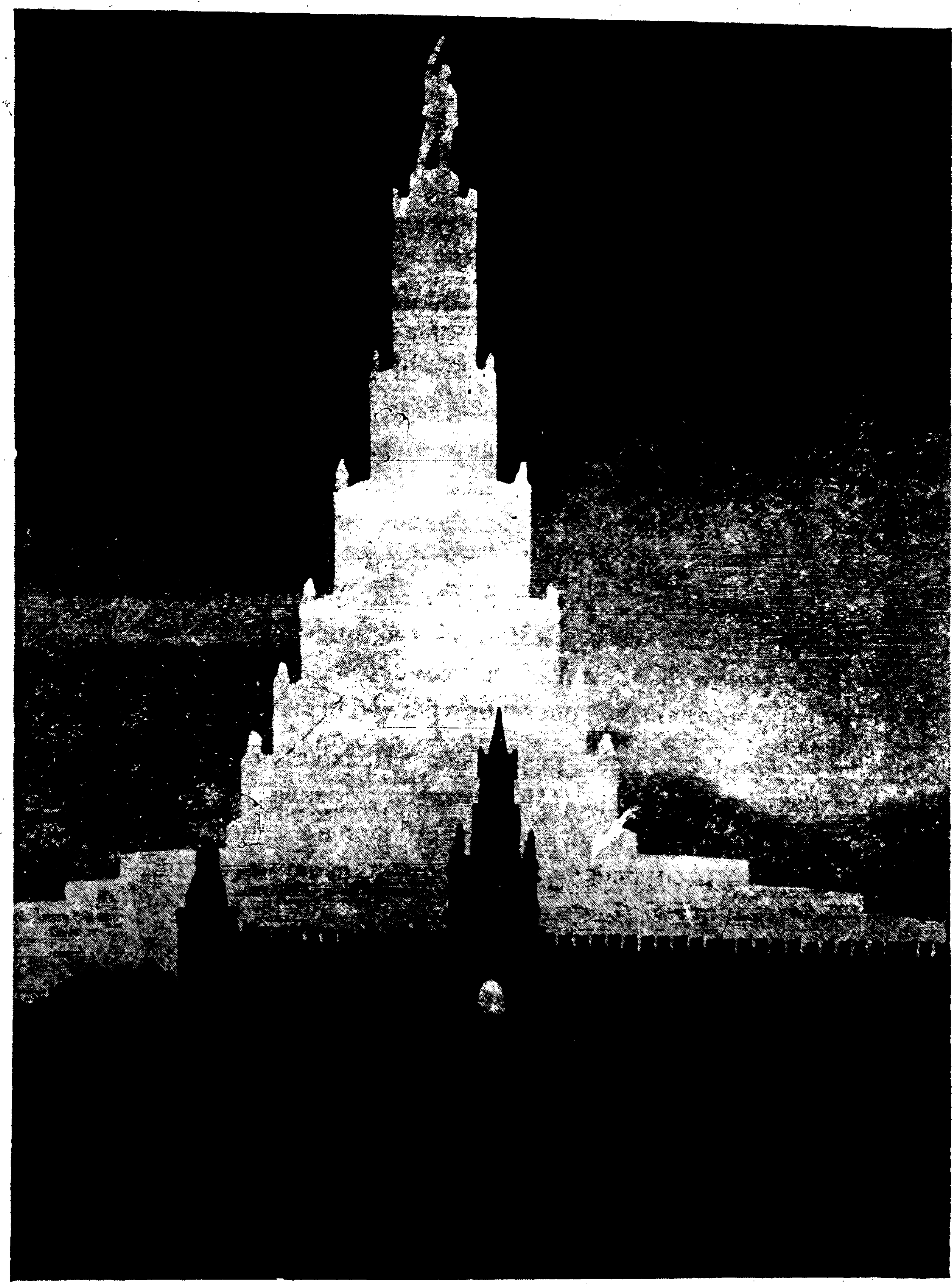
— Новоприсылаемыми.

По его словам, сотни падали с тачками и летели

в пропасть. Раненых посылали в лазарет, убитых — складывали в заранее вырытый ров и засыпали землей. Были и такие, которые совсем отказывались итти на работы и брать пищу. Их били, искусственно кормили, но они одно твердили: «не виноваты, работать не будем». Таких было в их роте три: — два украинца и один белорус. В очередях за кипятком и пищей ежедневно простаивали до трех часов. Одежды и обуви не дают. Заключенные спят на соломенных матрацах и в плохо отапливаемых бараках. Грязь, вши и болезни — неотступные спутники ссыльных. При хорошем питании задание можно было-бы выполнить за 8-часовый рабочий день. Но часто приходится работать по 12 часов и больше, и с трудом выполнять задания.

Сов. каторжанам разрешается писать к родным раз в месяц и получать ответ два раза. Одежду и обувь тоже можно получать. Больше шансов продлить жизнь имеют те, которые получают пищу, одежду и обувь от родных.

Я видел ссыльных из Амурской области, с Соловков, из донецких шахт. Сов. каторжане расположены в нескольких крупных пунктах. На работах по прорытию каналов, рубке леса, в шахтах и проведению железных дорог. В каждом пункте сотни тысяч каторжан, а в Амурском пункте свыше одного миллиона. На прорытии метро в Москве работало не меньше 300,000 каторжан. Метро начинается в центре Москвы и кончается в г. Дмитрове, центре хлопчатобумажной индустрии. Вот, главные лагери ссыльных: Соловецкий, Самарский, Дмитровский, Северо-Уральский, Кантурский, Амурский.

Сов. Вавилонская башня — проект Дворца Советов в Москве.

22. БУДУЩАЯ СОВ. РОССИЯ

Сов. Россия в настоящее время разбита на множество национальных республик, образованных Москвой в период гражданской войны для того, чтобы получить доверие у народов, находившихся под гнетом царизма. Центр сов. республик — Москва, «столица всех столиц». Советская Москва, как и царская Москва, является авторитетом и хозяином всех сов. республик. Общегосударственное законодательство, денежная система, армия и флот, почта, телеграф, радио, железные дороги и образование полностью находятся в руках правящей Москвы. Даже промышленность, сельское хозяйство, печать, торговля и народный быт далеко не самостоятельны в этих дутых и фиктивных советских республиках.

Автономность сов. республик выражается в языке и здравоохранении. Но и здесь Москва косвенно влияет, указывает и ограничивает фонды, не давая автономным республикам развернуть свою самостоятельную работу. Самодержавие сов. Москвы давит и угнетает независимые сов. республики не меньше, чем царская Москва давила и угнетала те окраины, которые отпали от России. И против сов. Москвы, как против царской Москвы, угнетенные народности продолжают вести борьбу за свою полную независимость. В будущем может получиться так, что окрепшие сов. республики уйдут из-под власти угнетающего центра Москвы. Эти национальности, естественно, захотят быть вполне и во всем независимыми от Москвы. Без Москвы на месте лучше знают, как устроиться и управлять своими делами, а не быть

всегда на поводу у далекой Москвы, не знающей народных нужд и чаяний.

Тяжелым налоговым бременем и руководством Москвы недовольны все народности, населяющие СССР. Неслыханный гнет, давление и вытекающие из них голод и обнищалость, созданные Москвой, остро ощущают все народности и с большим трудом переносят те, которым Москва обещала много, но дать ничего не дала, а все забрала и самоуправно продолжает брать под предлогом, что все это делается для общественных нужд, для улучшения положения в стране, для торжества и победы социализма. Борьба за полное освобождение национальностей и раскрепощение трудящихся идет уже несколько веков. В «единственной стране социализма», Сов. России она тем более усиливается, так как там центр тяжести сильнее бьет и давит все национальные и народные стремления к независимости и свободе. Может случиться так, что сов. республики, отойдя от Москвы, в интересах своего развития, образуют Свободную Федерацию Советских Республик, о которой мечтали М. Бакунин, П. Кропоткин и левые народники.

В настоящее время Москва пугает все народности, населяющие Сов. Россию тем, что, мол, нужно теснее быть об'единенными с Москвой, иначе внешний враг придет и раздавит всех, отнимет то, что было завоевано революцией. Но это — политический конек, на котором Москва думает ехать дальше и продолжать свою политику угнетения и подчинения себе. Нет никакого основания думать, что какая-нибудь другая страна рискнет напасть на Сов. Россию, чтобы откромсать от нее такие огромные и

богатые части, как Украина или Восточная Сибирь. Такие страны рискуют падением своих теперешних правительств. Русский народ не отдаст своей земли и фабрик, дорого стоющих ему, иностранным капиталистам и купцам, торгующим честью и совестью. Он даст отпор всем иностранным вторженцам. Русский народ не только не боится войны, но он жаждет и ждет ее со дня на день. И не потому, что он одичал и хочет крови, нет — он хорошо знает, что во время войны — только благодаря ей — свергались корононосцы, падали жесточайшие тираны, падет и советская «диктатура», недающая трудящимся России свободно жить, развиваться и дышать. Москва — это знает и старается избежать войны какой-бы то ни было ценой.

Возможен и совершенно иной исход — более легкий, безкровный и безболезненный. Это, — когда Москва сознает, учтет горький опыт прошлого, предоставит русскому крестьянину распоряжаться своей землей, а рабочему — управлять фабриками и заводами так, как они найдут лучшим в интересах города и деревни. Правящая большевицкая головка уже теперь говорит о реформах. Большевики даже частично делают это, дав, например, крестьянам возможность распоряжаться оставшимся от внесенного государству налога хлебом, а рабочим — покупать его по мере надобности и возможности. К тому же, Москва на последнем 7-ом Всесоюзном С'езде заговорила о тайном голосовании и уравнении в правах крестьян с городскими рабочими. Москва получит поддержку от своего трудового народа и вместе с

тем, трудящихся всего мира, если пойдет навстречу трудящимся России.

Но ожидать этого от большевиков вряд-ли можно. Марксисты - большевики скорее всего сломят себе шею и будут выплеснуты народной волной, как и все правители, но не дадут народу того, что обещали и что он по праву должен иметь. Каковой-же должна быть будущая Россия? Когда говорят о необходимости свержения большевиков в России, то обычно на смену им выдвигают две формы государственного управления: монархическую и демократическую. Государственники дальше этого не идут: они — или монархисты, или буржуазные демократы, или — нечто промежуточное — либералы. Известная часть населения тоже смотрит на вещи с подобной-же точки зрения. И это вполне понятно: человеку, мало задумывающемуся над социальным вопросом, кажется, что, кроме монархизма, демократии и большевизма, ничего другого нет на свете, что эти три формы правления должны чередоваться между собою: если падет одна, то на ее место должна появиться другая.

Почему большевицкий строй в России не годится? Потому, что он построен на государственном рабстве, насилии, гнете и не признает свободы и равенства. А монархизм? Монархизм отжил свое время, устарел, одряхлел и ему место в историческом музее, а не в жизни XX-го века. Демократизм? Демократия, построенная на частном производстве и добровольном рабстве, создала мировую депрессию, переживаемую нами, сконцентрировала все богатства той или другой страны в руках небольшой кучки

капиталистов, с одной стороны, и породила огромную безработицу, народную нужду и нищету, с другой.

Сменять большевицкую систему на монархическую или буржуазно - демократическую — равносильно тому, что прыгать из огня да в полымя. Это — невыгодно и неразумно. И прогрессивно настроенные массы не пожелают этого делать. Они будут добиваться такого общественного строя, при котором никто не будет править людьми ни рублем, ни дубьем.

Человечество на протяжении долгих веков борется за полное политическое и экономическое раскрепошение людей, за такой порядок жизни, при котором народ получит максимум свободы и право распоряжаться своим собственным трудом. И монархизм, и демократия, и большевизм не признают политического и экономического равенства. Не признают свободной и довольной жизни для всех, живущих под солнцем. Демократия, конечно, лучше монархии. Мы жили в России при монархии, живем теперь в Америке при демокртии и знаем, что значит та или другая форма правления. Во многих странах существует демократическая форма правления. Мы сами живем в такой стране. И что-же мы видим?... Видим-ли мы довольную и благоустроенную жизнь всего населения? Нет, мы этого не видим. Наоборот, на каждом шагу бросается нам в глаза иная картина. Мы видим миллионы бедных людей решительно выбитых безработицей из колеи жизни. У этих людей нет никакой твердой почвы под ногами и нет ничего отрадного впереди. Будущее их темно, настоящее — беспочвенно. С другой стороны, мы ви-

дим огромные богатства, принадлежащие небольшому количеству лиц. Там, в стане богатых — довольство жизни бьет через край. Там люди пируют и веселятся за счет тех, которые недоедают и живут в чрезвычайно плохих условиях.

Можно-ли такой строй, где одни живут за счет других — назвать идеальным, соответствующим времени и прогрессу? Нет. Следовательно, и такой строй непригоден для замены большевицкого режима. Нужен какой-то другой строй, который вмещал-бы в себя и в широком понятии свободу и в глубоком смысле — равенство. Где, в самом деле, искать эти новые, эти неизвестные формы жизни? Пробовала-ли какая-нибудь страна в мире, или народ, провести эти подлинно гуманные формы в жизнь? Почему они не были проведены? Думают-ли — русский народ, рабочие и крестьяне и передовая интеллигенция, — провести эти формы в жизнь? Свободны-ли они это сделать теперь? Чему учит нас история вообще и история революции — в частности? Что наметила русская революция в первые годы и почему не были осуществлены те лучшие, возвышенные человеческие идеалы, к которым стремятся лучшие люди всего мира?

Совершенно нет надобности странствовать в поднебесьи, или ударяться в фантазию, ища ответа на поставленные вопросы. Ответ — притом весьма исчерпывающий — на все эти вопросы дает сама русская революция. О русской революции написаны горы книг. Все политические деятели, облагодетельствованные или обиженные этой революцией, не упустили случая, чтобы рассказать нам о событиях 1917 года. Каждый политический деятель, конечно, опи-

сывает революцию с своей точки зрения, но поразительно, что во всех этих описаниях отсутствуют указания на стремления и чаяния широких слоев населения.

Чего население ждало от революции, чего оно требовало, к чему стремилось в момент революционного взрыва, — об этом не говорится в книгах политических деятелей. А между тем, это — смысл и сущность революции, и этого никому ни на минутку не следует упускать из виду. Революция — не праздный парад. Она начинается передовой частью рабочих, сознавших свои рабочие интересы, и направляется против тиранов и эксплоататоров, увлекая своими освободительными лозунгами тех рабочих, которые несознательно, рабски преклоняются перед своими господами. Интересы всего трудящегося народа в революции весьма просты: улучшение жизненных условий. Ни рабочие, ни крестьяне никогда не увлекались теми или иными политическими доктринами, они в этих доктринах весьма слабо разбирались, но они прекрасно понимали, что им нужно и как можно улучшить свою жизнь. Рабочий понимал, что если доход от предприятия будет идти не в карманы отдельного хозяина, а всем тем, которые заняты в производстве, то от этого его положение, а вместе с тем и положение всех рабочих, станет гораздо лучше. Отсюда — фабрики рабочим.

Крестьянин знал, что если земля будет принадлежать не отдельным помещикам, а всем крестьянам, то нуждам, бедствиям деревенского населения наступит конец. Отсюда — земля крестьянам и всем, кто

желает трудиться на ней. Вот истинный смысл народной революции.

Русская революция в первоначальной своей стадии пошла по линии материального благоустройства широких слоев населения. Большевики воспользовались гражданской войной и направили ее по ложному пути, — по пути интересов партии, а не интересов трудящихся, — и как только они падут, революция вступит на свою прежнюю дорогу и завершит то, что она не успела завершить в 1917 году. После падения царского самодержавия, крестьяне и рабочие почувствовали, что они больше не скованы цепями, и по всей необ'ятной стране начали зарождаться ячейки: в городах — фабрично - заводские комитеты, в деревнях — сельские советы. Эти ячейки, задушенные впоследствии большевиками, и есть основа будущей России.

Население, прежде всего, организуется по роду занятий: рабочие создадут производственные союзы, а крестьяне — селько-хозяйственные коллективы. Но так как в жизни играет роль не только производство, но и распределение, кооперация, товарообмен и т. д., то само собой понятно, что население не остановится на производственных об'единениях, а начнет организовываться по месту жительства, т. е. создавать свободные артели, коллективы, кооперацию, коммуны и т. д. В районные коммуны будут входить разные об'единения: производственные, распределительные, научно - образовательные, спортивные, художественные, общественных служб и т. д. Районные коммуны сольются в стройную, без централь-

ного давления, федерацию; районные федерации создадут областные федерации, губернские и т. д.

Никаким политиканам, никаким эксплоататорам тут места не может быть. Все должны будут трудиться, устраивать лучшую личную и общественную жизнь так, как кому захочется при условии, чтобы без гнета и обмана других, без наемного труда и рабского подчинения одних другим.

В свободном обществе, где труд и распределение товаров будут находиться в руках самих трудящихся, государство отпадет, как ненужная вещь. Вместе с государством отмирают и все органы насилия. Свобода слова, печати, собраний и организаций будут предоставлены каждому гражданину, и каждый будет чувствовать себя свободно — на работе, дома, на собраниях и т. д. Все граждане будут пользоваться одинаковыми правами и каждый человек будет сознавать, что его счастье заключается в счастье всех, таких-же свободных, как и он, людей.

18-летний опыт жизни в Сов. России без царя, помещиков и капиталистов научил трудящихся России многому и они прекрасно знают недостатки советского государства, а потому учтут все прошлое и сами трудящиеся постараются делать меньше ошибок, а самое главное — не доверять больше своей судьбы разным политическим проходимцам и шарлатанам, строющим свое благополучие на несчастьи других. Сделать это в России можно очень легко. Там нет частных капиталистов, нет фабрикантов и торговцев, нет помещиков, князей и графов, нет классов, богатых и бедных, — в Советской России теперь все бедняки и нищие. Привилегированная груп-

па партии большевиков, в чьих руках находятся бразды правления страной, не составляет и двух процентов всего населения, она ничтожна по своему количеству и ее, эту новую советскую аристократию, легко можно будет устранить, подчинить той свободной общественной жизни, которая заменит большевицкую тиранию и рабство государственного капитализма, построенного на лицемерии, лжи, обмане, угнетении и эксплоатации трудящихся.

Огромная армия русской молодежи, воспитанная большевиками за 18 лет в таком духе, что будущее должно принадлежать молодежи и труду, только и ждет удобного момента, чтобы свергнуть верхушку советской аристократии и провести в стране лозунги народовластия, свободы и равенства. При большевиках Россия технически заметно строится и обновляется. Правда, строительство это происходит каторжным трудом и стоит русскому народу много миллионов жизней. Народы России это видят и знают. Они также знают, что Петр Великий, в начале 18-го столетия, перестраивавший Россию по образцу западных стран, ушел из этого мира, но все то, что было построено им «на человеческих костях», осталось для страны и новые поколения им пользуются.

Резюмируя сказанное выше, можно с уверенностью сказать, что будущее Советской России в — федерации свободных советских республик России. Будущая свободная Россия немыслима без следующих реформ:

1. Установления общественного производства и справедливого распределения предметов потребления.

2. Равных прав для всего населения, т. е. права

избирать на местах своих заводских и сельских представителей путем тайного и явного голосования.

3. Права организации политических партий и религиозных сект.

4. Свободы слова, печати, собраний и организации для всех, кто стремится жить индивидуально, коллективно, или коммунально без наемного труда и насилия над другими.

5. Фабрики и заводы передаются под контроль и в управление тех, кто в них работает (рабочих, инженеров, техников, всех трудящихся). То же самое делается с железными дорогами, водными путями, почтой, телеграфом, телефоном и другими общественными службами.

6. Земля принадлежит всем, кто на ней желает трудиться. Покупка и продажа ее не допускается. Распределением заведуют земельные комитеты.

7. Раскрепощение крестьян от налогов, колхозников и совхозников от советского батрачества. Допускается индивидуальная, коллективная и коммунальная обработка земли.

8. Устанавливается товарообмен между городом и деревней на справедливых товарищеских началах.

9. Самоуправление страной организуется по принципу снизу вверх, а не сверху вниз, как это делается у большевиков.

10. Путем сельских, фабричных, районных, областных и губернских с‘ездов устанавливаются связи и вырабатываются способы самоуправления национальностей в Союзе Советских Федеративных Республик.

11. Центральный Исполнительный Комитет является органом, который исполняет решения и постано-

вления всех с‘ездов в стране. Это—не руководящий, а только осведомительный орган в стране, подобно бюро погоды и различным другим бюро в университетах и лабораториях, занимающихся исследовательской работой.

12. Вместо регулярной армии вводится военная тренировка всего населения для стражения внешнего врага.

13. Школы, больницы, театры, библиотеки и т.п. создаются на добровольные взносы всех граждан и принадлежат всем на равных правах.

14. Свобода выбора профессии и право передвижения с одного места в другое.

15. Упраздняются тюрьмы и ссылки. В свободном обществе все будут сыты и главные побуждения к преступлениям исчезнут.

16. Взаимопомощь, уважение, братство и любовь лягут в основу новой свободной жизни. Старые лозунги: «люби друг друга», «поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали другие с тобой», «желай другому того, чего желаешь себе», «не вреди другим», «защищайся», — будут осуществлены на деле.

Россия показала, что она вполне может жить без коронованных царей. Она-же покажет, в это я верю и к этому стремится русский народ, — что она сможет обойтись и без навязанных ей «коммунистических» диктаторов — Ленина, Троцкого, Сталина и других. Русский народ сумел освободиться от татарского ига, царей, графов и помещиков, он сумеет освободиться и от большевицких диктаторов. Царская Россия умерла, но остался 170-миллионный русский

народ. Россия за последние 18 лет пережила то, чего не переживала ни одна страна в мире. Русский народ, поэтому, закален в борьбе за кусок хлеба и лучшую жизнь. Он научился и знает цену свободе, рано или поздно освободится из под ига большевизма, станет самым свободным народом в мире, и покажет на примере другим народам путь к освобождению от всякого рабства, насилия и капитализма.

23. В КУЗНЕЦКСТРОЕ

На обратном пути в Америку со мной едут из СССР три семейства финнов, всего 13 душ, и два американских инженера-«спеца», проживших в СССР 3 года. Финны были землеробами в Южной Дакоте, а инженеры — из Детройта, Мич. Все они были в возрасте около 55 лет. Я долго беседовал с ними на пароходе и узнал, что финны — выходцы из России — имели свои большие сельские хозяйства в Дакоте, жили недурно и имели возможность даже посылать своих детей в колледж. Но они были введены в заблуждение советской пропагандой, продали свои земли и уехали на старую родину, находящуюся возле Ленинграда, забрав с собой своих уже взрослых детей. Три года финны промучились в советском «раю» и с помощью спрятанных долларов, купили билеты и теперь возвращаются обратно в «капиталистический ад».

Прожив в Америке по 30 лет, а на советских пайках по три года, американские землеробы глубоко разочаровались «совраем» и спешат обратно в Америку, чтобы не потерять американского гражданства.

Дети-же этих землеробов, зараженные большевизмом еще в Америке, напичкали свои юные головы совагитками в СССР и сейчас наивно, как попугаи, твердят, что в СССР теперь правда плохо, но что совласть наладит хорошую жизнь для всех. Однако, вопреки своим заявлениям, они все-таки не пожелали оставаться в раю, а ушли в Америку.

— Зачем-же вы возвращаетесь в Америку, раз вы верите в советский строй? — спрашиваю я их.

— Мы не хотим потерять американского гражданства; едем всего на несколько лет, а за это время жизнь в Сов. Союзе улучшится, и мы опять поедем туда, — получил я ответ от молодых американцев, родители которых дали мне пояснения:

— Они молодые, жили за счет родителей и не знают, что собой представляет советский труд и как трудно прожить на советских харчах. — Чужими руками жар загребать хорошо, а пусть попробуют своими загребать, тогда узнают, где раки зимуют.

Ехавшие американцы работали спецами в Кузнецкстрое, в одном из крупнейших промышленных центров железоделательной индустрии, расположенном в Сибири. В начале 1931 года оба американца были расчитаны Фордом при временном закрытии его фабрик, а осенью того-же года, по рекомендации инженеров, изучавших машины на фордовских заводах, уехали в СССР «спецами». Один из них, поляк по рождению, зарабатывал у Форда до 200 долларов в месяц. В Америке им всем обещали платить по 200 долларов в месяц в СССР. Когда-же они сели на пароход, им вручили контракты, в которых было сказано, что они будут получать не по 200 долларов, а

по 200 рублей в месяц с правом повышения жалованья и с правом для советского правительства аннулировать контракт, если американцы окажутся не подходящими.

Кузнецкстрой — новый промышленный город. В нем построен огромный чугуннолитейный и сталелитейный завод с числом рабочих свыше 40,000 человек. Завод, по рассказам американцев, выполняет задания на 80%. В нем устанавливается 15 мартеновских печей, из которых уже 8 работает. На этом заводе работает около 100 человек иностранных «спецов».

На третьем году работы оба американца оказались активистами и получали жалованья по 480 руб. в месяц каждый. Жалованье цехового сов. механика — 350—500 рублей, помощника — 175 рублей, бухгалтера — 350 рублей и чернорабочего — 75 рублей в месяц. Жалованье высших сов. инженеров — 900 рублей в месяц.

При заводе построено до 200 каменных бараков в 4 этажа каждый и по 40 комнат на каждом этаже. Иностранные спецы помещены в отдельном особняке и живут под усиленным наблюдением Гепеу. Каждому из них дано по одной комнате с мебелью и со всеми удобствами; семейным дается по 2—3 комнаты. За комнаты и уборку в них платы с иностранных спецов не взимается. Все спецы чисто одеты и вызывают этим большую ненависть у русских. И, несмотря на строгую охрану, у иностранцев часто крадут платье, которое в СССР ценится чуть-ли не на вес золота.

В сов. лавках за костюм с иностранцев берут

100 рублей, за ботинки — 50 рублей, за фунт сливочного масла, которое на рынке стоит 36 рублей, взимают 6 рублей. Спецам - иностранцам полагается один костюм на 6 месяцев, и пара ботинок на три месяца. Русские спецы получают все эти блага раз в три года, и поэтому заводят дружбу с иностранцами и покупают от них одежду и обувь.

— Просто было стыдно смотреть на оборванных не только русских рабочих, но и инженеров, — говорят американцы.

Для иностранцев имеются специальные столовые, в которых чисто и полно всего с'естного. За плотный завтрак взимают 1 рубль, за обед и ужин — два рубля. Иностранцы питаются хорошо, но русские — даже инженеры получают очень мало жиров и питаются много хуже, чем чернорабочие в Америке. А о советских рабочих и говорить не приходится. Они живут очень плохо, получают по 2 фунта хлеба в день, по тарелке супа без жиров и по селедке в день, при чем последние выдаются не аккуратно. Обувь и одежда их — нищенская, изношенная, оборванная.

Производительность на заводе очень низка. Голодные и истощенные рабочие не могут производить много. Везде неаккуратность и беспорядок, у всех опускаются руки. Никому не хочется не только следить за порядком и усердно работать, но даже нет охоты просто жить и голодать.

Заводом управляет Гепеу. Режим ужасный. Иностранных и сов. спецов приглашают на заводские собрания и требуют давать советы, как поднять производительность и наладить работу без перебоев,

т. е. так, чтобы завод работал постоянно, без остановок, которые затягиваются на 1—2 месяца. За простой никто из русских не получает жалованья. Иностранные-же спецы всегда имеют работу, так как их переводят с одного места в другое.

За критику американцев, советских инженеров или механиков, а особенно партийцев, виновных удаляют с работ под предлогом сокращения штатов. Это делается и с советскими беспартийными инженерами. Беспартийные не пользуются у Гепеу доверием. В Гепеу имеются молодые сов. инженеры, которые хотят провести свои планы и этим выдвинуться. У них вся власть.

Гепеу строго запрещает иностранным спецам разговаривать с русскими рабочими. Нежелательных иностранцев провоцируют и отправляют обратно. Остальным грозят тюрьмой и конфискацией инструментов, денег и одежды. На русских инженеров и рабочих Гепеу смотрит как на «рабочую силу», на простую скотину. Рабочие лишены всяких прав и не только не имеют права бастовать, как в Америке, в целях добиться лучшей жизни и лучших условий труда, но даже лишены простого права защищать себя на суде, когда их невинно обвиняют.

Русские восхищаются знанием и умением иностранных спецов. Но презирают их за то, что они живут на привилегированном положении. А хуже всего русские рабочие ненавидят Гепеу, которое распоряжается всем и высасывает из них последние соки.

— Русский народ — очень добрый и хороший народ, — говорят американцы. — Но аппарат Гепеу

и советская система управления очень плохие. Чем дальше от Москвы, тем сильнее власть Гепеу и тем хуже сов. рабочим.

Иностранным спецам не разрешается посылать и вывозить денег за-границу. Они это делают тайным порядком, посылая деньги возвращающимися спецами. Иного выхода нет. Совласть одной рукой дает, а другой берет.

По приезде в Москву один американец имел 1.600 рублей. Он вынужден был сидеть в Москве и провести все эти деньги. Американец привез 110 долларов, когда приехал в СССР. Их обменяли по курсу 2 р. 20 коп. за доллар и обещали вернуть эти деньги, когда американец будет возвращаться в Америку. Через три года закон отменили, и американец потерял право на получение своих долларов.

— Я потратил 15 суток в Москве, чтобы добиться разрешения на право возвращения в Америку, — рассказывал мне американец.

Наркомтяжпром — Народный комиссариат тяжелой промышленности — согласился купить американцу билет до Нью-Иорка и дал 10 долларов наличными на дорожные расходы. Так как за эти деньги нельзя было проехать из Нью-Иорка в Детройт, то американец вынужден был четыре раза ходить с жалобой к самому Калинину, Всероссийскому старосте, и с трудом получил еще 20 долларов; за это время все его сов. рубли уплыли на оплату гостиницы, стола и на взятки комиссарам, чтобы те в благодарность за три года работы разрешили спецам уехать из СССР.

— Советское государство, это — неслыханный обман и спекуляция, — говорят американские спецы. — Доверять сов. государству нельзя: у сов. государства все права, а у народа, даже иностранцев, у которых имеется контракт в руках, нет никаких прав, кроме обязанностей.

24. ОБРАТНО В АМЕРИКУ

В деревню я приехал в страду. Огромные поля были покрыты небольшими скирдами снопов, разбросанных по полю и принадлежащих крестьянам-частникам и колхозникам. Приятно и мило было смотреть на это крестьянское поле и добро.

Летние ночи в Западной части России короткие и холодные. Солнце еще на закате, а роса уже густой влагой покрывает землю. Утром солнце медленно поднимается на восточном горизонте и, как губка, постепенно снимает густую и холодную росу. Крестьяне и крестьянки, колхозники и колхозницы почти с восходом солнца встают и голодные спешат в поле. Возвращаются-же домой вечером, когда начинает темнеть. Все время крестьяне в поле, как муравьи и трудолюбивые пчелы, тяжело трудятся и не чувствуют усталости. Труд их физический, тяжелый, но здоровый, на широком просторе, под палящими лучами солнца, которое нежно всех ласкает и приятно всем улыбается. Все это я вижу каждый день, выходя ранним утром и кочуя по проселочным дорогам из одной деревни в другую. И мысленно я радуюсь. глядя на большой простор зрелых полей, покрытых скирдами снопов, на небольшие зеленеющие луга,

расположенные среди полей с небольшими стогами сена, на колышущийся густой лес с мелкими деревьями, расположенный между полей и лугов; порою останавливаюсь, вдыхаю полной грудью зелень разнообразнейших трав и цветов, смотрю на чудную мать-природу, впервые через 21½ г.

Как хорошо жить среди этих чудных полей, — думал я. Здесь все так мило и красиво: и солнце нежно улыбается, и в лесу поют на разный лад птички, и в поле стрекочет сверчок, а где-то высоко, высоко прелестно поет жаворонок. Крестьянки жнут простыми прадедовскими серпами, дрожащий от ветра, небольшой овес; кое-где колхозная жатка, запряженная парой тощих лошадей, трещит и шумит. За нею вслед идут колхозницы, вяжут снопы и сносят в скирды; кое-где молодые пастушки пасут небольшое стадо рогатого скота. Обгоняют пешеходы, с любопытством оглядывающие меня, празднично одетого и побритого «американца», бродящего по грязным проселочным дорогам.

Мысленно я радуюсь, глядя на все, а душа отчего-то сильно ноет и не дает мне покою ни днем, ни ночью. Ежедневно я встречаю сотни крестьян и крестьянок, все они выглядят усталыми, тощими, худыми, малокровными, угрюмыми, вялыми и безжизненными, точно мертвецы. Зачем и отчего они все угрюмы, невеселы и грустны? У вас невольно появляется какая-то жалость к этим несчастным землеробам. Хочется помочь им, но вы сознаете, что не можете этого сделать: один в поле не воин. А если это так, то поскорее надо вернуться обратно в Аме-

рику, чтобы не видеть этих мучеников - крестьян, похожих на тени и мертвецов в гробах.

Долго и упорно я боролся с тем, чтобы закалить себя и дальше остаться на родине, о которой я много мечтал и думал, живя в Америке. Я не мог этого сделать. И уехал, уехал внезапно, как и приехал.

— Зачем ты, сынок, так скоро уезжаешь от нас? — с недоумением и со слезами, прижимая меня к своей старческой груди, спрашивала родная мать.

— Прощай родная земля, прощай дорогая мать и ты мученик, русский народ, — думал я, оставляя родину и разбитые мечты. И только тогда, когда я очутился опять за-границей, я вспомнил слова нашего колониального поэта М. К. Стоцкого:

«Русь родная моя!
«На чужой стороне,
«Только ты мне и мать и подруга,
«И тебя лишь одну,
«Я люблю больше лучшего друга!»

25. И СНОВА В АМЕРИКЕ

Итак, моя 3-хмесячная поездка на родину и обратно закончена. Время прошло быстро, незаметно и весело. Воспоминаний осталось много, а впечатлений еще больше.

Оставив Америку в жаркие июльские дни, возвращаюсь в прохладные сентябрьские. Это — самое лучшее время для путешествий, особенно за океан, в далекую старушку-Европу. За это сравнительно короткое время пришлось проехать по морю и суше свыше 14,000 английских миль и посетить це-

лый ряд больших и малых стран — Великобританию, Францию, Данию, Швецю, Финляндию, Россию, Польшу, Германию и другие. Каждые 2—3 дня приходилось, как кочевнику, переезжать из одного города в другой, из одной страны в другую. Ехать по железным дорогам, речными пароходами и автобусами, иногда по 2—3 ночи без сна, очень тяжело. Все это для того, чтобы собрать больше сведений о том, чем дышут, что делают и как люди в Европе живут. Удовольствие это очень дорогое, но я очень рад, что хоть раз в жизни, быть может, в последний раз, счастье улыбнулось: на 20-ом году жизни в Америке пришлось побывать в Европе и заглянуть в родные края.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Когда ребенок рождается, он не знает, что будет с ним. Нечто аналогичное случилось и со мной. Начав писать краткие очерки о Сов. России в газете, я впоследствии так увлекся писанием, что даже незаметно для себя, продолжая писать, написал большую книгу. Конечно, я многим обязан читателям, горячо отозвавшимся на мои первые очерки, и побудившим этим меня продолжать писать. Без этого я не решился-бы написать столько, сколько написал.

Книга моя не составлят ничего цельного и законченного. Я наблюдал, как говорят, с высоты птичьего полета советскую жизнь, и все, что я видел и слышал, отметил в своей книге, затронув в ней целый ряд важных вопросов из советской жизни. Мне понадобилось-бы написать несколько больших

томов, если-бы я решил детально осветить все вопросы, затронутые в книге. Для этого у меня нет ни времени, ни физических сил.

В СССР я старался выяснить вопрос: строится-ли в СССР социализм? Я изучал годы социализм в теории и прекрасно знаю, что пути к подлинному социализму могут быть только через свободу и кооперацию народных масс, рабочих и крестьян и их трудовой интеллигенции. Свободы и взаимной коопераци народа нельзя со свечой найти в СССР. А без свободы и народовластия не может быть социализма. Социализм рабским, принудительным и каторжным трудом, как делается в СССР, не построишь.

О сов. крестьянине почти ничего не писали в последние годы. А Сов. Россия — крестьянская страна. Я уделил много места жизни крестьян в СССР. Зато я только мимоходом коснулся жизни городского населения и постольку, поскольку я проездом видел ее. Вообще я указал, как русский народ теперь живет, чем он питается и дышет, чего ждет и к чему стремится.

Я—не профессиональный литератор. Я—рабочий от станка. Писал в досуги, после тяжелого физического труда, по вечерам и даже ночами. 18 лет самообразовательной работы над собой помогли мне выполнить эту трудную и тяжелую работу. Когда есть желание, можно много сделать при ограниченном времени и способностях.

Надеюсь, читатель поймет меня и не будет осуждать меня за недостатки в книге. Не слава, не гордость и не честолюбие заставили меня взяться за перо. Ложь и демагогия большевиков, с одной сто-

роны, рабство и нищета русского трудового народа, с другой — вот что заставило меня написать эту книгу. Я болел душой, когда видел весь кошмар в СССР и еще больше болел тогда, когда писал выпускаемую в свет книгу.

Минский мужик.

Линия на карте обозначает путь следования автора из Лондона в СССР. Морем, речными пароходами и железными дорогами—

покрыто более 14,000 англ. миль. На крестьянском возу и пешком — около 150 километров.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ:

Страница	Строка	Написано:	Надо читать:
92	22	В 9 ч. 15 мин.	В 8 ч. 30 м.
93	29	Сюрпиз	Сюрприз
107	4	До 300 возов	
		ежегодно	ежедневно
186	14	Пятидевка	пятидневка
246	25	Моншескую	монашескую
258	15	Выражено	выражение